

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4 (16)

Киров
2019

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 4 (16)

Kirov
2019

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- A. S. Drikker**, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Лейбович О. Л.</i> Региональное номенклатурное сообщество в 1946–1953 гг.: социальное самоопределение и корпоративные практики.....	7
<i>Никитин М. А., Машковцева В. В.</i> Конфессиональная политика властей по отношению к руководству и верующим Русской православной церкви в 1964–1985 гг. (на материалах Кировской области).....	17
<i>Бушмаков А. В.</i> Пьяные погромы 1917 г. в Пермской губернии: историко-культурологический анализ.....	25
<i>Орлов М. А.</i> Влияние государственной политики в области миссионерства на вятских каринских татар в XVIII в.	33
<i>Корепанов А. С.</i> Уржумский уезд Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: социально-демографическая характеристика.....	42

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Буранок С. О., Селифонтова Д. Ю.</i> Китайский кризис: изоляционистские настроения периодической печати США.....	49
---	----

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Романов В. В.</i> Новый взгляд на греческий аспект генезиса холодной войны	54
---	----

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Старков Р. Л., Кайсин А. О., Девятова К. А., Глазырина М. К., Мусихин А. Л., Онуфриенко Ю. А., Борисова А. М.</i> Деревня Лучины по письменным источникам и археологическим данным	59
---	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кичигина В. В.</i> Неочевидный ответ на простой вопрос («Кто убил?» в романах Достоевского)	80
<i>Петухов В. Д.</i> Циклизация повестей в творчестве В. А. Соллогуба 1840-х годов.....	87
<i>Яшина К. И.</i> «И ладен строй души, отверстой для любви»: образ Карелии в стихотворениях Беллы Ахмадулиной	94

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Корнеева А. Ю.</i> Роль культурных центров в социокультурной адаптации детей-мигрантов.....	101
<i>Дюкин С. Г.</i> Об эмансипационном потенциале рок-культуры	108

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Помелов В. Б.</i> Семья Трейтер и Вятский край.....	115
--	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

<i>Leibovich O. L.</i> Regional nomenclature community in 1946–1953: social self-determination and corporate practices.....	7
<i>Nikitin M. A., Mashkovtseva V. V.</i> Confessional policy of the authorities towards the leadership and believers of the Russian Orthodox Church in 1964–1985 (based on the materials of the Kirov region).....	17
<i>Bushmakov A. V.</i> Drunken pogroms of 1917 in the Perm province: historical and cultural analysis	25
<i>Orlov M. A.</i> Influence of state policy in the field of missionary work on the Vyatka Karin Tatars in the XVIII century	33
<i>Korepanov A. S.</i> Urzhum uyezd of Vyatka province in the second half of the XIX – early XX centuries: socio-demographic characteristics	42

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

<i>Buranok S. O., Selifontova D. Yu.</i> China crisis: isolationist mood of the USA periodical press	49
---	----

ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

<i>Romanov V. V.</i> A new look at the Greek aspect of the Cold War Genesis.....	54
--	----

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

<i>Starkov R. L., Kaisin A. O., Devyatova K. A., Glazyrina M. K., Musikhin A. L., Onufrienko Yu. A., Borisova A. M.</i> Village of Luchina according to written sources and archaeological data.....	59
---	----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Kichigina V. V.</i> The non-obvious answer to a simple question ("Who killed?" in Dostoevsky's novels)	80
<i>Petuhov V. D.</i> Cyclization of stories in the works of V. A. Sollogub in the 1840s.....	87
<i>Yashina K. I.</i> "And fine is the structure of the soul, open for love": the image of Karelia in the poems of Bella Ahmadulina.....	94

CULTURAL STUDY

<i>Korneeva A. Yu.</i> The role of cultural centers in the socio-cultural adaptation of migrant children	101
<i>Dyukin S. G.</i> About the emancipation potential of rock culture	108

FROM THE HISTORY OF EDUCATION

<i>Pomelov V. B.</i> Treiter family and Vyatka region.....	115
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947

DOI 10.25730/VSU.2070.19.039

Региональное номенклатурное сообщество в 1946–1953 гг.: социальное самоопределение и корпоративные практики

О. Л. Лейбович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры.

Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-5191-939X. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Аннотация. В статье на основании эго-документов и источников партийного делопроизводства произведена реконструкция социальной идентификации номенклатурных работников в 1946–1953 гг. Установлено, что иерархия должностей определялась властными компетенциями партийной инстанции. Статус руководителя зависел от того, какой партийный комитет имел право утверждать его на эту должность. Должностные лица, утвержденные политбюро ЦК ВКП(б), имели преимущества перед работниками, утвержденными оргбюро ЦК; должностные лица, входившие в основную номенклатуру обкома, обладали более высоким статусом по отношению к номенклатуре горкома партии. Руководящие работники в послевоенную эпоху осознавали свои высокие статусные позиции «партийных лидеров» по отношению к рядовой партийной массе.

Социальное положение номенклатурного работника обеспечивалось выделяемыми в его распоряжение материальными ресурсами.

Его поведение регулировалось также неписаными правилами, допускающими право пользоваться дополнительными привилегиями по должности, в том числе ограждением от уголовного преследования по незначительным правонарушениям, использование своего служебного положения для самоснабжения, организации личного и корпоративного досуга.

В своих управленческих практиках партийные руководители областного звена ориентировались на готовые образцы. Управлять – на практике означало принимать единоличные решения, добиваться от подчиненных безоговорочного исполнения распоряжений, хотя бы по отчетам.

Анестезирующим средством для партийных руководителей служили алкогольные практики, позволяющие нейтрализовать ситуацию неопределенности, постоянно действующих рисков и реальной угрозы потерять должность и статус. Результаты исследования призваны уточнить процесс формирования социальной группы, доминирующей в советском обществе.

Ключевые слова: партийная номенклатура, советское общество, 1946–1953 гг., регионы, идентичность, обычное право, стратегии социальной идентификации.

В 1949 году первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б) г. Молотова М. И. Гладков объяснил работнику партийного аппарата Камского речного пароходства, почему тот не может претендовать на улучшение жилищных условий: «Вы забываете о трудностях и о дифференциации лидеров коммунистической партии, ведь вы рядовой коммунист» [30, с. 52]. Слово «дифференциация» не входило в тогдашний партийный лексикон, возможно, по этой причине незадачливый проситель его и запомнил. Но в этой реплике секретаря райкома было адекватно выражено его понимание сложившегося после войны социального порядка – номенклатурной организации общественной жизни.

Номенклатурные сюжеты сохраняют свою актуальность для современной историографии [см.: 4, с. 291–304; 6; 8, с. 53–56; 10, с. 74–77; 11; 21, с. 69–76; 31; 43, с. 129–148]. Это касается и исследования региональных номенклатур в послевоенные десятилетия [5; 15; 19; 20]. По поводу реального политического статуса номенклатуры наблюдается самый широкий диапазон оценок: от полновластного правящего класса (П. Фут) [35] до безропотных орудий верховной

власти: «Положение партхозноменклатуры мало чем отличалось от положения крепостных. Номенклатурная колода “тасовалась” по усмотрению верховной власти почти так же, как некогда продавались помещиком его крестьяне...» (О. В. Гаман-Голутвина) [7, с. 100].

Остается мало исследованной субъектная сторона процесса социальной стратификации: осознание собственной социальной идентичности «лидеров коммунистической партии», по выражению районного секретаря. Выявление способов социального самоопределения номенклатурных работников областного звена, преимущественно на основе документов партийного делопроизводства, отложившихся в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ), является целью статьи.

Тот факт, что ответственные работники все более отдалялись по своему имущественному положению, внешнему виду и манерам не только от основной массы горожан, в том числе и «рядовых коммунистов», но и от интеллигенции, не остался незамеченным современниками.

Рабочий жаловался в обком на сотрудницу районного партаппарата, обижаясь на то, что она «...брезгует рабочего человека, если он плохо одет, называла “шпаной”, “пьяницей” и т. д.» [1, с. 131].

Ответственные работники, действительно, одевались иначе. «При Сталине их узнавали сразу, – читаем в записках британского дипломата. – Это были люди похожего телосложения: невысокие, коренастые, крепкие, но описать их по отдельности не представляется возможным» [46, с. 103].

Л. Я. Гинзбург в те годы обнаружила приметы становления новой иерархии, по ее мнению, прямо заимствованной из иерархии военной:

«Она гораздо иерархичнее имущественного неравенства, и по психологической своей сущности – ближе к неравенству сословному, кастовому, и именно для него создает предпосылки» [9, с. 282].

Партийный журналист клеймил чиновников «мелкой аристократией» и «паразитической знатью», предчувствуя в них могильщиков социализма [16, с. 326–339].

К 1950 г. на чиновников 20 министерств надели мундиры со знаками различия – погонами, петличками, золотым и серебряным шитьем [21, с. 30]. Директора крупных оборонных заводов, произведенные в 1944–1945 гг. в генеральские чины и отмеченные полководческими орденами, носили соответствующие их рангу форменные шинели и кители. Даже партийные работники высшего звена появлялись на службе в генеральских мундирах. Д. Н. Шепилов вспоминал, как он встретил в здании ЦК А. А. Жданова: «Андрей Александрович был в военном кителе с погонами генерал-полковника... я тоже оказался в генеральской форме. Внешний облик, его манера держаться и говорить, его покоряющая улыбка – все это очень располагало к себе» [42, с. 74].

Для директоров трестов строили огороженные забором особняки. Начальственные кабинеты обставляли антикварной мебелью. В феврале-апреле 1950 г. партийная организация Ленинского района г. Молотова обсуждала жилищные условия и меблировку служебного кабинета начальника комбината «Молотовуголь» П. Г. Плихина, в недавнем прошлом партийного работника. Его обвиняли в личной нескромности, в тяге к роскоши. Упоминали только что выстроенный особняк с колоннами, куда он только что вселился с семьей. Больше всего возмущало убранство служебного кабинета: «Плихин и его услужливый зам. Михлин щедро тратили государственные деньги на оборудование кабинета и создание “уюта” в работе, приобретая чернильный прибор стоимостью 10 тысяч рублей, оборудование кабинета обходилось в четверть миллиона рублей» [30, с. 11].

Здесь важна аргументация, при помощи которой директор треста защищался от критики. Он не отрицал того, что мебель приобретена за 250 000 рублей, а письменный прибор – за 25 000 рублей. «Что это за мебель? Это антикварная, ручная работа, по теперешнему времени нужно работнику сидеть три года, чтобы вырезать ее» [34, с. 53]. По поводу особняка он напомнил членам пленума райкома, что «большинство начальников комбинатов живут в особняках» [34, с. 150], и сослался на «... неписанный порядок, что если строится дом, который закрепляется за начальником комбината, то строится хорошо и даже с некоторой роскошью. В отношении колонн это областной архитектор т. Попцов виноват, который не хочет, чтобы без колонн строить дома в Молотове» [34, с. 54].

П. Г. Плихин не отрицал факты, да, живу с семьей в особняке с колоннами, да, пользуюсь письменным прибором из ценных пород камня, да, сижу за столом антикварной работы, но это все полагается мне по рангу и не является чем-то исключительным, но вполне соответ-

ствующим сложившемуся порядку. Заметим, что с такой аргументацией, в конце концов, согласилось и бюро обкома. П. Г. Плихину объявили строгий выговор «за неправильное отношение к критике недостатков в работе, к подбору руководящих кадров, допущение в управленческом аппарате бюрократизма и угодничества» [27, с. 42]. Отнюдь не за антикварную мебель и особняк с колоннами. Не решились ставить под сомнение сложившийся порядок. В то же время секретарь райкома, на собственные средства выстроивший себе деревянный домик жилой площадью 40 кв. м, был уличен в «обрастании», «мелкобуржуазности» и снят с работы. Секретарь горкома ВКП(б) аргументировал это тем, что «...партийный руководитель превращается в обывателя, сходит с партийных позиций. Партийный руководитель может быть в любое время переведен на другую работу, поэтому совершенно излишне иметь свой дом и хозяйство. Это приводит партийных руководителей к сращиванию с хозяйственными руководителями и ставит их на беспринципные позиции и теряется революционная бдительность» [23, с. 27].

В объяснениях П. Г. Плихина прочитывается новое представление «лидера коммунистической партии» о своих прерогативах и возможностях. Добавим, что директор комбината в своих оправданиях делал акцент на том, что и особняк, и антиквариат, и четыре персональных автомобиля, за ним закрепленных, отнюдь не являются его личным имуществом, а полагаются ему по должности: «Но этот особняк – не моя собственность, а государственная. Не буду я завтра работать в комбинате – значит, и в нем не буду жить ни одного дня» [34, с. 150].

На должность его назначили приказом министра угольной промышленности СССР по представлению соответствующего отдела ЦК ВКП(б) и по согласованию с бюро обкома партии. Директор комбината – лицо номенклатурное – и в этом отношении неуязвимое для районных и городских инстанций. Все тот же М. И. Гладков разъяснял второму секретарю райкома, что тот не смеет его критиковать за «необъяснимые отсутствия на работе» (деликатный эвфемизм для обозначения запоев. – О.Л.), поскольку «Гладков утвержден Оргбюро ЦК ВКП(б)», он, стало быть, «...вне подозрений, и моя дерзость не будет забыта» [30, с. 41–42]. В этой реплике четко выражена идея – статус ответственного работника определяется тем, в какие номенклатурные списки была занесена его фамилия, каким уровнем доверия он облечен. Достоинство ответственного работника, в конечном счете, определялось тем, какая инстанция утверждала его в должности, по какому разделу в «системе учета и распределения ответственных работников» он значится.

Индивидуальные черты и даже деловые свойства являлись чем-то второстепенным по отношению к номенклатурному весу. Заведующий административным отделом обкома КПСС мог ставить на место зам. начальника областного угрозыска: «Вы не номенклатурный работник» [29, с. 100]. В данном случае это означало, что ведомственные номенклатурные списки уступали по значимости спискам партийным. Мы имеем дело с иерархией номенклатур – иерархией, оказывающей прямое воздействие на формирование идентичности ответственного работника, на осознание им собственных возможностей, притязаний и перспектив. Нижестоящие должностные лица перенимали стили общественного представительства от лиц вышестоящих. Секретаря обкома за глаза называли «хозяином области» и боялись начальственного гнева. На партийном языке это называлось: «слепо верил в авторитет и непогрешимость» [12, с. 17]. Властные методы копировали секретари районных комитетов. Сверху это выглядело дурной карикатурой на большой управленческий стиль. Секретарь Молотовского обкома ВКП(б) К. М. Хмелевский публично бранил районное руководство: «Существует ли в Осе такой орган, как районный комитет партии, или там перешли к методам единоличного управления районом. К сожалению, Осинский район не исключение. Методы, применяемые в Осе, имеют большее или меньшее распространение во многих районах области» [32, с. 10–11].

На самом деле, «метод единоличного управления» насаждался сверху, о чем со знанием дела в 1956 г. говорил В. Гомулка: «Суть этой системы заключалась в создании индивидуальной иерархической лестницы культов. Каждый такой культ охватывает конкретную область, в которой он функционирует» [45].

Позиция на карьерной ступеньке означала для номенклатурного работника подчиняться писаным и неписаным правилам. Сориентироваться в лабиринте не видимых постороннему взгляду межличностных ожиданий, взаимных услуг, интриг и конфликтов, застарелых обид и новых возможностей. Найти сильного патрона и обзавестись собственной клиентелой. Соблюдать при этом все условности большевистской этики: с достоинством держаться на публике, не забывать о критике и самокритике, демонстрировать партийную скромность,

иначе говоря, вести двойную жизнь: одну сугубо публичную, декоративно выстроенную по партийным канонам; другую – закрытую от посторонних глаз, внутри ближайшего круга (малой публичности), более раскованную. Знать границы возможностей – и не переходить их, однако и не сворачивать до минимума.

В частных письмах К. М. Хмелевского своему ближайшему товарищу в г. Молотов можно очертить ближний круг областного руководителя: профессор медицины, редактор газеты, областной прокурор, секретарь райкома, председатель облисполкома, театральные работники. Все это лица номенклатурные, но не равные ему по рангу. Они привлекли «хозяина области» чем-то иным: рассудительностью, личной независимостью, возможно, умением держать дистанцию. Был в их числе и второй секретарь обкома, постаравшийся отмежеваться от своего бывшего шефа и близкого товарища. К. М. Хмелевский заклеил его «современным Тартюфом» [37, с. 43].

На рубеже 1940–1950-х гг. номенклатурный работник областного звена мог пользоваться положенными ему материальными ресурсами: временным денежным довольствием, курортным лечением, служебным автомобилем, а также привилегиями «по обычаю» – дарами подчиненных ему хозяйственных организаций и услугами зависимых от него лиц и некоторой снисходительностью со стороны карательных органов. Так, нетрезвый парторг ЦК ВКП(б) на шахте мог разоружить сотрудника МВД, угнать с привокзальной станции лошадей с розвальнями, отобранным пистолетом отогнать конюха, узнать от прокурора, что этот «факт граничит с уголовным преступлением» и ограничиться беседой с секретарем горкома [25, с. 24]. Сын директора исследовательского института на мотоцикле устроил ДТП со смертельным исходом, за что был исключен из партии – и вскоре восстановлен решением КПК при ЦК ВКП(б) [14, с. 4].

Историк может узнать о действующем «обычном праве» только в том случае, если практики такого рода становились предметом партийных расследований. А это происходило, как правило, только во время политических кампаний регионального уровня, сопровождавших снятие с работы областного руководства.

В декабре 1949 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление по Молотовскому обкому, в котором, в частности, указывалось: «Ввиду того что при проверке вскрылись крупные недостатки в работе первого секретаря Молотовского обкома ВКП(б) т. Хмелевского, а также в связи с тем, что он не обеспечивает развертывание критики и самокритики в партийной организации и допускает серьезные ошибки в подборе и воспитании кадров, освободить т. Хмелевского К. М. от обязанностей первого секретаря Молотовского обкома ВКП(б)» [24, с. 9]. При обсуждении этого постановления в областной организации тема неправильного воспитания кадров была доминирующей. В связи с этим на партийных активах вскрывали и разоблачали факты неправильного поведения ответственных работников. Тут и выяснилось, что хозяйственные руководители в г. Половинка устроили в нововыстроенном доме отдыха дом свиданий, исправно функционирующий раз в неделю. «На одной машине приезжали эти почтенные руководители, на другой – подвозили им чужих жен, или девушек для развлечения» [25, с. 8]. Лишних людей выселяли. Вокруг дома выставляли вооруженную охрану. И когда шахтеру по ошибке выдали путевку на этот день, охрана встретила его выстрелами [26, с. 4]. Надо отметить, что дом свиданий функционировал несколько лет, в партийном активе о нем сплетничали, наблюдали сцены ревности в городском клубе и в директорских приемных, но до поры до времени сор из избы не выносили.

Обком ВКП(б) в первые послевоенные годы воевал с т. н. «поборничеством» – новейшей формой полюбья. Секретарь райкома объезжал подведомственные ему предприятия и брал продукты и вещи. Читаем в справке инструктора обкома, как секретарь сельского райкома партии «пользовался бесплатными услугами хозяйственных организаций района, беря в них сено для личной коровы, дрова для квартиры, одежду и наличные деньги». В леспромхозе «взял полушубок стоимостью 590 рублей и не заплатил за него», на базе сплавной конторы забрал «зимнее пальто», в стройуправлении взял деньги «в сумме 1500 рублей якобы для приобретения книг для стройуправления при поездке в гор. Молотов», но в областной центр «не ездил и тем более книг никаких не приобрел» [3, с. 23–24].

Секретари районных комитетов явочным порядком завоевали себе право на неограниченное потребление алкоголя – в помещении райкома партии, в столовых потребкооперации, в клубах и на т. н. «закрытых объектах». Коллективное застолье полуофициально называлось банкетом. Секретарь одного из промышленных горкомов Молотовской области в порядке са-

мокритики признавал: «Имели место торжественные даты отмечать банкетами, это порочная практика дала свои результаты» [26, с. 1]. Прочитать описание рядового банкета в доме отдыха можно в справке, составленной инструктором обкома ВКП(б): «Вечер проходил в помещении столовой; присутствующие сидели за накрытыми столами, перед каждым стояла закуска и брага, приготовленная из двух пудов сахару и хмеля. Кроме того, для любителей на вечере был организован платный буфет с водкой. Ужин закончился песнями под баян» [13, с. 25]. В письме, адресованном в обком, сообщались подробности: «Клуб был заполнен детьми и взрослыми людьми, где была демонстрирована массовая пьянка под руководством секретаря парторганизации дома отдыха, который исполнял цыганскую пляску в таком безобразном, шумном, дымном от курения и грязном от блевотины клубе. Здесь также присутствовал первый секретарь Кишертского РК ВКП(б) и Кишертский райвоенком, где они вели себя безобразно. Майор в погонах валялся на полу клуба, где присутствовала молодежь, а секретаря райкома невозможно было отличить от зав. гаража дома отдыха ввиду того, что он был весь в грязи» [36, с. 28].

В практиках такого рода номенклатурные работники демонстрировали на ином уровне подчинение «неписаным правилам» – своего рода коллективным нормам корпоративного общежития. Происхождение этих норм следует искать в традициях низовой (сельской или слободской) праздничной культуры, но также и в укоренившихся образах времяпровождения бывших господствующих классов. Время от времени тому или иному партийному начальнику бросали упрек в помещичьем образе жизни. «Что касается того, что я и Красильников живем как помещики, то мне кажется, что тов. Чеганов не видал живых помещиков, да и что проще, прийти и посмотреть, как я живу», – отвечал бывший партийный секретарь [28, с. 27].

Из помещичьих привычек у партийных руководителей можно было обнаружить только страсть к охоте и театру [см.: 33; 34].

Отождествление досуга с алкогольными практиками, пьяным разгулом в тесном кругу имело иное культурное происхождение. Номенклатурные работники следовали устоявшимся привычкам, сформированным в заводских слободках, укоренившимся в бараках и казармах, предъявляемых на улицах больших городов. Жители г. Молотова ежедневно могли наблюдать не убранных возле трамвайных остановок пьяных, сторониться там и тут возникающих потасовок, слышать не смолкающую брань. «Всюду водка, куда бы глаз ни кинул, – говорил на сессии Молотовского райсовета разгневанный депутат. – Почти под самыми окнами райисполкома на трамвайной остановке расположены три ларька, которые торгуют водкой на разлив. Тут творится что-то невообразимое. Везде толпятся завсегдатаи, всегда вы услышите матерную ругань, грубые выкрики, всюду вы увидите тут пьяных. Очень часто можно видеть, как некоторые пьяные люди, уже потеряв всякое человеческое достоинство, в самых некрасивых и неприятных позах валяются тут же у ларьков на панели» [17, с. 6–7].

Рабочие критиковали Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о снижении цен: «...лучше бы подешевле сделали хлеб, а не водку» [18, с. 3].

Секретарь Ленинского райкома в отличие от рабочего завода им. Молотова мог пить, закрывшись в собственном кабинете, и падать не на заплыванную мостовую, а отстиранный от следов прошлой пьянки ковер. За глаза его звали «Забулдыга Иванович» [30, с. 9].

Привычка к алкоголю считалась вполне простительной слабостью в начальственных кабинетах, такой же, как в заводских подсобках и конторках.

В этих практиках номенклатурные работники находили возможность компенсировать риски управленческой деятельности: пробелы и затемнения в анкетах, возможное падение покровительствующего патрона, наконец, снятие с работы из-за невыполнения поставленных сверху заданий. Даже реализация плановых показателей не спасала от критики сверху [см.: 2, с. 55–62]. Условия труда и быта рядовых работников были таковы, что можно было в любой момент ожидать жалобу в ЦК ВКП(б) или просто И. В. Сталину. Алкоголь в такой ситуации служил социальным анестезирующим средством, позволяющим хоть на время избавиться от чувства тревоги и страха перед будущим. «Наука скоро разработает межпланетные сообщения, и мы с тобой еще доживем до этого момента, а поскольку на Марсе нет ни критики, ни самокритики – значит, мы с тобой проживем в два раза больше лет, чем на Земле», – невесело шутил снятый с должности секретарь обкома [38, л. 22об.].

В распоряжении историка не хватает материалов, чтобы с достаточной полнотой реконструировать жизненный мир ответственного номенклатурного работника, испытываемый им трагизм положения в момент утраты должности. В письмах К. М. Хмелевского к быв-

шему редактору областной газеты «Звезда» главной темой является партийная работа: «Свою профессию я очень люблю» [39, с. 23]. Отметим, что ни в одном из перечней Министерства труда СССР, или ВЦСПС профессия регионального партийного руководителя не значилась. Тем не менее, для бывшего секретаря областного комитета она существовала в реальности, более того, придавала смысл его жизни, наконец, определяла видение мира. На все события, которые были затронуты в текстах, он смотрел через призму этой профессии, более того, для их описания он использовал партийный язык. Мир К. М. Хмелевского – это мир партийных комитетов, решений, проектов, отчетов. Люди, встречающиеся в нем, это в массе своей также партийные работники, поделенные на друзей и врагов. Картины мира выглядят застывшими во времени. Сквозной сюжет в письмах К. М. Хмелевского – постановление Оргбюро ЦК от 26 декабря 1949 г. Для него это не зажившая травма, перечеркнувшая весь прежний жизненный путь. Чтобы изжить эту травму, он добивался от ЦК партии отмены постановления: «Решение оргбюро ЦК должно быть отменено как необоснованное, и к делам Маленкова добавлено еще и “Пермское дело”» [41, с. 34].

И тогда жизнь вернется в свою колею; покинутая им область получит новые импульсы для развития; из его личной биографии будут вырваны порочащие его страницы. В конце концов, КПК при ЦК КПСС информировала К. М. Хмелевского, что он может «...не упоминать в своей автобиографии» предъявленных ему в декабре 1949 г. «нелепых, надуманных» обвинений [40, л. 29об.]. Постановление так и не отменили; время К. М. Хмелевского остановилось 26 декабря 1949 года – в день, когда пятеро членов оргбюро ЦК (М. Ф. Шкирятов, Л. З. Мехлис, П. К. Пономаренко, Н. А. Булганин, Г. М. Маленков) простым поднятием руки осудили управленческие практики Молотовского обкома партии.

Подведем итоги. В партийно-государственной номенклатуре 1940–1950-х доминировал иерархический порядок, соответствовавший официальному статусу инстанции, утверждавшей кандидатуры на соответствующую должность. В свою очередь, номенклатурные работники демонстрировали собственную принадлежность к кругу избранных – ответственных руководителей, обладавших расширенными полномочиями и соответствующими их рангу ресурсами. Члены номенклатурной корпорации подчинялись неписаным правилам поведения, выходящим за рамки уставных требований и ведомственных циркуляров. Разученные ими практики формировали новую корпоративную идентичность, позволившую помещать собственное «я» в престижный социальный круг.

Список литературы

1. Анонимное письмо Ф. М. Прассу. Копия. Машинопись. 18.03.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. Л. 131.
2. Афонин – Маленкову. О крупных недостатках в руководстве Молотовского обкома ВКП(б) предприятиями тяжелой промышленности. 11.11.1949 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 654. Л. 55–62.
3. Баранов – Пигалеву. Справка о непартийном поведении первого секретаря Гаинского райкома ВКП(б) тов. Сивкова, второго секретаря тов. Михалева, а также некоторых других работников райкома ВКП(б) и хозяйственных руководителей района. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 108. Л. 23–31.
4. Болдовский К. А. «Теория элит» и границы ее применимости при анализе структуры власти «послевоенного сталинизма» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21. С. 291–304.
5. Болдовский К. А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». Москва : Нестор-История, 2018. 312 с.
6. Властные элиты и номенклатура: Аннотированная библиография российских изданий 1990–2000 гг. / отв. ред. А. В. Дука. Санкт-Петербург : Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2001. (Библиография по общественным дисциплинам «Журнала социологии и социальной антропологии».) 2001. 152 с.
7. Гаман-Голутвина О. В. Российские политические элиты: факторы эволюции // Элитизм в России: «за» и «против» : сб. материалов интернет-конференции, февраль-май 2002 г. / под общ. ред. В. П. Мохова. Пермь : ПГТУ, 2002. С. 92–113.
8. Гатина Н. П. Советская номенклатура: история и перспективы изучения / Н. П. Гатина // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–22 октября 2010 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 53–56.
9. Гинзбург Л. Я. Записные книжки: новое собрание. Москва : Захаров, 1999. 464 с.
10. Головинова Ю. В. Партийно-административная элита СССР в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия АлтГУ. 2011. № 4-2. С. 74–77.
11. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: Векторы исследования / под ред. Д. А. Редина; Институт истории и археологии УрО РАН. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 722 с.

12. Доклад о решении ЦК ВКП(б) от 24 декабря 1949 года и постановление VI пленума Молотовского Обкома ВКП(б) «О работе Молотовского обкома ВКП(б)». 25.01.1950 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 562. Л. 8–19.
13. Зайцев – Пигалеву. О результатах проверки материалов о поведении секретаря Кишертского РК ВКП(б) тов. Нагайцева. 15.11.1949 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 112. Л. 25–26.
14. КПК при ЦК ВКП(б). Апелляция Коза Олега Михайловича (член ВКП(б) с 1946 года). 2.08.1951 // ПермГАСПИ. Ф. 78. Оп. 20. Д. 2. Л. 4.
15. Калинина О. Н. Партийные и советские руководители Западной Сибири в 1946–1964 гг.: опыт исторического анализа / Рос. акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т истории. Новосибирск : Параллель, 2013. 435 с.
16. Кимерлинг А. С., Лейбович О. Л. «Я вырос в сталинскую эпоху»: политический автопортрет советского журналиста. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 364 с.
17. Колпаков М. Н. Выступление т. Колпакова на сессии районного Совета Мотовилихи. 8.06.1951 // ГАПК. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–9.
18. Комаров – Хмелевскому. Информация о настроениях трудящихся гор. Молотова и о состоявшихся митингах по Постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления». 1.03.1949 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 519. Л. 1–7.
19. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово : Скиф, 2005. 312 с.
20. Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. 491 с.
21. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление и механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.
22. Левин М. Номенклатура – Arcanum imperii (Технология управления против социологии управления) // Куда идет Россия. Общее и особенное в современной России / под общ. ред. Т. И. Заславской. Москва : Интерцентр, 1997. С. 69–76.
23. Протокол № 2 2-го пленума Орджоникидзевского РК ВКП(б) г. Молотов. 6.06.1949 // ПермГАСПИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 257. Л. 9–29.
24. Протокол № 474 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) 26 XII 1949. Приложение. О работе Молотовского обкома ВКП(б). Утверждено Оргбюро ЦК ВКП(б) 26 XII 1949 года // ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 476. Л. 6–9.
25. Протокол № 2 партийного актива гор. Половинки. 28–29.01.1950 // ПермГАСПИ. Ф. 1982. Оп. 9. Д. 3. Л. 1–46.
26. Протокол № 2 заседания пленума Половинковского Горкома ВКП(б). 11.02.1950 // ПермГАСПИ. Ф. 1982. Оп. 9. Д. 2. Л. 1–16.
27. Протокол № 137 заседания бюро обкома ВКП(б). 18.04.1950 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 34. 96 л.
28. Протокол 8 районной партийной конференции Орджоникидзевского района гор. Молотов. 25–26 марта 1950 г. // ПермГАСПИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 272. 164 л.
29. Протокол № 20 заседания партбюро парторганизации Областного управления милиции. 11.04.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 44. Л. 90–101.
30. Протокол-стенограмма № 6 районного партийного актива Ленинского района г. Молотова. 31 января – 1 февраля 1950 г. // ПермГАСПИ. Ф. 78. Оп. 14. Д. 10. Л. 6–94.
31. Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры. 1921–1991 гг. (на материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа) / В. П. Мохов и др. Пермь : Пресстайм, 2008. 329 с.
32. Стенограмма XXI-го пленума Молотовского обкома ВКП(б). Т. 1. 15 июля 1946 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 9. 171 л.
33. Стенограмма собрания городского партийного актива. 25–26.01.1950 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 562. Л. 20–133.
34. Стенограмма X районной партийной конференции Ленинского района г. Молотова. 8–9 апреля 1950 г. // ПермГАСПИ. Ф. 78. Оп. 14. Д. 81. Л. 23–198.
35. Фут П. Социализм: демократическая альтернатива. Москва : Социалистическая солидарность, [б. г.], 69 с.
36. Хайбулин (работник мясокомбината) – «Звезда». 20.10.1949. Копия. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 112. Л. 28.
37. Хмелевский К. М. – Назаровскому Б. Н. 7.10.1954 // ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 43–44.
38. Хмелевский К. М. – Назаровскому Б. Н. 17.12.1954 // ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 22–22об.
39. Хмелевский К. М. – Назаровскому Б. Н. 18.05.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 23–23об.
40. Хмелевский К. М. – Назаровскому Б. Н. Январь 1961 // ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 29–29об.
41. Хмелевский К. М. – Назаровскому Б. Н. 12.09.1962 // ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 32–36.

42. Шепилов Д. Н. Непримкнувший. Воспоминания. Москва : Центрполиграф, 2017. 447 с.
43. Bauman Z. Officialdom and class: bases of inequality in socialist society // The social analysis of class structure / Fr. Parkin (ed). London : Tavistock Publication, 1974. Pp. 129–148.
44. Blackwell R. E. Elite recruitment and functional change: An analysis of the Soviet obkom elite. 1950–1968 // Journal of politics. 1972. Vol. 34. No. 1. Pp. 124–152.
45. Gomulka Wl. Przemówienie Władysława Gomułki, wygłoszone na VIII Plenum KC PZPR 20.10.1956 r. URL: <http://pazdziernik56.pl/przemowienie-wladyslawa-gomulki-wygloszone-na-viii-plenum-kc-pzpr-20-10-1956-r>. (дата обращения: 20.02.2020).
46. Hayter W. G. A double Life. London: Hamish Hamilton 1974. 184 p.

Regional nomenclature community in 1946–1953: social self-determination and corporate practices

O. L. Leibovich

Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-5191-939X. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Abstract. The article reconstructs the social identification of nomenclature workers in 1946–1953 on the basis of ego documents and sources of party records. It is established that the hierarchy of positions was determined by the power competence of the party instance. The status of the leader depended on which party Committee had the right to approve him for this position. Officials approved by the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b) had advantages over employees approved by the organizational Bureau of the Central Committee; officials who were part of the main nomenclature of the regional Committee had a higher status in relation to the nomenclature of the city Committee of the party. Senior officials in the post-war era were aware of their high status positions as "party leaders" in relation to the ordinary party mass.

The social status of the nomenclature worker was ensured by the material resources allocated to it.

His behavior was also regulated by unwritten rules that allowed the right to enjoy additional privileges of office, including protection from criminal prosecution for minor offenses, the use of his official position for self-catering, organization of personal and corporate leisure.

In their management practices, the party leaders of the regional level focused on ready-made samples. Managing in practice meant making individual decisions, getting subordinates to unconditionally execute orders, at least according to reports.

Alcoholic practices were used as an anaesthetic for party leaders, which allowed them to neutralize the situation of uncertainty, constant risks, and the real threat of losing their position and status. The results of the study are intended to clarify the process of formation of the social group that dominates the Soviet society.

Keywords: party nomenclature, Soviet society, 1946–1953, regions, identity, customary law, social identification strategies.

References

1. *Anonimnoe pis'mo F. M. Prassu. Kopiy. Mashinopis'. 18.03.1953* – Anonymous letter to F. M. Prass. Copy. Typewriting. 18.03.1953 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 105. Inv. 20. File 177. Sh. 131.
2. *Afonin – Malenkovu. O krupnykh nedostatkakh v rukovodstve Molotovskogo obkoma VKP(b) predpriyatiyami tyazheloy promyshlennosti. 11.11.1949* – Afonin to Malenkov. About major shortcomings in the leadership of the Molotov regional committee of the CPSU (b) heavy industry enterprises. 11.11.1949 // *RGASPI* – Russian State Archive of Social and Political History. F. 17. Inv. 118. File 654. Sh. 55–62.
3. *Baranov – Pigalevu. Spravka o nepartijnom povedenii pervogo sekretarya Gainskogo rajkoma VKP(b) tov. Sivkova, vtorogo sekretarya tov. Mihaleva, a takzhe nekotorykh drugih rabotnikov rajkoma VKP(b) i hozyajstvennykh rukovoditelej rajona. Bez daty* – Baranov to Pigalev. Reference on non-party behavior of the First Secretary of the Gain district committee of the CPSU (b) comrade Sivkov, Second Secretary of comrade Mikhalev, as well as some other employees of the district committee of the CPSU (b) and economic managers of the district. Without date // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 105. Inv. 16. File 108. Sh. 23–31.
4. *Boldovskij K. A. "Teoriya elit" i granicy ee primenimosti pri analize struktury vlasti "poslevoennogo stalinizma"* ["Theory of elites" and the limits of its applicability in the analysis of the power structure of "post-war Stalinism"] // *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* – Proceedings of the historical faculty of St. Petersburg University. 2015. No. 21. Pp. 291–304.
5. *Boldovskij K. A. Padenie "blokadnykh sekretarej". Partapparat Leningrada do i posle "leningradskogo dela"* [The fall of the "blockade secretaries". The party apparatus of Leningrad before and after the "Leningrad affair"]. M. Nestor-Istoriya. 2018. 312 p.

6. *Vlastnye elity i nomenklatura: Annotirovannaya bibliografiya Rossijskikh izdanij 1990–2000 gg.* – Power elites and nomenclature: Annotated bibliography of Russian publications 1990–2000 / resp. ed. A. V. Duka. Saint Petersburg. Sociological society n. a. M. M. Kovalevsky. 2001. (Bibliography on social disciplines of the Journal of sociology and social anthropology) 2001. 152 p.
7. *Gaman-Golutsina O. V. Rossijskie politicheskie elity: faktory evolyucii* [Russian political elites: factors of evolution] // *Elitizm v Rossii: "za" i "protiv": sb. materialov internet-konferencii, fevral'–maj 2002 g.* – Elitism in Russia: "for" and "against" : collection of materials of the Internet conference, February–May 2002 / edited by V. P. Mohov. Perm. Perm State Technical University. 2002. Pp. 92–113.
8. *Gatina N. P. Sovetskaya nomenklatura: istoriya i perspektivy izucheniya* [Soviet nomenclature: history and prospects of study] / N. P. Gatina // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'. Materialy III Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 21–22 oktyabrya 2010 g.* – Document. Archive. History. Modernity. Materials of the III all-Russian scientific and practical conference. Yekaterinburg, October 21–22, 2010, Yekaterinburg. Ural University. 2010. Pp. 53–56.
9. *Ginzburg L. Ya. Zapisnye knizhki: novoe sobranie* [Notebooks: a new collection]. M. Zakharov. 1999. 464 p.
10. *Golovinova Yu. V. Partijno-administrativnaya elita SSSR v otechestvennoj istoriografii rubezha XX–XXI vv.* [The party and administrative elite of the USSR in the national historiography of the turn of the XX–XXI centuries] // *Izvestiya AltGU – News of AltSU*. 2011. No. 4-2. Pp. 74–77.
11. *Granicy i markery social'noj stratifikacii Rossii XVII–XX vv.: Vektory issledovaniya* – Borders and markers of social stratification of Russia of the XVII–XX centuries: Vectors of research / ed. by D. A. Redin; Institute of history and archeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg. Aletea. 2018. 722 p.
12. *Doklad o reshenii CK VKP(b) ot 24 dekabrya 1949 goda i postanovlenie VI plenuma Molotovskogo Obkoma VKP(b) "O rabote Molotovskogo obkoma VKP(b)". 25.01.1950* – Report on the decision of the Central Committee of the CPSU (b) of December 24, 1949 and the resolution of the VI Plenum of the Molotov Regional Committee of the CPSU (b) "On the work of the Molotov Regional Committee of the CPSU (b)". 25.01.1950 // *PermGASPI – Perm State Archive of Social and Political History*. F. 1. Inv. 45. File 562. Sh. 8–19.
13. *Zajcev – Pigalevu. O rezul'tatah proverki materialov o povedenii sekretarya Kishertsckogo RK VKP(b) tov. Nagajceva. 15.11.1949* [On the results of verification of materials on the behavior of the Secretary of the Kishertsck RC of the CPSU (b) comrade Nagaycev. 15.11.1949 // *PermGASPI – Perm State Archive of Social and Political History*. F. 105. Inv. 15. File 112. Sh. 25–26.
14. *KPK pri CK VKP(b). Apellyaciya Koza Olega Mihajlovicha (chlen VKP(b) s 1946 goda). 2.08.1951* – CPC under the Central Committee of the CPSU (b). Appeal of Oleg Mihailovich Koza (member of the CPSU (b) since 1946). 2.08.1951 // *PermGASPI – Perm State Archive of Social and Political History*. F. 78. Inv. 20. File 2. Sh. 4.
15. *Kalinina O. N. Partijnye i sovetskie rukovoditeli Zapadnoj Sibiri v 1946–1964 gg.: opyt istoricheskogo analiza* [Party and Soviet leaders of Western Siberia in 1946–1964: experience of historical analysis] / Russian Academy of Sciences, Siberian branch, Institute of history. Novosibirsk. Parallel. 2013. 435 p.
16. *Kimerling A. S., Lejbovich O. L. "Ya vyros v stalinskuyu epohu": politicheskij avtoportret sovetskogo zhurnalista* ["I grew up in the Stalinist era": political self-portrait of a Soviet journalist]. M. Higher School of Economics. 2019. 364 p.
17. *Kolpakov M. N. Vystuplenie t. Kolpakova na sessii rajonnogo Soveta Motovilihi. 8.06.1951* [Speech by T. Kolpakov at the session of the district Council of Motovilikha. 8.06.1951] // *GAPK – State Archive of Perm region*. F. R-952. Inv. 1. File 114. Sh. 1–9.
18. *Komarov – Hmelevskomu. Informaciya o nastroeniyah trudyashchihsya gor. Molotova i o sostoyavshihsya mitingah po Postanovleniyu Soveta Ministrov SSSR i CK VKP(b) "O novom snizhenii s 1 marta 1949 goda gosudarstvennyh roznichnyh cen na tovary massovogo potrebleniya". 1.03.1949* – Komarov to Hmelevsky. [Information about the mood of mountain workers. Molotov and the meetings held by the Decree of the Council of Ministers of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) "On a new reduction in the state retail prices for consumer goods from March 1, 1949". 1.03.1949] // *PermGASPI – Perm State Archive of Social and Political History*. F. 1. Inv. 45. File 519. Sh. 1–7.
19. *Konovalov A. B. Partijnaya nomenklatura Kuzbassa v gody "poslevoennogo stalinizma" i "ottepeli" (1945–1964)* [Party nomenclature of Kuzbass in the years of "post-war Stalinism" and "thaw" (1945–1964)]. Kemerovo. SKIF. 2005. 312 p.
20. *Konovalov A. B. Istoriya Kemerovskoj oblasti v biografiyah partijnyh rukovoditelej (1943–1991)* [History of the Kemerovo region in biographies of party leaders (1943–1991)]. Kemerovo. Kuzbassvuzizdat. 2004. 491 p.
21. *Korzhikhina T. P., Figatner Yu. Yu. Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie i mekhanizmy dejstviya* [Soviet nomenclature: the formation and mechanisms of action] // *Voprosy istorii – Question of history*. 1993. No. 7. Pp. 25–38.
22. *Levin M. Nomenklatura – Arcanum imperii (Tekhnologiya upravleniya protiv sociologii upravlenecv)* [Nomenclature – Arcanum imperii (Technology of management against the sociology of managers)] // *Kuda idet Rossiya. Obshchee i osobennoe v sovremennoj Rossii* – Where Russia goes. The general and the particular in modern Russia / ed. by T. I. Zaslavskaya. M. Intercenter. 1997. Pp. 69–76.
23. *Protokol № 2 2-go plenuma Ordzhonikidzevskogo RK VKP(b) g. Molotov. 6.06.1949* – Protocol No. 2 of the 2nd Plenum of the Ordzhonikidze RC of the CPSU (b) of Molotov. 6.06.1949 // *PermGASPI – Perm State Archive of Social and Political History*. F. 100. Inv. 1. File 257. Sh. 9–29.

24. *Protokol № 474 zasedaniya Orgbyuro CK VKP(b) 26 XII 1949. Prilozhenie. O rabote Molotovskogo obkoma VKP(b). Uverzhdeno Orgbyuro CK VKP(b) 26 XII 1949 goda* – Protocol No. 474 of the organizational Bureau of the Central Committee of the CPSU(b) 26 XII 1949. Application. On the work of the Molotov regional Committee of the CPSU(b). Approved by the orgburo of the CC of the CPSU(b) 26 XII 1949 // State Archive of Social and Political History. F. 17. Inv. 116. File 476. Sh. 6–9.
25. *Protokol № 2 partijnogo aktiva gor. Polovinki. 28–29.01.1950* – Protocol No. 2 of the party asset of the town Polovinki. 28–29.01.1950 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 1982. Inv. 9. File 3. Sh. 1–46.
26. *Protokol № 2 zasedaniya plenuma Polovinkovskogo Gorkoma VKP(b). 11.02.1950* – Protocol No. 2 of the plenary session of the Polovinki City Committee of the CPSU(b). 11.02.1950 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 1982. Inv. 9. File 2. Sh. 1–16.
27. *Protokol № 137 zasedaniya byuro obkoma VKP(b). 18.04.1950* – Protocol No. 137 of the meeting of the regional committee of the CPSU(b). 18.04.1950 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 105. Inv. 16. File 34. Sh. 96 l.
28. *Protokol 8 rajonnoj partijnoj konferencii Ordzhonikidzevskogo rajona gor. Molotov. 25–26 marta 1950 g.* – Protocol of the 8th district party conference of Ordzhonikidze district of the town Molot. March 25–26, 1950 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 100. Inv. 1. File 272. Sh. 164.
29. *Protokol № 20 zasedaniya partbyuro partorganizacii Oblastnogo upravleniya milicii. 11.04.1953* – Protocol No. 20 of the meeting of the party bureau of the party organization of the Regional police Department. 11.04.1953 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 1624. Inv. 1. File 44. Sh. 90–101.
30. *Protokol-stenogramma № 6 rajonnogo partijnogo aktiva Leninskogo rajona g. Molotova. 31 yanvarya – 1 fevralya 1950 g.* – Protocol-transcript No. 6 of the district party asset of the Lenin district of Molotov. January 31 – February 1, 1950 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 78. Inv. 14. File 10. Sh. 6–94.
31. *Social'nye sdvigi v pravyashchih gruppah regional'noj nomenklatury. 1921–1991 gg. (na materialah Permskoj oblasti i Komi-Permyackogo avtonomnogo okruga)* – Social shifts in the ruling groups of the regional nomenclature. 1921–1991 (based on the materials of the Perm region and the Komi-Permyak Autonomous district) / V. P. Mokhov et al. Perm: Presstime. 2008. 329 p.
32. *Stenogramma XXI-go plenuma Molotovskogo obkoma VKP(b). T. 1. 15 iyulya 1946 g.* – Transcript of the XXI-th Plenum of the Molotov regional committee of the CPSU(b). Vol. 1. 15 July 1946 // Perm State Archive of Social and Political History. F. 105. Inv. 12. File 9. Sh. 171 l.
33. *Stenogramma sobraniya gorodskogo partijnogo aktiva. 25–26.01.1950* – Transcript of the meeting of the city party asset. 25–26.01.1950 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 1. Inv. 45. File 562. Sh. 20–133.
34. *Stenogramma X rajonnoj partijnoj konferencii Leninskogo rajona g. Molotova. 8–9 aprelya 1950 g.* – Transcript of the X district party conference of the Lenin district of Molotov town. 8–9 April 1950 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 78. Inv. 14. File 81. Sh. 23–198.
35. *Foot P. Socializm: demokraticeskaya al'ternativa* [Socialism: the democratic alternative]. M. Socialist solidarity. 69 p.
36. *Hajbulin (rabotnik myasokombinata) – "Zvezda". 20.10.1949. Kopiya. Mashinopis'* – Haibulin (the slaughterhouse worker) – "Star". 20.10.1949. Copy. Typewriting // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 105. Inv. 15. File 112. Sh. 28.
37. *Hmelevskij K. M. – Nazarovskomu B. N. 7.10.1954* – Hmelevsky K. M. to Nazarovsky B. N. 7.10.1954 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 25. Inv. 1. File 12. Sh. 43–44.
38. *Hmelevskij K. M. – Nazarovskomu B. N. 17.12.1954* – Hmelevsky K. M. to Nazarovsky B. N. 17.12.1954 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 25. Inv. 1. File 12. Sh. 22–22turn.
39. *Hmelevskij K. M. – Nazarovskomu B. N. 18.05.1955* – Hmelevsky K. M. to Nazarovsky B. N. 18.05.1955 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 25. Inv. 1. File 12. Sh. 23–23turn.
40. *Hmelevskij K. M. – Nazarovskomu B. N. yanvar' 1961* – Hmelevsky K. M. to Nazarovsky B. N. January 1961 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 25. Inv. 1. File 12. Sh. 29–29turn.
41. *Hmelevskij K. M. – Nazarovskomu B. N. 12.09.1962* – Hmelevsky K. M. to Nazarovsky B. N. 12.09.1962 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Social and Political History. F. 25. Inv. 1. File 12. Sh. 32–36.
42. *Shepilov D. N. Neprimknuvshij. Vospominaniya* [Not joined. Memories]. M. Centrpoligraf. 2017. 447 p.
43. *Bauman Z. Officialdom and class: bases of inequality in socialist society* // The social analysis of class structure / Fr. Parkin (ed). London. Tavistock Publication, 1974. Pp. 129–148.
44. *Blackwell R. E. Elite recruitment and functional change: An analysis of the Soviet obkom elite. 1950–1968* // Journal of politics. 1972. Vol. 34. No. 1. Pp. 124–152.
45. *Gomulka Wl. Przemówienie Władysława Gomułki, wygłoszone na VIII Plenum KC PZPR 20.10.1956 r.* Available at: <http://pazdziernik56.pl/przemowienie-wladyslawa-gomulki-wygloszone-na-viii-plenum-kc-pzpr-20-10-1956-r>. (date accessed: 20.02.2020).
46. *Hayter W. G. A double Life.* London: Hamish Hamilton 1974. 184 p.

УДК 947(470.342)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.040

Конфессиональная политика властей по отношению к руководству и верующим Русской православной церкви в 1964–1985 гг. (на материалах Кировской области)

М. А. Никитин¹, В. В. Машковцева²

¹магистрант 1 курса кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-1809-2121. E-mail: boss.Question@mail.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-4710-817X. E-mail: wikma116@rambler.ru

Аннотация. обращение к проблеме взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Кировской области в 1964–1985 гг. имеет достаточные основания, поскольку на данный момент, несмотря на наличие фундаментальных трудов по истории государственно-церковных отношений в указанный период, отдельные аспекты темы и по сей день являются недостаточно изученными, особенно в рамках региона. Использование в данной статье документов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Кировской области и Вятского епархиального архива, а также опубликованных источников позволяет воссоздать целостную картину реализации конфессиональной политики властей в Кировской области в 1964–1985 гг. и выявить ее региональную специфику. Полученные в ходе исследования факты дают основание утверждать, что государство продолжало борьбу с РПЦ, но использовало для этого иные методы по сравнению с антирелигиозной кампанией Н. С. Хрущева 1958–1964 гг. В частности, к таковым относятся попытка введения новых гражданских обрядов по специально разработанным ритуалам (торжественная регистрация новорожденных и бракосочетаний), а также поддержка производственно-бытовых праздников, освещение антирелигиозной пропаганды на страницах прессы и пр. Кроме того, продолжалась борьба с паломничеством на реку Великую в село Великорецкое. Особое внимание уделено анализу статистического материала, характеризующего количественные показатели в сфере религиозной обрядности, численности духовенства и храмов. Изученный опыт государственно-церковных отношений имеет несомненную практическую значимость и может быть использован при выстраивании современных взаимоотношений властей с Вятской епархией РПЦ с учетом проблем и ошибок прошлого.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, Русская православная церковь, Кировская и Слободская епархия, православное духовенство, паломничество, обряд, уполномоченный Совета по делам религий.

Антирелигиозная кампания Н. С. Хрущева проходила в СССР с 1958 по 1964 год и отличалась закрытием церквей областными и районными властями, уничтожением церковного имущества, лишением возможности священнодействовать за невыполнение устных распоряжений уполномоченных по делам РПЦ, увеличением налоговых обложений предприятий епархиальных управлений и пр. [22, с. 83–85]. Итоги этой кампании в Кировской области отражены в таблице 1, посвященной состоянию епархии в 1958–1964 гг. Проведенный анализ показывает, что в процентном отношении Кировская и Слободская епархия РПЦ пострадала несколько больше, чем Церковь в целом, поскольку на территории СССР количество храмов и священнослужителей сократилось в среднем на 40% [10, с. 510]. Между тем аналогичный показатель в рассматриваемом регионе является более высоким, в частности, численность священников здесь сократилась более чем на 58%. Доходы епархии в 1964 г. стали меньше на 37,4% по сравнению с 1958 г., а «количество действующих церквей на территории области сократилось более чем в 2 раза» [15, с. 503].

Таблица 1

Количественные показатели состояния Кировской и Слободской епархий в 1958–1964 гг.
[15, с. 503; 1, л. 27–28]

Показатели	1958 г.	1964 г.	Разница в процентном отношении между данными за 1958 и за 1964 гг.
Приходы	80	34	57,5%
Священники	97	40	58,76%
Диакон	21	11	47,62%

После отставки Н. С. Хрущева и прекращения гонений в отношении РПЦ в течение первых двух лет местные власти пошли на некоторые уступки Кировской и Слободской епархии. Так, в 1965 г. 6 священников вновь получили право священнодействовать, тогда же состоялось рукоположение нового клирика: А. Малиновский из диаконов был поставлен в священники и определен в церковь с. Рождественского Уржумского района [2, л. 36], чего не было уже многие годы, а епархиальное управление приобрело себе легковую машину «Волга» и построило для нее гараж, что ранее не могло себе позволить [15, с. 502]. Тем не менее подобные изменения были временными и носили поверхностный характер, тогда как общее направление конфессиональной политики советского руководства не подверглось какой-либо трансформации в положительную сторону.

Первым доказательством вышеуказанного утверждения является тот факт, что общее направление развития епархии рассматривается как застой в церковной жизни. Приведенные данные (табл. 2) свидетельствуют, что показатели количества крещений и венчаний в Кировской епархии с 1963 по 1984 год сократились на 50–60%, что нельзя сказать о доходах епархии, рост которых составил 50%. Показатели отпеваний в целом не изменялись в процентном отношении, хотя и росли количественно.

Таблица 2

**Количественные показатели церковной обрядности и доходов
Кировской и Слободской епархии с 1963 по 1984 гг.**
[18, л. 110, 156, 209; 19, л. 138, 289; 21, л. 31, 49, 64, 85, 121]

Год	Крещения (количество и выражение данного показателя в процентном отношении ко всем родившимся)	Венчания (количество и выражение данного показателя в процентном отношении ко всем зарегистрировавшим брак)	Отпевания (количество и выражение данного показателя в процентном отношении ко всем умершим)	Общий доход
1963	11 602 (35,9%)	533 (4,2%)	11 212 (67,5%)	данные отсутствуют
1968	6705 (32,4%)	306 (2,4%)	11 343 (68,2%)	1 458 700
1971	6696 (29,5%)	315 (2,0%)	12 489 (70,9%)	1 791 667
1976	5158 (20,1%)	254 (1,5%)	13 516 (69,7%)	2 198 266
1979	7170 (27,5%)	285 (1,6%)	14 581 (68,5%)	2 656 051
1984	5672 (20,2%)	187 (1,3%)	14 777 (66,6%)	2 953 500

В случае рассмотрения всего хронологического периода нашего исследования большинство показателей (особенно количество крещений и отпеваний) подвержено колебаниям, что можно наблюдать в выстроенном ниже графике (рис. 1). Однако несмотря на это отчетливо прослеживается тенденция к падению численности крещений и отпеваний к середине 1980-х гг.

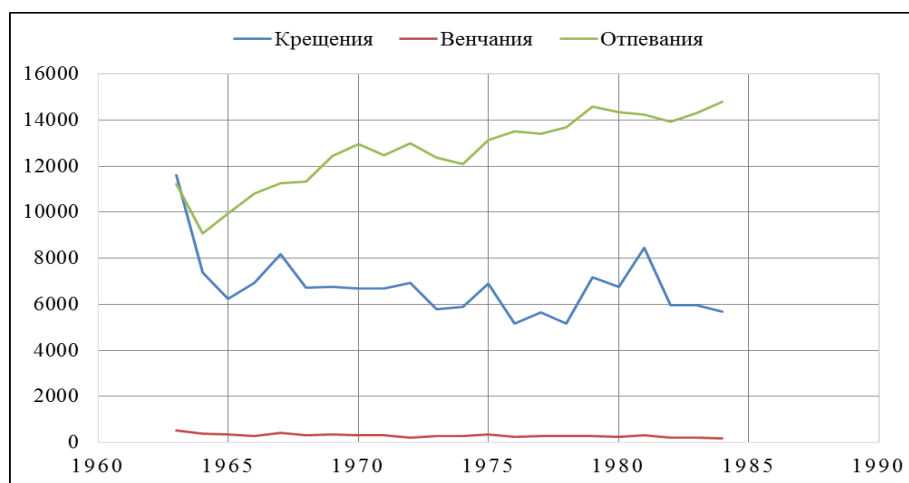

Рис. 1. Показатели религиозной обрядности в Кировской области в 1963–1984 гг.
[18, л. 110, 156, 209; 19, л. 138, 289; 21, л. 31, 49, 64, 85, 121]

На наш взгляд, показатели количества совершенных отпеваний и роста дохода епархии не являются определяющими факторами, доказывающими, что положение церкви стало лучше. Если увеличение количества отпеваний можно объяснить либо большим числом смертей верующих в этом году, либо повышением уровня религиозности пожилого населения Кировской области, то рост дохода трактуется нами как естественное восстановление финансовой составляющей епархии после религиозных гонений времен Н. С. Хрущева. Самыми важными показателями являются количество крещений и венчаний, которые свидетельствуют о падении религиозности среди молодежи и успешной работе местных органов власти по пропаганде атеистического воспитания и ненавязчивой борьбе с РПЦ. Не случайно А. Балыбердин справедливо отмечает, что советская власть перешла от «открытых военных действий» к «длительной осаде противника» [15, с. 512], то есть от прямых гонений на Церковь к скрытой от общественности борьбе с ней. В подтверждение этого в «Очерках истории Вятской епархии» приводятся доказательства продолжения этой политики советского руководства как в Кировской области, так и на всей территории СССР. В частности, по-прежнему действовал запрет на открытие новых храмов и учреждение новых духовных семинарий и школ. Кроме того, как уже говорилось ранее, существовала незаконная практика недопущения детей в храмы, регистрация прихожан и пр. [15, с. 513–514].

Во-вторых, еще в 1967 г. уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Кировской области Б. В. Родин в секретном сообщении к районным и городским исполкомам области просил акцентировать внимание «на необходимость более глубокого изучения состава духовенства». Это было нужно для более эффективной работы «по контролю за соблюдением законодательства о культах религиозными организациями и духовенством». В указанном документе перед работниками исполкома ставилась задача «подготовить и систематически пополнять характеристики на руководителей религиозных обществ, групп и духовенство», причем при составлении характеристик следовало обращать внимание не на их «биографические данные», а на «взгляды и деятельность, степень их лояльности, соблюдение ими законодательства о культах, силу их влияния на верующих». Кроме того, работникам исполкома рекомендовалось «использовать не только свои личные наблюдения и доверительную информацию, но и мнение работников местных Советов, членов комиссий содействия по контролю за соблюдением законодательства о культах» [17, л. 20]. Все это позволяет судить о том, насколько качественно собиралась информация о духовенстве для Совета по делам религий. С учетом имеющихся данных о внедрении спецслужб в высшее руководство РПЦ и присутствие работников КГБ в Совете по делам религий становится ясно, каким образом власти получали «нити» для воздействия на духовенство. Помимо этого, необходимо учесть, что в 1967 г. главой КГБ Ю. В. Андроповым было создано Пятое управление по вопросам контроля за религиозной жизнью, в связи с чем Комитету потребовалось обновить базу данных о современном положении религии в областях Советского Союза [14].

В-третьих, продолжалась борьба с паломничеством, которое в Кировской области носило массовый характер благодаря Великоорецкому крестному ходу. Местные власти делали все для того, чтобы паломники прекратили посещения святого места. Среди предпринимаемых мер выделяются такие, как проведение совещаний райкомов и горкомов партии, руководителей областных идеологических организаций, ДОСААФ и милиции «по вопросу усиления атеистической работы среди населения и предотвращения паломничества», установка на пути к селу Великоорецкому постов «дружинников и милиции, для того чтобы воспрепятствовать скоплению паломников», проведение областным комитетом ДОСААФ учения курсантов автошколы на месте паломничества. Наконец, от уполномоченного Совета по делам религий Б. В. Родина последовала рекомендация епископу Иоанну, главе Кировской епархии, «дать указание священникам епархии призвать верующих не принимать участия в паломничестве и молиться только в церквях» [20, л. 94]. Такая жесткая политика в отношении паломничества в с. Великоорецкое продолжалась и при епископе Мстиславе, который писал священникам Кировской епархии: «Ныне ввиду того, что такого Крестного хода нет и самостоятельно устраивать хождение без духовенства Церковью не благославляется, настоящим рекомендую духовенству разъяснить это верующим» [20, л. 96].

Однако паломничества на этом не прекратились. Это подтверждает донесение начальника Юрьянского РОВД В. П. Полозова секретарю горисполкома В. П. Чарушиной о том, что «с 4 по 7 июня 1980 года в с. Великоорецкое Юрьянского района прибыло несколько десятков лиц на религиозный праздник и некоторые из них совершили антиобщественные действия»

[20, л. 100]. В сообщении уполномоченного по Кировской области А. А. Шалагинова председателю облисполкома Н. И. Паузину предлагалось два варианта предотвращения паломничества в с. Великорецкое: застройка территорий на р. Великой вокруг «святого места» под зону отдыха или оборудование здесь районного пионерского лагеря [20, л. 113]. На основании этого можно предположить, что решить возникшую проблему путем запретов и угроз наказания местная администрация не смогла, после чего уполномоченный Совета по делам религий предложил свои варианты возможного выхода из ситуации. Таким образом, в Кировской области активно велась борьба с паломничеством, но власти не могли добиться желаемого результата. Иная ситуация сложилась, например, в Пензенской области, где силами Совета по делам религий при поддержке духовенства вопрос о прекращении паломничества был полностью решен [16, с. 18], на Вятке же этого сделать не удалось. Ни вмешательство местной администрации и уполномоченных от Совета по делам религий, ни влияние высшего духовенства не привели к полному прекращению паломничества к святому месту обретения иконы Николая Чудотворца.

Чрезвычайно важно отметить и тот факт, что во времена Л. И. Брежнева продолжилась начавшаяся в период антирелигиозной кампании Н. С. Хрущева замена религиозных обрядов на гражданские. Опираясь на отчет уполномоченного Совета по делам религий по Кировской области Б. В. Родина «О работе по внедрению новых гражданских обрядов в Кировской области» от 25 февраля 1966 г., можно сделать вывод о том, что подобная практика начала проводиться «с 1959 года, но в наиболее массовом порядке после постановления Совета Министров РСФСР от 18 февраля 1964 года», то есть еще за 8 месяцев до отставки Н. С. Хрущева. Для реализации данной программы по внедрению новых обрядов «при исполкомах областного, районных, городских, поселковых и сельских Советов были созданы общественные комиссии, в которые вошли представители партийных, профсоюзных, комсомольских и других общественных и ведомственных организаций». Этими комиссиями «в целях оказания помощи» по внедрению «новых гражданских обрядов в быт советских людей» были разработаны «примерные ритуалы торжественной регистрации новорожденных детей и бракосочетаний, которые были рекомендованы для использования на местах» [20, л. 229].

Для внедрения данных ритуалов в быт трудящихся Кировской области были применены следующие методы: пропаганда новых обрядов в областной и районной печати, а также на телевидении, выделение помещений и оборудования для проведения новых гражданских обрядов, организация областного и районного семинаров для работников учреждений культуры и отделов ЗАГС с демонстрацией новых обрядов, проведение заседаний областной комиссии по вопросам проведения мероприятий «по внедрению новых гражданских обрядов» и открытие в магазинах Кирова и других городов области специальных отделов и секций «по продаже свадебных костюмов, платьев, обуви и других товаров для новобрачных и новорожденных» [20, л. 229–230, 232].

К новым гражданским обрядам, которые, как отмечает Б. В. Родин, приобрели популярность, вошли в традицию и одобрялись населением, можно отнести: торжественную регистрацию новорожденных, проходившую в ЗАГСе, торжественную регистрацию бракосочетания, проводившуюся в Доме культуры, а также ритуал наречения имени. Все эти обряды проводились в чрезвычайно помпезной и торжественной обстановке, чтобы оказывать на трудящихся сильное эмоциональное воздействие [20, л. 233–238]. Кроме того, помимо новых обрядов, «традиционными в области стали праздники труда, урожая, березки, проводов зимы, посвящение в рабочие, в земледельцы, вручения первых паспортов, первой зарплаты, проводов в Советскую Армию и другие» [20, л. 239].

На первый взгляд подобные практики могут не вызвать связи с антирелигиозной пропагандой. Однако в конце отчета Б. В. Родин указывает истинную цель внедрения новых гражданских обрядов: «Эти праздники приурочиваются ко времени религиозных праздников, чтобы отвлечь от них население и с целью содействовать воспитанию коммунистического мировоззрения. <...> Новые обряды и праздники играют большую роль в воспитании трудящихся, в борьбе за преодоление религиозных пережитков» [20, л. 246].

Анализируя данный документ, мы приходим к выводу о том, что коммунистическая идеология, пропагандирующая атеизм, в борьбе с религией сама начинает приобретать ее функции и свойства. Речь идет не только о полном контроле за этапами становления советского гражданина посредством организации новых гражданских обрядов и поощрения традиционных и сложившихся на отдельных предприятиях праздников, но и о попытке создать

«свою религию». Видя, что гонения и ущемления религии не приносят быстрого результата, было решено заменить в народном сознании традиционные церковные праздники на новые светские, которые были специально для этого разработаны. Данные праздники и обряды были очень торжественны и помпезны, все было направлено на мощное психологическое воздействие на граждан в связи с тем, что необходимо было показать силу коммунизма и советской власти. По нашему мнению, все эти атрибуты очень напоминают богослужение и отдельные обряды в храме по силе эмоционального воздействия. Только в новой ситуации стали славить не Бога, а Ленина и коммунистическую партию. Даже сами названия, которые используются в отчете уполномоченным, – «ритуал» и «обряды» – больше присущи религии, чем в данной ситуации пропаганде атеизма.

Антирелигиозная пропаганда имела достаточно широкий спектр методов воздействия на верующих. Одним из них являлось давление посредством печати. В данном случае мы обратились к центральной газете области «Кировская правда». Так, в статье 1965 года «За словом – делом» во время проведения открытого партийного собрания в колхозном клубе села Матвинур по вопросам «высокой ответственности коммуниста за порученное ему дело» и «улучшении идеологической работы в селе» говорилось о «решительной борьбе с пережитками прошлого» как в школе, так и в партии. Статья имела очень агрессивный характер по отношению к верующим. Авторы называли религию «обманом, выгодным церковникам», высказывались против наличия икон и посещения детьми церкви, поскольку «нельзя калечить детский ум, давать ребятам неправильные понятия о жизни» [11, 5 янв., с. 2].

В 1971 г. на страницах региональной прессы было опубликовано достаточно много статей, направленных против Церкви и религии. Так, 14 сентября на первой полосе «Кировской правды» была напечатана статья «Растить и воспитывать атеистов». Она полностью посвящена борьбе с инакомыслием. При этом авторы подчеркивали, что антирелигиозная работа должна вестись «еще более активно», быть «гибкой и наступательной». В статье активно упоминаются новые гражданские обряды, которых «должно быть больше». «Надо постоянно искать новые, живые, увлекательные формы пропаганды, – утверждалось в статье, – полнее удовлетворять интересы самых разных людей, активнее привлекать каждого человека к труду и общественной деятельности». Очень большое внимание уделялось школе как заведению, где борются с «пережитками прошлого» и «с детских лет формируют у людей материалистические взгляды». Перед учебными заведениями ставилась цель: «...чтобы каждый выпускник не только сам стал убежденным атеистом, но и пропагандистом атеизма» [12, 14 сент., с. 1].

К концу рассматриваемого периода давление на религию через прессу было несколько ослаблено. Но 23 января 1985 г. вышла крупная статья «Неистовый вольнодумец Микеланджело», автор которой пишет о своих впечатлениях от посещения Рима, Флоренции и Милана. Тем не менее основной акцент статьи смещен в сторону колкой критики католической религии, действий Папы Римского и Ватикана. Однако более важным для нашей темы представляется интервью, взятое корреспондентом «Кировской правды» у заместителя председателя областного совета по атеистическому воспитанию – кандидата философских наук Г. Ш. Касимова, который не только комментирует положение религии в Италии, но и, благодаря вопросам корреспондента, обращает внимание на ситуацию в религиозной сфере в Кировской области. Так, им отмечено «ослабление позиций церкви» в регионе, наличие «процесса разложения религиозного сознания, <...> особенно в последние десятилетия». Сокращение церковных общин, по мнению Г. Ш. Касимова, это естественный процесс, как и падение популярности хождения к святому месту на реке Великой. По его словам, молодежь, которая ходит в церковь, в большинстве своем просто проявляет интерес к религии, а те немногие молодые, что действительно религиозны, встречаются «все меньше и меньше» [13, 23 янв., с. 4]. И ни слова о том, как и какими методами достигалось это сокращение позиций РПЦ, которое почему-то названо «естественным процессом». Можно наблюдать, что данная статья несет свое воздействие в двух направлениях: в очередной раз показать гражданам Советского Союза, что религия – это обман, и убедить их, что в СССР позиции Церкви и прочих религиозных объединений сходят на нет.

Еще одним важным источником для анализа реализации конфессиональной политики государства в Кировской области служат годовые епархиальные отчеты, где епископами отображаются основные изменения за прошедшие 12 месяцев. Следует сказать, что в большинстве своем письменная составляющая этих отчетов подается в клишированной, официальной форме, когда многие острые проблемы умалчиваются. Приводимые факты порой не

соответствовали настоящему положению дел в епархии. Так, епископ Мстислав в своих отчетах указывает, что «посещаемость храмов верующими весьма хорошая», а «причты всех церквей епархии состоят на определенной зарплате, выдаваемой исполнительными органами, с которыми у духовенства конфликтов нет» [4, л. 5]. Между тем это вступает в противоречие с приведенными выше фактами. Следует понимать, что официальные документы зачастую не отображали до конца ту действительность, в которой существовали верующие тех лет. Истинная правда, прежде всего, могла сказаться на авторитете самого епископа, которого могли не просто признать не справившимся с работой, но и с учетом подконтрольности Московской Патриархии спецслужбам серьезно понизить в занимаемом сане и отправить в отдаленные районы страны.

Весьма интересными являются данные, приведенные ниже в таблице, посвященной изменению количества храмов и священнослужителей в Кировской епархии с 1963 по 1984 гг. (табл. 3). Если рассматривать весь хронологический период нашего исследования, то количество приходов и священнослужителей в Кировской и Слободской епархии с 1963 по 1984 гг. несколько сократилось. В первом случае – на 11,1%, а во втором – на 26,16% (здесь учитывается процент сокращения численности всего духовенства; если же посмотреть отдельные категории священнослужителей, то количество священников снизилось на 16,33%, тогда как диаконов – на 56,25%).

Таблица 3

**Количество храмов и священнослужителей
в Кировской и Слободской епархии в 1963–1984 гг.**
[1, л. 27–29; 3, л. 6–7; 4, л. 4–5; 5, л. 4–5; 6, л. 4; 8, л. 4–5]

Годы	Количество храмов	Общая численность духовенства		Число псаломщиков
		священников	диаконов	
1963	36	49	16	15
1968	34	44	10	15
1971	33	42	10	11
1976	32	40	8	6
1979	32	38	9	4
1984	32	41	7	4

Однако приведенные данные статистики, касающиеся сокращения приходов, не стоит воспринимать как точную информацию. Так, в отчете епископа Иоанна за 1965 год говорится, что наличие приходов, в которых не совершаются службы по причине отсутствия священнослужителей, «может привести к тому, что по истечении продолжительного срока эти приходы могут быть закрыты» [2, л. 33, 35]. Следовательно, некоторые приходы внесены в число существовавших, но в действительности являлись закрытыми, в них не проводились службы, и поэтому можно предположить, что в отдельные годы реально действовавших храмов насчитывалось менее 30.

Кроме того, следует обратить внимание и на серьезное сокращение числа псаломщиков, ответственных за правильное пение и чтение на клиросе. Из 15 псаломщиков, состоявших на службе в епархии в 1968 г., к 1979 г. осталось только 4, и это число будет сохраняться вплоть до 1990 года [9, л. 4]. Такое сокращение, примерно на 73,3%, не случайно и является одним из последствий антирелигиозной пропаганды, поскольку в псаломщики могли идти и миряне. В годовом отчете епископа Мстислава за 1968 год отмечается: «Большинство церквей не имеет штатных псаломщиков, обязанности их выполняют верующие – любители церковного пения» [3, л. 7]. Епископ Хрисанф в 1982 г. дополняет по этому поводу: «Во многих приходах нет псаломщиков (зарегистрировано всего 6 человек), большую проблему представляют из себя церковные хора» [7, л. 4].

Таким образом, данные, содержащиеся в годовых отчетах епископов Кировской и Слободской епархии, подтверждают, что в 1964–1985 гг. государство продолжало борьбу с РПЦ, но использовало для этого иные методы по сравнению с антирелигиозной кампанией Н. С. Хрущева. Подобная линия конфессиональной политики имела некоторые положительные результаты, чего не скажешь о положении самой епархии.

Итак, взаимоотношения местных властей с одной стороны и епархиального духовенства и мирян с другой стороны в Кировской области выстраивались в фарватере общесоюз-

ной конфессиональной политики советского правительства. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в этот период Кировская и Слободская епархия лишь частично восстановилась после антирелигиозных гонений 1958–1964 гг., которые нанесли ей весомый урон. К концу правления Л. И. Брежнева епархия понесла значительные потери среди представителей низшего духовенства (особенно среди диаконов) и псаломщиков. Учитывая падение интереса к православию среди молодежи, можно утверждать, что местные власти добились определенных успехов в борьбе с Кировской епархией РПЦ. Обращение к архивным материалам позволило выявить стремление властей создать в противовес православию собственную «религию» – идеологию на основе атеизма и ленинизма, что подтверждают успешные попытки введения новых гражданских обрядов по специально разработанным ритуалам, а также поддержка производственно-бытовых праздников. Все это находило отражение в прессе и было подчинено одной цели – отвлечению внимания народных масс от церковных праздников и религии в целом.

Список литературы

1. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1.
2. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3.
3. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4б.
4. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5.
5. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7.
6. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8а.
7. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 11.
8. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13.
9. Вятский епархиальный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19.
10. История Русской православной церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней. Т. 1. 1917–1970 / под общ. ред. М. Б. Данилушкина. СПб. : Воскресение, 1997. 1020 с.
11. Кировская правда. 1965.
12. Кировская правда. 1971.
13. Кировская правда. 1985.
14. Маслова И. И. Русская Православная Церковь и КГБ (1960–1980 гг.). URL: <https://rabkrin.org/maslova-i-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-kgb-statya>.
15. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии / под общ. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Киров : Буквица, 2007. 640 с.
16. Степнова Д. А. Борьба советской власти с православным паломничеством к «святым местам» в СССР, 1950–1970-е годы (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. 2013. № 3. С. 16–19.
17. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 3.
18. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 4.
19. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 5.
20. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 11.
21. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 109.
22. Чумаченко Т. А. Государство и Русская православная церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 19. С. 82–90.

Confessional policy of the authorities towards the leadership and believers of the Russian Orthodox Church in 1964–1985 (based on the materials of the Kirov region)

M. A. Nikitin¹, V. V. Mashkovtseva²

¹master student of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-1809-2121. E-mail: boss.Question@mail.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-4710-817X. E-mail: wikma116@rambler.ru

Abstract. The appeal to the problem of the relationship between the state and the Russian Orthodox Church in the Kirov region in 1964–1985 has sufficient grounds, because at the moment, despite the existence of fundamental works on the history of state-Church relations in this period, certain aspects of the topic are still

insufficiently studied, especially within the region. Using documents extracted from the funds of the Central State Archive of the Kirov region and the Vyatka diocesan archive in this article, as well as published sources, allows us to recreate a complete picture of the implementation of the confessional policy of the authorities in the Kirov region in 1964–1985 and identify its regional specifics. The facts obtained in the course of the study suggest that the state continued to fight the ROC, but used different methods compared to the anti-religious campaign of N. S. Hrushchev in 1958–1964. In particular, these include an attempt to introduce new civil rites based on specially developed rituals (solemn registration of newborns and marriages), as well as support for industrial and household holidays, coverage of anti-religious propaganda in the press, and so on. In addition, the fight against the pilgrimage to the Velikaya river in the village of Velikoretsky continued. Special attention is paid to the analysis of statistical material describing quantitative indicators in the sphere of religious rites, the number of clergy and churches. The studied experience of state-Church relations is of undoubted practical significance and can be used in building modern relations between the authorities and the Vyatka diocese of the ROC, taking into account the problems and mistakes of the past.

Keywords: state-Church relations, Russian Orthodox Church, Kirov and Sloboda diocese, Orthodox clergy, pilgrimage, rite, Commissioner of the Council for religious affairs.

References

1. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 1.
2. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 3.
3. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 46.
4. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 5.
5. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 7.
6. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 8a.
7. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 11.
8. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 13.
9. *Vyatskij eparhial'nyj arhiv* – Vyatka diocesan archive. F. 1. Inv. 2. File 19.
10. *Istoriya Russkoj pravoslavnoj cerkvi: Ot vosstanovleniya Patriarshestva do nashih dnei. T. 1. 1917–1970* – History of the Russian Orthodox Church: From the restoration of the Patriarchate to our days. Vol. 1. 1917–1970 / under the general editorship of M. B. Danilushkin. SPb. Resurrection. 1997. 1020 p.
11. *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 1965.
12. *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 1971.
13. *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 1985.
14. Maslova I. I. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i KGB (1960–1980 gg.)* [The Russian Orthodox Church and the KGB (State security Committee) (1960–1980)]. Available at: <https://rabkrin.org/maslova-i-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-i-kgb-statya>.
15. *Ocherki istorii Vyatskoj eparhii (1657–2007): 350 let Vyatskoj eparhii* – Essays on the history of the Vyatka diocese (1657–2007): 350 years of the Vyatka diocese / ed. by mitr. of Vyatka and Slobodskoy Chrysanthus. Kirov. Bukvica. 2007. 640 p.
16. Stepnova D. A. *Bor'ba sovetskoj vlasti s pravoslavnym palomnichestvom k "svyatym mestam" v SSSR, 1950–1970-e gody (po materialam Penzenskoj oblasti)* [Struggle of the Soviet government with Orthodox pilgrimage to "Holy places" in the USSR, 1950–1970-ies (based on the materials of the Penza region)] // *Vestnik Permskogo universiteta* – Herald of the Perm University. 2013. No. 3. Pp. 16–19.
17. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central state archive of Kirov region. F. P-2169. Inv. 45. File 3.
18. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central state archive of Kirov region. F. P-2169. Inv. 45. File 4.
19. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central state archive of Kirov region. F. P-2169. Inv. 45. File 5.
20. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central state archive of Kirov region. F. P-2169. Inv. 45. File 11.
21. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central state archive of Kirov region. F. P-2169. Inv. 45. File 109.
22. Chumachenko T. A. *Gosudarstvo i Russkaya pravoslavnaya cerkov' v 1958–1964 godah: novaya politicheskaya vojna s religiej, cerkov'yu i veruyushchimi* – Chumachenko T. A. [The State and the Russian Orthodox Church in 1958–1964: a new political war with religion, the Church and the believers] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2014. No. 19. Pp. 82–90.

УДК 947(470.342)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.041

Пьяные погромы 1917 г. в Пермской губернии: историко-культурологический анализ

А. В. Бушмаков

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0003-2061-4096. E-mail: bushmakov@yandex.ru

Аннотация. В статье на Примере Пермской губернии дается культурологический анализ пьяных погромов 1917 г. в провинции как феномена низовой народной культуры. Показаны различия в понимании происходящего в 1917 г. образованными людьми и народными массами. Выявлена специфика восприятия пьяных погромов образованной частью российского общества в период второй русской революции и показано их отличие от погромов предшествующего периода. Реконструируются особенности восприятия революции как интеллигенцией, так и солдатскими массами; последние, по мнению автора, являются преимущественно носителями традиционных представлений о власти и обществе. Автор предполагает, что мотивы участников погромов были иррациональны, обусловлены их традиционной ментальностью. Рассматривая подробности происходивших в Пермской губернии в 1917 г. пьяных погромов, автор опровергает представления о них как о спланированной политической акции. На имеющемся материале доказывается, что для пьяных погромов ноября 1917 г. характерно отсутствие социальной группы, являющейся объектом агрессии участников погрома. Разрушительная энергия толпы выплескивалась не на каких-то конкретных врагов, а на мир в целом, прежде всего на те его области, которые ассоциировались со старым порядком. Автор предлагает интерпретировать пьяные погромы 1917 г. как стихийное массовое движение низов, аналогичное средневековым карнавалам и практикам «ограбления» мертвого правителя, описанным М. М. Бахтиным и М. А. Бойцовым. Погромы 1917 года аналогичны средневековым карнавалам: насилие и втаптывание в грязь символически показывают гибель старого и одновременно начало нового мира.

Ключевые слова: солдатские погромы, интеллигентский дискурс, низовая культура, революция 1917 года, народные бунты.

Пьяные погромы периода второй русской революции не вписывались в рамки марксистско-ленинской теории, доминировавшей в отечественной исторической науке вплоть до девяностых годов XX века. В интерпретации революционных событий, с точки зрения борьбы классов и представлявших их политических партий, для таких эксцессов не было места. О волне пьяных погромов, прокатившейся по России в октябре-ноябре 1917 года упоминали вскользь, либо как о случайном явлении, либо как о провокации со стороны контрреволюционных сил, не заслуживающих серьезного анализа.

Историки постсоветского периода обратили на пьяные погромы 1917 года свое внимание; данная тема вошла в круг интересов отечественной науки, наряду с другими «темными сторонами» революции и революционного движения, такими как террор, экспроприации, провокации, анархия, психологическая ущербность членов революционных партий и т. д. В последние десятилетия опубликован ряд работ, посвященных погромам в столицах и в провинции, большинство из которых представляет собой скорее попытку реконструкции и описания происходивших событий, чем их концептуального анализа [2; 5; 6; 7; 11].

Так, П. П. Марченя, рассматривая пьяные погромы начала мая 1917 года в Самарской губернии, не обнаружил документальных доказательств того, кем они были организованы, и того, были ли они вообще кем-то организованы. Задавшись вопросом, какая политическая сила смогла воспользоваться их «плодами», исследователь приходит к выводу о полезности погромов для большевиков, которые «сумели мобилизовать в своих интересах обе крайности массового сознания: и стремление к анархии, и желание твердой власти». Рассуждения о заинтересованности в погромах именно партии большевиков он подкрепляет цитатами из воспоминаний самарских ветеранов революции, замечая, что действие по схеме «погром – организация Красной гвардии – подготовка к перевороту» стало шаблонным приемом большевиков, примененным не только в Самарской губернии. П. П. Марченя утверждает, что пьяные

погромы обнажали бессилие власти временного правительства и разваливали ее, они давали большевикам возможность вооружаться под предлогом наведения порядка, а подавление погромов стало безопасной репетицией будущих вооруженных действий, приучало население к организованному насилию, придавало видимость легитимности антиправительственным акциям, подготавливало сознание масс к будущему перевороту [9; 10].

К схожим выводам по поводу пьяного погрома в ноябре 1917 года в Екатеринбурге приходит А. М. Кручинин. Он связывает создание в городе 3 ноября коалиционного ревкома с начавшимся в ночь с 4 на 5 ноября выпуском запасов спирта из казенных винных складов, приведшим к массовому пьянству и погрому. По мнению исследователя, «вряд ли это было простое совпадение, скорее всего, это были осознанные действия большевиков, о чем говорит создание 7 ноября из частей екатеринбургского гарнизона Особого отряда». Затем он фактически повторяет рассуждения П. П. Марчени о том, что «выгоду от погромов получили большевики, завоевав политический капитал и одновременно приучая население к насилиям и готовя его к будущему перевороту и гражданской смуте» [8, с. 109–110].

Таким образом, современные исследователи, рассуждающие по принципу «*cui prodest?*» при анализе пьяных погромов 1917 года, в целом остаются на позиции демократической интеллигенции – современников революционных событий, осознанно или неосознанно принимая их логику.

Рациональное объяснение погромов, в первую очередь – еврейских, а затем и всех других, авторами начала XX века представляло их как осознанную и спланированную акцию устрашения, когда слепая ярость погромщиков служит средством достижения цели какой-либо политической группы. Принималась установка, что «темную» массу громил направляют истинные организаторы погрома, использующие его как инструмент для достижения своих политических целей. В начале XX века в интеллигентском дискурсе закрепился образ человека власти – из числа ее наиболее реакционной и зловещей составляющей – тех, кто ради карьеры готов на любые подлости. Фигура скрытого «кукловода», натравливающего люмпенизированных представителей городских низов на хладнокровно намеченную в жертву категорию населения: евреев или интеллигентов к 1917 году уже прочно закрепилась в сознании образованного слоя. Идея, что за действиями невежественных участников погромов следует искать его истинных организаторов, цинично манипулирующих темными массами в своих политических целях, была усвоена читающими современниками. Если легально выходящая пресса обычно только намекала на существование истинных организаторов погромов, то бесцензурные издания говорили о них прямо. Так представление о погроме как инструменте политической борьбы, цинично используемом властью, к 1917 г. успело укорениться среди интеллигенции.

Однако «рациональная» интерпретация пьяных погромов 1917 года приводит к тому, что исследователь перестает различать важные стороны изучаемого феномена. Он некорректно смешивает разные реальности прошлого: погромы как часть жизненного мира образованного человека, в погромах лично не участвовавшего, и погромы как массовое движение, спонтанно возникающее, развивающееся по собственной логике и угасающее в соответствии с ней же. Для наблюдателей участники погромов (солдаты запасных полков и часть городских жителей) были людьми чуждыми, мотивы действий которых непонятны, поскольку анализ таковых заменяется простым навешиванием ярлыка вроде «темные массы», «примитивно-плебейское понимание свободы» и др.

Погромы, как феномен социальной реальности интеллигента в 1917 году, представляли из себя сложный конструкт, сформированный печатью, начиная с конца XIX века. Описанию и анализу погромов начала XX века, как еврейских, так и направленных против демократической интеллигенции, посвящено немало работ отечественных исследователей. Отметим, что основными участниками погромов, описываемых в печати, до 1917 года были представители городских низов. Солдаты, а вернее мобилизованные на военную службу запасники, впервые становятся участниками погромов в 1914 году. С февраля 1917 года солдаты запасных полков все чаще становятся объектом печатной критики как политически несознательные, проявляющие социальный эгоизм, недисциплинированные, а то и просто аморальные и преступные элементы общества. Наряду с образом сознательного солдата-защитника революции появляется и образ «развращенного большевиками» солдата-погромщика, пьяного и страшного типа, потерявшего все человеческие черты.

Важным моментом стало освещение в прессе пугающих подробностей Калушского погрома, перепечатанных газетами по всей России, в том числе и пермскими. Выходившая в

Перми кадетская «Народная свобода» 10 августа 1917 г. под заголовком «Ужасы Калуша» перепечатала без указания авторства материал харьковской газеты «Русская жизнь», в котором давалось подробное описание Калушского погрома, сделанное якобы от лица очевидца:

«Ударные батальоны с офицерскими цепями впереди захватили Калуш. Надо было укрепить город, и двинуты были два пехотных полка. Неприятель умышленно оставил громаднейшие запасы вина. Бригада, не слушаясь офицеров, бросилась пьянствовать, грабить. Выкачивались бочки вина, разбивались. Солдаты кидались на землю, жадно насасывались текущим по улицам спиртом. Офицеров закалывали штыками. Прапорщики-большевики пьянствовали вместе с солдатами, поощряя их к бесчинству. Немцы обстреливали Калуш снарядами. Грохот бомбардировки в буквальном смысле заглушался криком женщин, которых солдаты насиловали, отрубая им кисти рук и груди. Не было пощады ни старухам, ни восьмилетним девочкам...» [13; 10 авг. с. 2].

Описание гротескно ужасных зверств по отношению к евреям, полякам и русинам дополняется историей о безуспешной попытке сохранивших дисциплину двух сотен всадников кавказской дивизии прекратить погром. Статья заканчивается рассказом о последующем повторном захвате Калуша немецкой армией, с которой прибыли десятки фотографов, запечатлевших жертвы погрома. Снимки же якобы были опубликованы в газетах и журналах с подписями вроде «Вот какую свободу несет русская революционная армия!» [13; 10 авг. с. 2].

В этом тексте мы видим, как в прежней схеме описания погрома, принятой еще в довоенный период, основными элементами которой были 1) «темная» масса погромщиков, 2) невинные жертвы и 3) коварные «кукловоды», натравившие первых на вторых, появились важные изменения. Организаторами погрома становятся внешние враги, желающие погубить русскую революцию, – немцы. Им помогают враги внутренние – большевики, видимо, желающие того же самого. Темной массой являются уже не городские низы, а солдаты, забывшие воинский долг и превратившиеся в грабителей и мародеров. Алкоголь выступает в качестве инструмента, пробуждающего низменные инстинкты и превращающего солдат в бандитов. Текст несет отпечаток пропагандистских клише военного времени, живописующих зверства врага, но в то же время отражает опыт знакомства интеллигентов с солдатами новой русской армии, к концу лета 1917 г. почти утратившими дисциплину.

Как же воспринимались пьяные погромы 1917 года их непосредственными участниками – солдатами запасных полков, обычно игравшими в них основную роль? Чтобы понять смысл и мотивы действий, совершаемых погромщиками, необходимо реконструировать их жизненный мир, представить, как выглядели происходящие события с точки зрения малограмотных, а иногда и совсем неграмотных солдат, набравшихся прежде всего из крестьян. Культуру значительной части этих людей можно охарактеризовать как традиционную, с элементами архаичной. Они в той или иной степени уже были затронуты процессом модернизации, однако для большинства опыт приобщения к культуре модерна был довольно поверхностным и вряд ли смог всерьез затронуть основы картины мира – еще традиционной, почти средневековой.

Власть в рамках такой ментальности не является результатом общественного договора; не предполагается самодостаточное общество, народ, наделяющий полномочиями отдельных лиц и целые институты, осуществляющие власть в интересах большинства, с целью максимизации «всеобщего блага». Власть в традиционном сознании – внешняя, давящая и принуждающая сила, чье происхождение обусловлено не волей людей, а высшим, божественным промыслом. Истинная власть угнетает, карает и требует постоянных жертв в свою пользу. Доля подданных – терпеть и подчиняться, надеяться и молить о снисхождении.

Восприятие власти Временного правительства и его органов в первые месяцы после революции большинством населения, в том числе и солдатскими массами подчинялось культурной инерции. Для солдатских масс изменилось не так много – на смену старому началству пришло другое – из интеллигентов. Однако уже в самом начале революции мы видим и проявления традиционного взгляда на ситуацию как на смуту, междоусобицу, отсутствие «хозяина» в государстве. Легитимность революционного временного правительства и его органов для носителя традиционного сознания изначально представлялась сомнительной. Несмотря на всю свою демократичность, Временное правительство все же следовало главному принципу власти в традиционном ее понимании – требовало жертв, что для крестьян выражалось в сдаче продовольствия по заниженным «твердым» ценам, а для солдат – необходимости готовиться к отправке на фронт – с перспективой умереть за «свободную Россию».

Падение Временного правительства и приход к власти в Петрограде большевиков вовсе не означали автоматического установления власти этой партии на территории всей страны. Более того, многим, если не большинству образованных современников в тот момент казалось, что их победа случайна и носит временный характер. Даже часть лидеров большевиков в Петрограде сомневалась в способности партии удержать власть. «С властью у нас ничего не выходит», – писал А. В. Луначарский в одном из частных писем 29 октября. И в начале ноября положение представляется ему «страшно опасным» и неустойчивым, он всерьез боялся очутиться в тюрьме [1, с. 291–302].

Свержение правительства Керенского, потерявшего к середине октября остатки своей популярности, рассматривалось не как «приход к власти» большевиков, а скорее, как досадный эксцесс, могущий отрицательно повлиять на проведение выборов в Учредительное собрание. Именно с ним и связывало в октябре-ноябре 1917 года свои планы и ожидания большинство политических сил, в том числе и действующих в Пермской губернии.

Малограмотными (а чаще просто неграмотными) массами падение Временного правительства было воспринято как устранение власти вообще, власти как таковой. Демагогическая риторика большевиков осени 1917 года обещала населению все и сразу. Такая позиция не имела ничего общего с традиционным понятием о власти как высшей силе, требующей от подданных тех или иных жертв.

Ситуация последних чисел октября-ноября 1917 года воспринималась большинством пермяков как безвластие, катившееся к полной анархии. В то время как социалисты ругались между собой, кадеты, по замечанию одного из наблюдателей, «со злорадством» наблюдали за конфликтом между революционными партиями. Попытки продовольственной управы наладить снабжение продуктами в условиях транспортного кризиса и нежелания крестьян давать продовольствие имели лишь частичный успех. Вставала угроза голода. Еще существовавшая, но малоэффективная милиция была не в состоянии защитить горожан от грабежей, воровства и хулиганства. Выходить на улицу вечером было просто опасно.

Ноябрьский погром 1917 года в Перми начался в ночь на субботу 4 ноября, когда толпа солдат, якобы «подстрекаемая неизвестным человеком», пошла на склад Товарищества Поклевского-Козелл, где нашла пиво. Не встретив сопротивления со стороны охраны, солдаты выпили пиво и отправились громить магазины на Сибирской улице. В магазине Малюшкина в погребе нашли вино и спирт. Посланные усмирять пьяных патрули присоединились к веселью: «При виде спирта и водки даже более благоразумные солдаты не утерпели и стали пробоовать. В конце концов, патрули и погромщики смешались в одну толпу пьяных людей» [12; 8 ноябр., с. 2–3].

Большинство крупных магазинов в центре города было вскрыто и разграблено уже в первую ночь погрома. К солдатам присоединилась часть охочих до чужого добра и выпивки горожан, среди которых было много женщин. Другая толпа направилась прямо на Торговую и Красноуфимскую улицы. На Торговой улице остались неразбитыми только дома, где не было торговых помещений и были железные шторы. Милиция, имевшаяся в распоряжении городской управы, оказалась неспособной прекратить погром: «несколько человек... с саблями и револьверами бегали и кричали охрипшими голосами: "Прочь, мерзавцы! Оставьте все!" Временами они стреляли в воздух». Толпа вяло реагировала на эти угрозы, переходя от того места, от которого ее пытались отогнать к другим магазинам.

Попытка остановить вакханалию, выпустив весь имевшийся на складе Поклевского-Козелл запас спирта в канализацию, оказалась неудачной. Солдаты разобрали часть труб, и по ним спирт стал выливаться на улицу. По сохранившимся описаниям, «пьяная толпа, увидав это, бросилась к спирту и пила его вместе с грязью и навозом». Очевидцы наблюдали многочисленные сцены вандализма, поразившие их воображение. При разгроме модных галантерейных магазинов толпа выбрасывала очень дорогие шляпы, кружева, веера прямо на дорогу и втоптывала их в грязь. Били стекла и витрины – не только с целью проникновения в магазины – но и просто так, наслаждаясь самим процессом разрушения. Некоторые солдаты стреляли в воздух – не столько, чтобы напугать обывателей, а, скорее, стремясь выразить охватившую их эйфорию от чувства вседозволенности и раскрепощенности. Газеты отмечали веселое, приподнятое настроение погромщиков: «на лицах сияла радость» [13; 8 ноябр., с. 2].

В воскресенье был разграблен пивной завод Ижевского товарищества и снова началась попойка. Солдаты и присоединившиеся к ним обыватели носили пиво по домам чем только могли: ведрами, бочками, чайниками, бутылками и даже сапогами. По Сибирской улице нель-

зя было пройти по тротуару: он был завален выброшенным товаром. В понедельник погром практически закончился. Материальные потери были велики, однако человеческих жертв почти не было: погибло лишь несколько человек, пытавшихся остановить погромщиков. Один владелец магазина умер от разрыва сердца, не выдержав зрелища его разграбления.

Обыватели были напуганы, бессилие милиционеров перед толпой не осталось незамеченным. Ожидали массовых насилий с поджогами и другими зверствами. Но этого не произошло. Примечательна реакция на ноябрьский погром лидеров местных политических партий и «образованного общества». Вышедшие после погрома газеты по-разному комментировали его причины. Кадетская «Народная свобода» полагала, что главная причина – непрерывная в течение последних месяцев проповедь анархизма, классовой ненависти и идеи бесплатного получения всех благ со стороны революционных партий [13; 8 ноябр., с. 2].

Эсеровская «Народная воля» считала, что народ, громивший пермские магазины и лавки, невиновен: «Господи, прости им, они не ведают, что творят». Автор статьи считал, что вина за погром лежит на царизме, искажившем народную нравственность, а также на буржуазии: «Это не только был пьяный погром, и не только виновниками его является шайка организованных хищников, здесь кроется нечто более значительное. С одной стороны, глухой протест, еще недостаточно осознанный, против буржуазии, с другой – гнетущее настроение здоровых людей, оторванных войною от семьи и привычного труда, загнанных в казармы, где так мало возможности найти правильный выход накопившейся энергии <...>, среди буржуазии были тоже хищники, которые преступно скрывали спирт, а может быть, и такие, которые в удобный момент сообщили о его наличии...» Эсеры обвиняли в создании условий для погромов и большевиков, благодаря которым «сейчас в Петрограде и Москве <...> льется братская кровь и гибнут исторические ценности» [12; 8 ноябр., с. 2–3].

Пьяные погромы с участием солдат запасных полков и гарнизонов прошли не только в Перми. Одним из ранних был погром 30 октября в Кунгуре; 5–6 ноября произошел погром в Екатеринбурге, также достаточно освещенный в печати. Менее известен погром 14–15 ноября в Шадринске, когда солдатами была освобождена часть заключенных местной тюрьмы. Подробности инцидента содержит рапорт начальника Шадринской тюрьмы Пермскому губернскому тюремному инспектору от 25 ноября 1917 г. [15, л. 2–3].

Солдаты 139-го пехотного полка разграбили винный склад, часть спиртного была ими выпита, а часть унесена с собой. В 9 часов утра пьяные солдаты с водкой и спиртом пришли к воротам тюрьмы и «с угрозой» потребовали впустить их внутрь. Часть солдат стала через забор бросать водку во двор тюрьмы «в полубутылочной и бутылочной посуде». Нескольким удалось забраться на крышу кухни и пекарни хозяйственного корпуса и спустить водку во двор и в мелкой посуде, и даже четвертями. Пока тюремный персонал преодолевал растерянность, большая часть заключенных, бывших на прогулке во дворе тюрьмы, успела напиться.

Начальник тюрьмы не смог уговорить солдат прекратить безобразие, «так как солдаты были пьяны и уговоры и требования не производили на них нужного действия». Угрозы вызвали бурную реакцию у заключенных, начавших ругать начальника за то, что он направляет револьвер «на свободных граждан». Начальник пробовал вызвать по телефону на помощь местную милицию, но той на месте не оказалось. В канцелярии 139-го полка сообщили, что «послать некого, так как все солдаты пьяны и надежных не имеется». К тому времени, когда порядок в тюрьме при помощи сформированной местным военным комитетом вольной дружины был наконец восстановлен, полсотни арестантов успело уйти. В числе напившихся допьяна участников инцидента в Шадринской тюрьме оказались двое надзирателей. Один «был настолько пьян, что лежал на хозяйственном дворе», без служебного револьвера, который у него был взят одним из заключенных, без возражений вернул револьвер по требованию начальника тюрьмы [15, л. 2–3].

Как видим, события и здесь носят вполне мирный, даже идиллический характер. Это не бунт, а праздник. Агрессию заключенных вызвало только «неадекватное» поведение начальника тюрьмы, нарушившего атмосферу всеобщего веселья и угрожавшего оружием «свободным гражданам».

Для пьяных погромов ноября 1917 года характерно отсутствие социальной группы, являющейся объектом агрессии. Разрушительная энергия толпы выплескивалась не на конкретных врагов, а на мир в целом, прежде всего на те его области, которые ассоциировались со старым порядком. Характерен пример из воспоминаний о погроме в г. Ирбите, когда хозяйка магазина предлагала солдатам ключи, чтобы они не ломали засовы. Однако погромщики

не взяли ключи, предпочтя разломать двери, – настолько важна была для них потребность разрушать. Как и в Перми, солдаты действовали иррациональным образом – не стремились присвоить те богатства, которые стали их добычей. Наоборот, ценные и дорогие вещи подвергались осмеянию и принижались – их бросали в грязь, топтали ногами, смешивали с нечистотами [14, с. 77–80].

Среди концепций, используемых для объяснения традиционной народной праздничной культуры, феноменом, которой на наш взгляд являются пьяные погромы октября – начала ноября 1917 г., одной из наиболее известных является карнавальная, созданная М. М. Бахтиным на материалах Западной Европы. Празднично-карнавальные модели поведения, когда на короткое время люди перестают стесняться себя установленными правилами, выворачивают их наизнанку, побуждая себя и других делать то, что в будни запрещено: смеяться над святынями, пить и безобразничать, следует считать характерными и для русской традиционной культуры. Несмотря на модернизацию российского общества, для его значительной части традиционные представления сохранились и в начале XX века. В ноябре 1917 года ход событий определил то самое ощущение переломного времени, кризисного момента, смерти и возрождения общества и человека, о котором писал М. М. Бахтин применительно к народной культуре Средневековья и начала Нового времени. Это чувство определило карнавальную праздничность пьяных погромов – как «форму второй жизни народа, вступавшего временно в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия» [3, с. 14].

Для средневекового карнавала характерны гротескные сочетания несочетаемого: пищи и нечистот, восхваления и унижения, рождения и смерти. Карнавальное насилие, как и карнавальный пир, по М. М. Бахтину, амбивалентны, насилие, втоптывание в грязь символически показывают гибель старого и одновременно начало нового. Насилие носит характер веселья, бьют и ругают представителей старого, но рождающего мира [3, с. 226–229].

Традиция разграбления имущества государя (папы), погромов и массового нарушения общественного порядка после его смерти описана М. А. Бойцовым применительно к средневековой Европе. Несмотря на то что на протяжении Средневековья практики «ограбления» мертвого правителя менялись и эволюционировали, их смысл заключался в том, что смерть правителя и ситуация временного безвластия позволяли черни безнаказанно и радостно буйствовать и расхищать имущество покойного. В традиционном сознании государство – владение одного хозяина, государя, который владеет им по праву Божьей милости. Его личная власть определяет и всеобщий социальный порядок, выходящий за пределы компетенций отдельных семей и общин. Исчезновение государя приводит к временной приостановке ряда норм, а также к тому, что государева собственность становится «ничьей», доступной каждому. По М. А. Бойцову, аналогичные средневековым практики возможны и в другой политической культуре, «разумеется, приняв несколько иной облик, чем в Средневековье» [2, с. 249–322].

Пьяные погромы 1917 года как феномен низовой народной культуры были амбивалентны: праздничное веселье с улыбками и стрельбой в воздух сочетались в них с разрушением и уничтожением, «пир на весь мир» распространялся на всех, били тех, кто мешал гулянию, но били и поили одновременно. Запасы алкоголя, бывшие «казенными», ограниченными и защищенными государственными интересами, стали доступны всем желающим с точки зрения людей, для которых государство тождественно государю, им правящему, дающему легитимность всему государственному порядку и нормам общественной жизни. Погромы ноября 1917 были праздничным гулянием людей, понявших, что пусть на время, но начальства над ними больше нет, что обязательные для всех законы и нормы поведения на время можно забыть, отдавшись стихии подлинного народного праздника.

Список литературы

1. А. В. Луначарский – А. А. Луначарской // Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. М. : АИРО-XXI, 2007. С. 291–302.
2. Бакулин В. И. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // Ли-стая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 45–58.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
4. Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М. : РОССПЭН, 2009. 550 с.
5. Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный: погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995.

6. Канищев В., Протасов Л. Допьем романовские остатки! Пьяные погромы в 1917 году // Родина. 1997. № 8. С. 62–65.
7. Карандашев Г. В. Алкоголь и революция: из истории питейной проблемы в Ярославской губернии в 1917 г. // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования : материалы конф. «Чтения Ушинского». 2017. С. 63–68.
8. Кручинин А. М. Пьяный погром в Екатеринбурге 5–6 ноября 1917 г. // Историко-педагогические чтения. 2017. № 21-2. С. 106–110.
9. Марченя П. П. «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от февраля к октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–42.
10. Марченя П. П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 84–95.
11. Мусавев В. И. Пьяные погромы в Петрограде в конце 1917 – начале 1918 гг. // Клио. 2011. № 8 (59). С. 111–115.
12. Народная воля. Пермь. 1917 г.
13. Народная свобода. Пермь. 1917 г.
14. Пожары шли около недели : воспоминания А. А. Федоровского // Россия 1917 года в эго-документах : воспоминания / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер и др. М. : Политическая энциклопедия, 2015.
15. Рапорт начальника Шадринской тюрьмы Пермскому губернскому тюремному инспектору от 25.11.1917 / ГАПК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 284. Л. 2–3.

Drunken pogroms of 1917 in the Perm province: historical and cultural analysis

A. V. Bushmakov

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-2061-4096. E-mail: bushmakov@yandex.ru

Abstract. The article uses the example of the Perm province to provide a cultural analysis of the drunken pogroms of 1917 in the province as a phenomenon of grassroots folk culture. The differences in the understanding of what was happening in 1917 between educated people and the masses are shown. The author reveals the specifics of the perception of drunken pogroms by the educated part of Russian society during the second Russian revolution and shows their difference from the pogroms of the previous period. The author reconstructs the features of perception of the revolution by both the intelligentsia and the soldiers' masses; the latter, according to the author, are mainly carriers of traditional ideas about power and society. The author suggests that the motives of the participants in the pogroms were irrational, due to their traditional mentality. Considering the details of the drunken pogroms that took place in the Perm province in 1917, the author refutes the idea of them as a planned political action. Based on the available material, it is proved that the drunken pogroms of November 1917 are characterized by the absence of a social group that is the object of aggression of the participants of the pogrom. The destructive energy of the crowd was not directed at any particular enemy, but at the world as a whole, especially at those areas of it that were associated with the old order. The author proposes to interpret the drunken pogroms of 1917 as a spontaneous mass movement of the lower classes, similar to the medieval carnivals and practices of "robbing" the dead ruler, described by M. M. Bahtin and M. A. Boycov. The pogroms of 1917 are similar to medieval carnivals: violence and trampling in the mud symbolically show the death of the old and at the same time the beginning of a new world.

Keywords: soldiers' pogroms, intellectual discourse, grassroots culture, revolution of 1917, popular riots.

References

1. A. V. Lunacharskij – A. A. Lunacharskoj – A. V. Lunacharsky – to A. A. Lunacharskaya // *Revolucionnaya Rossiya. 1917 god v pis'mah A. Lunacharskogo i Yu. Martova* – Revolutionary Russia. 1917 in the letters of A. Lunacharsky and Yu. Martov. M. AIRO-XXI. 2007. Pp. 291–302.
2. Bakulin V. I. *Stihijno-anarhicheskiy komponent sobytij 1917 g. v Vyatskoj gubernii* [Spontaneous-anarchic component of the events of 1917 in the Vyatka province] // *Listaya istorii stranicy: Vyatskij kraj i vsya Rossiya v XX veke* – Leafing through the history of the page: the Vyatka region and all Russia in the XX century. Kirov. 2006. Pp. 45–58.
3. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. M. Hudozh. lit. 1990. 543 p.
4. Boycov M. A. *Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoj Evrope* [Greatness and humility. Essays on political symbolism in medieval Europe]. M. ROSSPEN. 2009. 550 p.

5. Kanishchev V. V. *Russkij bunt – bessmyslennyj i besposhchadnyj: pogromnoe dvizhenie v gorodah Rossii v 1917–1918 gg.* [Russian revolt-senseless and merciless: pogrom movement in Russian cities in 1917–1918]. Tambov. 1995.
6. Kanishchev V., Protasov L. *Dop'em romanovskie ostatki! P'yanye pogromy v 1917 godu* [Let's finish the Romanov remains! Drunken pogroms in 1917] // *Rodina – Homeland*. 1997. No. 8. Pp. 62–65.
7. Karandashev G. V. *Alkogol' i revolyuciya: iz istorii pitejnoj problemy v Yaroslavskoj gubernii v 1917 g.* [Alcohol and revolution: from the history of the drinking problem in the Yaroslavl province in 1917] // *Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, teologii, obrazovaniya : materialy konf. "Chteniya Ushinskogo"* – Questions of domestic and foreign history, political science, sociology, theology, education : materials of Conf. "Ushinsky Readings". 2017. Pp. 63–68.
8. Kruchinin A. M. *P'yanyj pogrom v Ekaterinburge 5–6 noyabrya 1917 g.* [Drunken pogrom in Yekaterinburg on the 5–6 November 1917] // *Istoriko-pedagogicheskie chteniya – Historical and pedagogical readings*. 2017. No. 21-2. Pp. 106–110.
9. Marchenya P. P. *"Zelenyj zmij" na sluzhbe "Krasnoj smuty": alkogol' i p'yanye pogromy ot fevralya k oktyabryu 1917-go* ["The Green serpent" in the service of the "Red troubles": alcohol and drunken pogroms from February to October 1917] // *Istoriya v podrobnostyah – History in detail*. 2010. No. 4. Pp. 30–42.
10. Marchenya P. P. *P'yanye pogromy i bor'ba za vlast' v 1917 g.* [Drunken pogroms and the struggle for power in 1917] // *Novyj istoricheskij vestnik – New historical herald*. 2008. No. 1 (17). Pp. 84–95.
11. Musaev V. I. *P'yanye pogromy v Petrograde v konce 1917 – nachale 1918 gg.* [Drunken pogroms in Petrograd at the end of 1917 – beginning of 1918] // *Klio – Klio*. 2011. No. 8 (59). Pp. 111–115.
12. *Narodnaya volya – Narodnaya Volya*. Perm. 1917.
13. *Narodnaya volya – The people's freedom*. Perm. 1917.
14. *Pozhary shli okolo nedeli : vospominaniya A. A. Fedorovskogo – Fires went on for about a week : memories of A. A. Fedorovsky* // *Rossiya 1917 goda v ego-dokumentah : vospominaniya – Russia of 1917 in ego-documents : memoirs / author-comp.* N. V. Surzhikova, M. I. Weber et al. M. Political encyclopedia, 2015.
15. *Raport nachal'nika Shadrinskoj tyur'my Permskomu gubernskomu tyuremnomu inspektoru ot 25.11.1917* – Report of the head of the Shadrinsk prison to the Perm provincial prison inspector from 25.11.1917 / State Archive of Perm Region. F. 164. Inv. 1. File 284. Sh. 2–3.

Влияние государственной политики в области миссионерства на вятских каринских татар в XVIII в.

М. А. Орлов

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4663-9443. ResearcherID: U-8688-2018. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли вятской татарской общины в процессе реализации централизованной миссионерской политики в условиях регионального измерения. Доказывается, что местная татарская община при содействии местных чиновников нередко противодействовала христианизации нерусского населения края. Многие нормы законов Российской империи, призванные поддерживать православных миссионеров, не были реализованы в полном объеме. Централизация Российского государства, начавшаяся при Петре I, практически не затронула автономного статуса вятской татарской общины. Проводимая в середине XVIII в. политика христианизации народов Поволжья вступала в противоречие с интересами местной чиновничьей власти и этнической общины татар. Не только Слободская воеводская канцелярия, в непосредственном ведомстве которой находились каринские татары, но и Вятская провинциальная канцелярия служила главным оплотом местной татарской общины. Вятские епископы, особенно Вениамин (Сахновский) и Варлаам (Скамницкий), предпринимали попытки обеспечить исполнение царских законов, направленных на христианизацию нерусского Вятско-Камского региона. Однако для многих чиновников выгоднее оказалось сотрудничество с верхушкой каринских татар, чем исполнение служебного долга и поддержки православных миссионеров. Особое внимание уделено христианизации каринских татар. В отличие от Казанского края на Вятке крещение местных татар не сопровождалось какими-либо эксцессами. Некоторые татары пытались сами выступать в качестве миссионеров, проповедуя основы христианской веры бывшим единоверцам. Существовали области общественных отношений, которые нарушали автономный статус каринской общины татар. К таковым можно отнести политику в отношении мечетей, а также уголовное законодательство.

Ключевые слова: христианизация, Вятская духовная консистория, епископ, татары.

В недавнем прошлом можно было встретить исследования, в которых авторы утверждали, что в XVIII в. Российская империя в деле христианизации использовала насильственные методы в отношении татар Поволжья и что такая политика не имела своих пределов и ограничений. «Воспринятая из Западной Европы цель и установка на превращение России в абсолютистское, регулируемое, систематизированное и нивелированное государство не оставляла пространства для тех прав и традиций нерусского населения, с которыми до сих пор еще считались». Так писал о российской унификации середины XVIII в. швейцарский историк А. Каппелер [6, с. 29]. Стоит заметить, что автор отмечает неорганичность для России таких методов управления. Приращение национальных особенностей не являлось характерной чертой российских властей на протяжении многовековой истории национальных взаимоотношений в России.

Казанский исследователь Ф. Г. Ислаев утверждал, что Российское правительство и церковные власти в вопросах крещения татар в XVIII в. выступили единым фронтом, ибо интересы церковные и гражданские полностью совпадали [4, с. 10]. Данные утверждения верны, поскольку отражают общую тенденцию и динамику политики Российской империи в отношении татар Поволжья. Особенно ярко такая политика была проявлена в середине XVIII века, и связана она была с деятельностью Новокрещенской конторы. В этой общей логике и динамике оказались незамеченными, а лучше сказать, мало изученными татары, проживавшие на территории исторической Вятки. В XIX веке вятский историк А. Спицын писал про местных татар: «Внимательное изучение прошлого и настоящего этого племени составляет одну из наиболее важных работ для наших этнографов и историков» [17, с. 64]. По прошествии полутора веков полная история вятских татар в XVIII в. еще не написана. Были изучены отдельные стороны исторической жизни вятских татар [2; 10; 18; 30], которые в основном касались социально-экономических сторон их исторического бытия. Вопрос о миссионерской деятельности и влиянии этого процесса на условия жизни вятских татар остается белым пятном в исторической науке.

С XV в. татары довольно прочно обосновались в южных пределах Вятки. После того как этот край вошел в состав Российского государства (1489 г.), вятские татары получили особый статус автономной общины. Московские князья понимали, что с их помощью можно успешно удерживать под контролем местное, в первую очередь, удмуртское население. В течение XVI–XVII в. расселившиеся в районе Карино¹ татары получили здесь поместья и угодья, которые со временем превратились в вотчинные владения. В грамоте царя Ивана Грозного подтверждено право местным татарам «ведати и судити... беляков, вотяков и чувашу и пошлину на них имати, как преж того» [3, с. 23]. В историографии Вятского края делается вывод, что удмурты издавна были в состоянии подданства у татарских князей [7, с. 53; 10, с. 419]. Несмотря на попытку царя Федора Ивановича вывести удмуртов из-под власти каринских татар, господство последних в отношении финского народа сохранялось еще долгое время. В XVII в. встречается немало жалоб удмуртов на притеснения со стороны каринских мурз. Центральные власти посылали множество грамот об освобождении удмуртов от власти татар, однако положение оставалось неизменным. М. А. Островская, детально изучив имеющиеся документы, пришла к выводу, что «татары их (царские указы. – *авт.*) не исполняют» [10, с. 434].

Одной из причин сложившихся взаимоотношений двух этносов стала поддержка каринских мурз и князей со стороны местной воеводской власти. Вот яркий пример, подтверждающий такую поддержку. В 1700 г. верхотечепские удмурты били челом на вятских каринских татар «о напрасных к ним нападках». По указу Петра I на Вятку был послан воевода Петр Бутурлин с московским подьячим Иваном Лазаревым с целью разрешить возникший спор. Однако новый воевода, «наровя им (татарам. – *авт.*), сыскивал неправедно и в Хлынове, в приказе держал многое время» [12, л. 1–1об.]. Нередко хлыновские воеводы принимали от каринских татар «поноски великие и коней добрых» [10, с. 442]. Более подробно данная тема рассмотрена М. А. Островской, которая приводит немало примеров угнетения удмуртов со стороны местной администрации и каринских татар [10, с. 417–447].

К моменту организации широкомасштабной миссионерской деятельности в середине XVIII в. продолжали существовать неравноправные отношения между каринскими татарами и удмуртами, переходившие нередко в крепостнические отношения. Существовала практика «толмачества», сложившаяся еще в XVII в. Суть ее сводилась к тому, что верхотечепские удмурты, будучи неграмотны, просили каринских татар писать челобитные на своих обидчиков [14, л. 2–4]. Данная практика приносила немало обид удмуртам. Когда на Вятку приехал епископ Вениамин (Сахновский), известный своей ревностью в деле распространения христианства среди удмуртов, то обнаружил следующее явление. Каринские татары, взявшись толмачить, «чинят наглостию своею и нападками несносные обиды и тесноты», а «кого из вотяков признают богатого, и на таковых вотяков брали вместо взяток кабалы» [15, л. 39об.].

Епископ Вениамин выявил и другую проблему, которая до того, возможно, оставалась неприметной. Он пишет: но «не токмо они татары вотяков безгласных обидят, но и русским людям, которые в подушной переписи за ними татарами написаны <...> чинят великие обиды и тесноты <...> от них татар в великом гонении и утеснении и к святой церкви не в близости и церковного пения нечасто слышают» [15, л. 39об.–40]. Удмурты, по словам епископа Вениамина, «желают воспринять святое крещение», но не имеют возможности в силу закрепощения от каринских татар [15, л. 39]. Стоит обратить внимание и еще на один момент. Удмурты принадлежали к категории ясачных крестьян, а центральное правительство запрещало закрепощать эту часть населения. Тем не менее исподволь такая практика имела место быть на юге далекой Вятки.

Нами было сказано, что татарская община Вятки сохраняла особое автономное положение в силу поддержки чиновниками Слободской канцелярии. При этом вышестоящий над этой канцелярией орган власти – Вятская провинциальная канцелярия – занимала несколько иную, более легитимную позицию. Недаром вятские архиереи неоднократно просили Вятскую провинциальную канцелярию издать распоряжение о том, чтобы всех новокрещеных, проживавших в Слободском уезде, вывести из ведения Слободской воеводской канцелярии и подчинить Вятской провинциальной [15, л. 42об.; 25, д. 127, л. 2–3об.]. Просьбы вятских епископов были не лишены почвы и, видимо, основывались на имевшихся прецедентах. В 1739 г. Вятская провинциальная канцелярия вызвала татарина Абдулу Деветьярова и отменила решение Слободской воеводской канцелярии, в силу которого удмурты были закабалены [16, л. 2об.].

¹ По названию этой местности, сохранившейся до наших дней, они получили название «каринские татары».

Еще одной причиной особого автономного положения каринских татар было то, что они долгое время хранили память о бывших феодальных правах над удмуртским населением. Об этом писала еще в начале XX в. М. Островская: «В их насилиях, кажется, временами сказываются пережитки былых княжеских и вотчинных прав» [10, с. 426]. Несмотря на попытки Российского правительства в первой половине XVIII в. умалить положение татарской знати, воспоминания о прежнем особом положении остаются в памяти татар еще долгое время. Ожидания татар о скорейшем восстановлении потерянного статуса были не напрасны. При императрице Екатерине II возникнет идея приравнять татарскую элиту России к российскому дворянству. Такой переход возможно было осуществить тем татарам, которые смогли бы документально доказать свою принадлежность к князьям и мурзам, получившим в XVI–XVII в. жалованные грамоты от русских монархов.

Проживавшие на территории Слободского уезда каринские татары действительно предъявили несколько грамот, дававших право на дворянский статус [9; 29, л. 30–35об.]. Стоит при этом учитывать, что таковых татар на территории Вятки оказалась меньшая часть, большая же часть по своему статусу приравнивалась к ясачному населению. Тем не менее сознание господства не исчезало и у этой массы татарского населения. Мысли о более высоком социальном статусе татар присутствовали, видимо, и у местных чиновников. Весной 1742 г. было крещено несколько удмуртов и татар. Обращают на себя внимание данные о восприемниках. У татар «крестным отцом» был воевода г. Слободского Иван Козловский, а у удмуртов – служащий воеводы [26, д. 291, л. 7–9]. Легко заметить, что подбор восприемника не был случаен.

Наконец, особое положение вятских татар поддерживалось более весомым финансовым положением по сравнению с удмуртами. Некоторые татары заключали договоры подряда с удмуртами, в силу которых поставляли за удмуртов лошадей в зачет рекрутской складки. Взамен татары брали вексельные обязательства с обязанностью уплаты определенной суммы по договору. И даже тогда, когда эти удмурты принимали крещение и просили списать данные долги по векселям, что позволялось законами, то возникали трудности в реализации этих норм. И в таких случаях чиновники Слободской канцелярии нередко были на стороне мусульман, позволяя себе «жестокый правед» по отношению к новокрещеным [24]. В свое время советский исследователь истории удмуртов XVIII в. М. В. Гришкина заметила, что в удмуртских долях зажиточные каринские татары при содействии местной администрации все больше прибирали власть к рукам [1, с. 29].

Попытки епископа Вениамина ввести легитимность во взаимоотношения трех сторон – удмуртов (как крещеных, так и некрещеных), татар и местной канцелярии – несмотря на всю свою гуманность, не имели сколько-нибудь ощутимых последствий. Следующий за ним епископ Варлаам (Скамницкий) представил реестр дел, в которых перечислял обиды на новокрещеных удмуртов. Приведем несколько примеров. По просьбе татарина Алача Бизюкова Слободская воеводская канцелярия прислала двух человек, которые силой взяли деньги с удмурта Исака Зямбаева. От духовных властей была послана промемория в Слободскую воеводскую провинциальную канцелярию, но «никакого удовольствия не учинено» [25, д. 127, л. 2об.–15об.]. Проживавший близ Карино новокрещеный Гаврил Федоров требовал защиты от татарина Тимофея Деветьярова, который взял у него деньги, хлеб и держал в своем доме в колодах. Всего епископ приводит два десятка подобных дел и практически на каждом стояла пометка, что в Слободскую провинциальную канцелярию промемории присланы, но «никакого удовольствия не учинено» [25, д. 127, л. 2об.–15об.].

Были случаи, когда вопреки нормам указа об освобождении новокрещеных от рекрутской повинности некоторые татары вместо себя вынуждали вступать в службу крещеных удмуртов, причем местная канцелярия никак не реагировала на посылаемые по этому поводу промемории [24, л. 102–103об.]. Эти примеры убедительно показывают, что община вятских каринских татар вкупе со Слободской провинциальной канцелярией в середине XVIII в. создавала свой фронт, который нередко противодействовал усилиям духовенства по просвещению местного нерусского населения.

Крепкая связь вятской татарской общины со Слободской канцелярией и попытки сохранить свое феодальное прошлое привели к тому, что законы Российской империи о крещении нерусского населения не реализовывались на Вятке в должной степени. Изданные в центре законы зачастую становились мертвой буквой для местных чиновников именно потому, что эти самые чиновники были тесно связаны с каринскими татарами. Епископ Вениамин доносил Св. Синоду, что в Слободской канцелярии «по разным татарским и иным челобитьям»

удмурты содержатся под караулом в «непomalом времени» [15, л. 39]. В своих письмах Св. Синоду епископ Вениамин иллюстрировал весьма неприглядную картину: Слободская воеводская канцелярия вместо того, чтобы способствовать делу христианизации нерусского населения края потворствует татарам, скрывает указы о льготах для тех, кто бы принял крещение и принимает ложные челобитные на удмуртов, а это вредит миссии, т. к. прочие некрещенные в сложившейся бюрократической обстановке уже боятся креститься. Подтверждением слов вятского архиерея служит следующий пример. В 1743 г. к новокрещеным удмуртам приезжали чиновники Слободской канцелярии для того, чтобы собрать с крещеных удмуртов подати. На мирском сходе новокрещенные объявили, что они в течение трех лет, согласно царскому указу, податей платить не должны. В ответ на это рассыльщик Колпашиков отобрал копию этого указа, сказав: «Читать указ я де вам не холоп» [26, д. 297, л. 1об.]. Показательно само отношение чиновника к делу реализации царских указов.

Активная миссия православного духовенства, обращенная к народам Поволжья, не обошла стороной и самих каринских татар. Правда, здесь стоит сразу оговориться. Каринские татары стали исключением в общей истории христианизации татар Поволжья. В отличие от Казани к ним не посылались специальные проповедники, по крайней мере, в архивных документах мы таких случаев не встретили. Татары Слободского уезда Вятской провинции, как правило, изъявляли желание креститься, находясь на рекрутском учете в местной канцелярии [25, д. 110, л. 1]. Императорский указ от 11 сентября 1740 г. по этому поводу гласил: «Которые впредь православную веру примут, как рекрут, так и в рекрутские складки денег отнюдь никому не спрашивать и к тому их не приневоливать» [11]. Поставленный на воинский учет язычник или мусульманин мог подать прошение о крещении его в православную веру и, как награду, получал освобождение от военной службы.

Другой причиной желания вятских татар принять православную веру была возможность освободиться от судебного следствия. Именно в этой области татары в XVIII в. проявили наибольшую активность в сравнении с другими нерусскими народами Вятки. В 1752 г. татарин Бекхул Арасланов содержался в Вятской провинциальной канцелярии «по некоторому секретному делу». Находясь под караулом, он просил принять крещение. Примечательно, что при ходатайстве принять крещение вопрос об его освобождении даже не ставился, а в консисторию он был направлен с наказом, чтоб «разговоров о том деле [“кроме что до святого крещения принадлежит”] не имел; и когда святое крещение примет, велеть с теми ж за ним караульными прислать в канцелярию без малейшаго времени упущения» [25, д. 183, л. 5об.]. В 1800 г. за кражу лошадей был судим татарин Абдул Токтаров. Для того чтобы избежать наказания, он «объявил желание воспринять святое крещение» [27, л. 1]. Такое отношение татар к христианскому таинству святого крещения заставило духовенство более осторожно подходить к делу катехизации татар. Когда в Глазовское духовное правление был прислан татарин Абдул Абышев, то духовенство задало вопрос: не был ли он когда в судебных приводах [25, д. 1120, л. 1].

История христианизации вятских татар в XVIII в. отличалась добровольным отказом от мусульманства. Известно, что история крещения казанских татар в XVIII в. сопровождалась в некоторых случаях принудительным крещением. Однако на Вятке такого мы не встречаем. Если и были отдельные примеры принудительного крещения, то это относится к удмуртскому населению, которое было более слабо перед лицом властей, нежели каринские татары. Соответственно, особое социальное положение вятских татар стало одной из причин их мирной христианизации. Другой причиной было отношение вятских архиереев к процессу христианизации в целом. Ни один из трех вятских архиереев, ни епископ Вениамин (Сахновский), ни Варлаам (Скамницкий), ни Антоний (Илляшевич), при которых действовала Новокрещенская контора, не использовали административные возможности при крещении. Стоит обратить внимание на то, что ни один крещеный татарин Вятки в XVIII в. не подал жалобы на принудительное крещение, а что такие жалобы имели место быть, показывает пример казанских татар.

Нередко проповедниками в своей среде выступали сами новокрещенные татары. В 1748 г. татарину Алексею Арасланову было предписано, чтобы он своих домашних убеждал принять крещение, но только добровольно. По этому же делу Вятская духовная консистория предписала военному помочь Алексею в поимке его брата, который находился у татарина Сеткула. Послан был солдат, но для того только, чтобы сыскать сына Алексея, находившегося у его брата [19, л. 235об.–236об.]. В отношении к женам крещеных татар, которые не желали принимать крещения, насилия над совестью также не предпринималось, что хорошо иллюстрирует следующий

пример. В 1749 г. каринские татары, не желая быть в военной службе, просили крестить их вместе с семьями. Мужья были крещены в Хлынове, а жен поехал просвещать священник с. Пантыльского Конан. Приехав в указанное село, он узнал, что жены крещеных татар «явились ослушны и ко крещению не явились». Вятская духовная консистория послала промеморию в Вятскую провинциальную канцелярию, чтобы та сыскала жен и допросила на предмет того, не было ли от кого дурного влияния на мужей с целью отвращения от христианства. В заключении промемории читаем: «А буде паче чаяния оные суеверцы святого крещения воспринять не пожелают, то силою к тому оных не принуждать» [25, д. 143, л. 11].

Во время следственных дел, даже если они происходили в стенах духовной консистории и одной из сторон был татарин-мусульманин, угрозы относительно вероисповедания опять-таки не применялись. В 1751 г. каринский татарин Ермак Арасланов проходил по делу о богохульстве на христианскую веру. С 4 ноября по 16 декабря Вятская духовная консистория провела три заседания, во время которых выслушивала как обвиняемого, так и доносителей, которые, заметим, были из новокрещеных. В итоге выяснилось, что новокрещеные затеяли на татарина «из легкомыслия» и были наказаны за такой донос монастырскими трудами, Арасланов же был отпущен [19, л. 478–478об.]. Если бы в среде вятского духовенства была в ходу практика насильственного крещения, то к чему бы откладывать следствие, вызывать дополнительных свидетелей по делу и в конечном счете оправдывать мусульманина? В распоряжении консистории находились отставные солдаты, которых она могла попросить во время первого же заседания силой привести в купель татарина. Ничего подобного мы не находим. Другой подобный пример. В 1748 г. в связи со слухами о готовящемся за рекою Камою татарском бунте императорским указом было велено всех татар сыскивать и допрашивать. Каринские татары были вызваны в провинциальную канцелярию и допрошены там. Связей с повстанцами не было выявлено [13, л. 1, 13, 29]. Здесь также видим поимку татар только с целью производства законного следствия, но нет никаких признаков применения силы или угроз к принятию крещения.

Искреннее волеизъявление о принятии крещения подтверждается прошениями самих крещеных татар оставить прежнюю семью, члены которой оставались мусульманами. Многие из крещеных татар хотели жить в русских или новокрещенских селах. В декабре 1759 г. свящ. Алексей Свирипов принял в хлыновском Святотроицком и Николаевском соборе татарина Темира Арасланова, который, выслушав проповедь, просил крестить его [20, л. 531–531об.]. Через месяц, 11 января 1760 г., уже крещеный татарин, нареченный Феоктистом, представил в Вятскую духовную консисторию рапорт. Он указывал, что жена его, отец и братья «святого крещения воспринять не желают, зачем де и он с ними в одном доме жить и прежнюю свою жену в супружество взять не хочет, а желает в супружество вступить с русскою или ж с новокрещеною» [21, л. 60б.–7]. Другой крещеный татарин Исай Урасиных доносил в консисторию, что от совместного жительства с домашними, которые не крещены, «крайний соблазн мне видится и по христианскому закону житие иметь с ними вижу скверно». А потому просил определить его в жительство к русским, а на время просился даже пожить в монастыре на послушании [25, д. 160, л. 1–7].

Еще одним вопросом, который необходимо рассмотреть в нашем исследовании, является вопрос о степени вмешательства местных властей в религиозную жизнь вятской татарской общины. Ответ на данный вопрос покажет, насколько была велика возможность применения силы при крещении местных татар. Были такие указы, которые имели прямое действие на каринских татар и уязвляли их автономию. Таковы указы о сокращении числа мечетей и принуждении некрещеных заготавливать материал для строительства храмов в новокрещенских приходах. Относительно последнего стоит сказать, что случались конфликты между местными татарами и приходским духовенством, что весьма естественно, т. к. последователям Магомета не льстило даром строить православные храмы. В 1751 г. татары Каринской доли Бикмурза Деветьяров и Курбанай Маметкулов «с товарищи» жаловались на священников с. Уканского из-за того, что они били татар и вымучивали деньги. Изначально татары согласились заготавливать лес, но впоследствии своих обязательств не исполняли. Впрочем, священники признали, что некоторых для «единого устрастия» слегка ударили, но денег не брали. Дело закончилось мировым соглашением: «признав между собою правду и со оными попами добровольно помирились с таким обязательством, что они впредь друг на друга в показанных обидах нигде бить челом не будут» [19, л. 383об.–386об., 516об.]. Имеющиеся документы весьма скудны на подобные жалобы, что невольно наводит на две антиномии: либо в осталь-

ных случаях татары беспрекословно выполняли такие работы, либо «увольнялись» от подобных неудобноносимых обязательств и перекладывали их на плечи прочих нехристианских народов, менее защищенных как в правовом, так и в материальном отношении. Возможны оба варианта, хотя мы склонны второму объяснению придать больше реалистичности, чем первому, ибо известны случаи, когда татары «выкупали» государственные повинности у нерусского населения Вятки. Так, каринские татары за определенную плату вместо удмуртов-язычников поставляли лошадей для армии [19, л. 196об.–197об.]. Обратных примеров не находим, да и они в принципе были невозможны по причине большей зажиточности татар от тех же удмуртов. Таким образом, и в этом вопросе с известной долей вероятности татары могли сохранять определенную дистанцию от властей.

Указ о запрете строить мечети вблизи новокрещенских приходов и разрушении исламских молельных домов на Вятке получен 24 июня 1743 г. Тогда же епископ Варлаам предписал двум хлыновским священникам исследовать местности на предмет, где проживали татары и сообщить результаты Слободской провинциальной канцелярии. В августе того же года от духовенства получен отчет, в котором указывалось, что в каринских погостах имеется две мечети, отстоящие от новокрещенских жилищ одна в пяти верстах, а другая в семи. Выслушав это, Вятская духовная консистория предписала сообщить данные в Слободскую провинциальную канцелярию [23, л. 79–79об.]. Что было в дальнейшем с этими мечетями, неизвестно, ибо архивные документы хранят по этому поводу молчание. В 1764 г. встречаем еще один донос о мечетях, которые были выстроены в д. Кестымской. Эта деревня располагалась неподалеку от крупного новокрещенского села Балезино. В рапорте указано, что проживавшие там татары по ревизии 1744 г. приписаны к Казанскому уезду, а живут в указанной деревне, т. е. на территории Вятской провинции. Консистория распорядилась исследовать, сколько татар в этой деревне проживает. Вместе с этим предписано, что если жителей, исповедующих ислам, окажется менее двухсот, то сломать старую мечеть, а если жителей будет достаточно, одну мечеть оставить, а вторую запретить строить [22, л. 125–125об.]. Как и в случае с мечетями каринского погоста, данные о реализации указа отсутствуют. Несмотря на отсутствие данных о дальнейшей судьбе мечетей, можно сделать определенные выводы. Даже если предположить, что они были в действительности разрушены, то вся эта процедура, как видно, была обставлена рамками закона. Первоначально поднимался вопрос о соответствии наличных мечетей тому лимиту, который определял государственный закон. Затем происходило расследование с выездом на место и выявлением тех мечетей, которые подлежали сносу. Если учитывать, что в середине XVIII в. у чиновников Слободской канцелярии связи с местной татарской элитой были налажены лучше, чем с духовенством, то вероятность того, что мечети сохранялись, была выше, чем предположение о их разрушении. Впрочем, вопрос остается открытым.

Таким образом, можно заключить, что на Вятке возможность принудительного крещения каринских татар хотя и существовала, однако в силу исторических условий жизни была сведена к минимуму. Местные гражданские власти нередко покрывали татар-мусульман и в таких случаях, когда у них в качестве наемных работников выступали новокрещенные. В 1792 г. татарин починка Партянур (Уржумский уезд) Манасип Максюттов жаловался на местного дворянина Самарцова в том, что он явился на его собственную фабрику и говорил, что некрещеным запрещено держать в работах новокрещенных. Когда дело дошло до Ф. Ф. Желтухина, то глава Вятского наместничества с неприкрытым удивлением писал, что таких законов в Российской империи вовсе не существует, кроме того, от таких действий фабрики придут в упадок. С Самарцева же Желтухин велел взять объяснения за такой поступок, и если окажется виновным, то возместить вред татарину [28, л. 2]. Кстати, в этом деле обращает на себя внимание то, каким образом местные татары являлись в здания суда. Уржумский земский суд жаловался Желтухину на то, что местные татары «со азартным видом» приходили в присутственное место, «кричали необычными словами» и бранили судей [28, л. 4]. Такой эпизод еще раз подтверждает ту мысль, что положение местных татар выделялось среди других народностей края.

В целом видим, что мусульманская община вятских каринских татар, хотя и обладала определенными правами, приобретенными еще на заре становления Московского государства, все же была вынуждена подчиняться ряду законодательных норм Российской империи в XVIII в. Имея поддержку от местной канцелярии, некоторые представители каринских татар зачастую препятствовали проведению в жизнь царских указов, направленных на поддержку православных миссионеров. Материальное благосостояние и эхо исторического прошлого подпитывали автономию каринских мурз и князей. Поэтому говорить о безоговорочном нивелировании прав татарского населения на территории Вятки нет достаточных оснований.

Крещение вятских татар протекало в несколько иных исторических условиях, что отличало вятскую миссию от казанской. На юг Вятки не посылались специальные миссионеры для евангельской проповеди татарам, наоборот, татары сами приезжали в уездный (а впоследствии губернский) центр и просили принять крещение. Была еще одна особенность процесса христианизации татар Вятки. Если в отношении удмуртского населения можно встретить немало примеров неисполнения Вятской и Слободской канцеляриями норм о налоговых и рекрутских преференциях принимающим крещение, то в отношении татар мы не встречаем подобных случаев. В просмотренных нами архивных документах, относящихся к XVIII в., отсутствуют жалобы татар на непредоставление налоговых льгот по случаю крещения. Отсутствовали также жалобы на принудительную отправку крещеных татар вместо некрещеных, что имело место у других народностей. В этом, видимо, сказалось то особое положение, которое заняли каринские татары в провинциальной жизни Слободского уезда.

Список литературы

1. Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск : Удмуртия, 1977.
2. Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 20–41.
3. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к 2-му тому сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881.
4. Ислаев Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье. Казань : Татар. кн. изд-во, 1999.
5. Исхаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань : Татар. кн. изд-во, 2011.
6. Канпелер А. Россия – многонациональная империя. М. : Традиция – Прогресс Традиция, 2000.
7. Луннов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб. : Типография М. П. Фроловой, 1899.
8. Малов Е., свящ. О Новокрещенской канторе. Речь, произнесенная в торжественном собрании казанской духовной академии 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III. Приложение.
9. Мусихин А. Л. Грамоты каринским арским князьям в XVI в. – источник по истории Вятской земли // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета). Т. 2 / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 92–101.
10. Островская М. А. Из истории вятских инородцев // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском казанском университете. Казань, 1912. Т. XXVIII. Вып. 4–5. С. 417–447.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XI. № 8236.
12. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 131. Оп. 1. Д. 6.
13. РГАДА. Ф. 425. Оп. 3. Д. 12.
14. РГАДА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 208.
15. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 1. Д. 157.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 126.
17. Спицын А. Местное областное управление на Вятке до XVIII века. К истории вятских инородцев. Вятка : Издание Губернского статистического комитета, 1888.
18. Фаттахов Т. Д. К истории расселения татар-мусульман в юго-восточных городах и уездах Вятской губернии // Вестник Вятского государственного университета, 2015. № 1. С. 64–70.
19. Центральный Государственный Архив Кировской Области (ЦГАКО). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1.
20. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 5.
21. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6.
22. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 9.
23. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 5.
24. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 8.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 104. Д. 145.
28. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 2 б. Д. 23.
29. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 4. Д. 344.
30. Чураков В. С. Каринский стан Вятской земли: история, территория, население // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 5 ч. Ч. 3. Тамбов, 2017. № 12 (86). С. 215–219.

Influence of state policy in the field of missionary work on the Vyatka Karin Tatars in the XVIII century

M. A. Orlov

postgraduate student of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443. Researcher ID: U-8688-2018. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the Vyatka Tatar community in the process of implementing a centralized missionary policy in a regional dimension. It is proved that the local Tatar community, with the assistance of local officials, often opposed the Christianization of the non-Russian population of the region. Many of the laws of the Russian Empire designed to support Orthodox missionaries were not fully implemented. The centralization of the Russian state, which began under Peter I, practically did not affect the Autonomous status of the Vyatka Tatar community. The policy of Christianization of the peoples of the Volga region conducted in the middle of the XVIII century conflicted with the interests of local officials and the ethnic community of Tatars. Not only the Sloboda commander chancellery, which was directly responsible for the Karin Tatars, but also the Vyatka provincial chancellery served as the main stronghold of the local Tatar community. The Vyatka bishops, especially Veniamin (Sakhnovsky) and Varlaam (Skamnitsky), attempted to enforce the tsarist laws aimed at Christianizing the non-Russian Vyatka-Kama region. However, for many officials, it was more profitable to cooperate with the top of the Karin Tatars than to perform their official duties and support Orthodox missionaries. Special attention is paid to the Christianization of the Karin Tatars. In contrast to the Kazan region, the baptism of local Tatars in Vyatka was not accompanied by any excesses. Some Tatars tried to act as missionaries themselves, preaching the basics of the Christian faith to former co-religionists. There were areas of public relations that violated the autonomous status of the Karin Tatar community. These include policies regarding mosques, as well as criminal legislation.

Keywords: Christianization, Vyatka spiritual consistory, bishop, Tatars.

References

1. Grishkina M. V. *Krest'yanstvo Udmurtii v XVIII veke* [Peasantry of Udmurtia in the XVIII century]. Izhevsk. Udmurtia. 1977.
2. Grishkina M. V. *Sluzhiloe zemlevladienie arskikh knyazey v Udmurtii XVI – pervoj poloviny XVIII vekov* [Servile land ownership of Arsk princes in Udmurtia of the XVI – first half of the XVIII centuries] // *Problemy agrarnoj istorii Udmurtii* – Problems of the agrarian history of the Udmurt Republic. Izhevsk. 1988. Pp. 20–41.
3. *Drevnie akty, otnosyashchiesya k istorii Vyatskogo kraja. Prilozhenie k 2-mu tomu sbornika "Stoletie Vyatskoj gubernii"* – Ancient acts related to the history of the Vyatka region. Appendix to the 2nd volume of the collection "Century of the Vyatka province". Vyatka. 1881.
4. *Islaev F. G. Pravoslavnye missionery v Povolzh'e* [Orthodox missionaries in the Volga region]. Kazan. Tatar publishing house. 1999.
5. *Iskhakov R. R. Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [Missionary work and Moslems of Volga-Kama region (the last third of the XVIII – beginning of the XX century)]. Kazan. Tatar publishing house. 2011.
6. *Kappeler A. Rossiya – mnogonacional'naya imperiya* [Russia is a multinational Empire]. M. Tradiciya – Progress Tradiciya. 2000.
7. *Lupov P. N. Hristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka* [Christianity among the votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. SPb. Printing House of M. P. Frolova. 1899.
8. *Malov E., bishop. O Novokreshchenskoj kantore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii kazanskoj duhovnoj akademii 1878 g.* [About Novokreschenskaya Cantor. Speech delivered at the solemn meeting of the Kazan theological Academy in 1878] // *Pravoslavnyj sobesednik* – Orthodox interlocutor. 1878. Part III. Application.
9. *Musihin A. L. Gramoty karinskim arskim knyaz'yam v XVI v. – istochnik po istorii Vyatskoj zemli* [Letters to the Karin Arsk princes in the XVI century – source on the history of the Vyatka land] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem (k 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta)* – Vyatka land in the past and present (to the 100th anniversary of the Vyatka State University for the Humanities). Vol. 2 / resp. ed. V. T. Yungblud. Kirov. VyatSHU. 2014. Pp. 92–101.
10. *Ostrovskaya M. A. Iz istorii vyatskikh inorodcev* [From the history of the Vyatka aliens] // *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom kazanskom universitete* – Proceedings of the society of archaeology, history and ethnography at the Imperial Kazan University. Kazan. 1912. Vol. XXVIII. Is. 4–5. Pp. 417–447.
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 1* – Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XI. No. 8236.

12. Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). F. 131. Inv. 1. File 6.
13. RSAAA. F. 425. Inv. 3. File 12.
14. RSAAA. F. 573. Inv. 1. File 208.
15. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 796. Inv. 1. File 157.
16. RSHA. F. 796. Inv. 22. File 126.
17. Spicyn A. *Mestnoe oblastnoe upravlenie na Vyatke do XVIII veka. K istorii vyatskih inorodcev* [Local regional administration in Vyatka before the XVIII century]. To the history of Vyatka foreigners. Vyatka. Publication of the Provincial statistical committee. 1888.
18. Fattahov T. D. *K istorii rasseleniya tatar-musul'man v yugo-vostochnyh gorodakh i uездah Vyatskoj gubernii* [On the history of settlement of Muslim Tatars in the South-Eastern cities and counties of the Vyatka province] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2015. No. 1. Pp. 64–70.
19. Central State Archive of the Kirov Region (CSAKR). F. 237. Inv. 1. File 1.
20. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 5.
21. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 6.
22. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 9.
23. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 5.
24. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 8.
25. CSAKR. F. 237. Inv. 74.
26. CSAKR. F. 237. Inv. 81.
27. CSAKR. F. 237. Inv. 104. File 145.
28. CSAKR. F. 582. Inv. 2 b. File 23.
29. CSAKR. F. 583. Inv. 4. File 344.
30. Churakov V. S. *Karinskij stan Vyatskoj zemli: istoriya, territoriya, naselenie* [Karin camp of Vyatka land: history, territory, population] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 5 ch.* – Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice : in 5 parts. Part 3. Tambov. 2017. No. 12 (86). Pp. 215–219.

УДК 947(470.342)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.043

Уржумский уезд Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: социально-демографическая характеристика

А. С. Корепанов

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет,
ведущий архивист отдела использования архивных документов государственных органов,
Центральный государственный архив Кировской области. Россия, г. Киров. E-mail: alexktx9@gmail.com

Аннотация. До настоящего времени социально-демографические характеристики населения Уржумского уезда Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. не являлись предметом специального изучения. Статистические материалы, связанные с данным уездом, привлекались либо для изучения отдельных социальных групп населения, либо для рассмотрения динамики социально-демографических показателей Вятской губернии в целом. Между тем исследование социально-демографических характеристик населения на различных этапах его исторического пути имеет важное значение, поскольку позволяет выявить тенденции и особенности его развития, понять закономерности общественных явлений и демографических процессов.

В досоветский период истории России уезд был частью общей социально-экономической системы губернии и, в связи с этим, нес на себе отпечаток общего состояния дел в губернии, отражал тенденции хозяйственной и общественной жизни. Соответственно, изучение социально-демографических характеристик уезда позволяет выявлять, анализировать и раскрывать исторические традиции губернской жизни. Кроме того, появляется возможность определить место и роль отдельного уезда, его населения в жизни губернии.

В настоящей статье автором рассмотрены основные социально-демографические характеристики населения Уржумского уезда во второй половине XIX – начале XX вв.: динамика численности населения, демографических показателей, сословный, этнический, конфессиональный, возрастной и гендерный состав населения. Источниковой базой исследования являются архивные документы Центрального государственного архива Кировской области и опубликованные статистические материалы, в том числе Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Памятные книжки Вятской губернии, обзоры Вятской губернии и т. д.

Ключевые слова: Вятская губерния, Уржум, демографическая статистика.

Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в Уржумском уезде проживало 289 188 человек. По этому показателю он занимал 4 место в губернии после Яранского (366 773), Глазовского (368 587) и Сарапульского (408 058) уездов [11, с. 1]. Если проводить сравнение с 1858 г. (190 720), то численность населения за 39 лет увеличилась на 51,63% [8, отделение четвертое, с. 170]. Главной причиной такого роста являлся естественный прирост населения. Кроме того, плотность населения в Уржумском уезде на момент переписи 1897 г. была выше средней в губернии (22,53) – 28,78 души обоного пола на квадратную версту. По этому показателю уезд занимал – 6 место после Сарапульского (31,13), Яранского (31,84), Нолинского (32,42), Елабужского (32,48) и Вятского (36,79) уездов [11, с. 1].

Общая динамика численности населения Уржумского уезда Вятской губернии в рассматриваемый период отражена в следующий таблице.

Таблица 1

Динамика численности населения Уржумского уезда во второй половине XIX – начале XX вв.

[15, л. 121; 16, л. 3; 19, л. 3об.; 11, с. 1; 20, л. 54 об.; 21, л. 34об.]

Год	1861	1870	1880	1897	1902	1913
Численность	196 693	206 597	258 030	289 188	319 707	350 999

Интерес представляет также динамика демографических показателей в Уржумском уезде.

Таблица 2

**Динамика демографических показателей в Уржумском уезде
во второй половине XIX – начале XX вв.**

[15, л. 121; 3, Ведомость о движении населения в Вятской губернии за 1870 год; 4, Ведомость о движении населения в Вятской губернии за 1880 год; 5, Ведомость о движении населения в Вятской губернии за 1890 год; 6, Ведомость о движении населения в Вятской губернии за 1900 год; 7, Ведомость о движении населения по Вятской губернии за 1910 год]

Год	Число родившихся	Число браков	Число умерших	Прибыль населения
1861	11 470	2321	8203	3267
1870	13 261	2516	9885	3376
1880	14 821	3359	11 098	3723
1890	16 179	2449	13 035	3144
1900	17 489	3193	12 851	4638
1910	19 649	3354	14 242	5407

Данные приведенной выше таблицы свидетельствуют о том, что, несмотря на колебания показателей, в целом в рассматриваемый период в уезде был рост и по числу браков, и по рождаемости, наблюдалась положительная динамика численности населения. Если сравнивать с другими уездами Вятской губернии, например, по рождаемости, то в частности в 1861 году Уржумский уезд занимал четвертое место в губернии по числу родившихся. В 1910 году по рождаемости уезд сохранил четвертое место. Относительно смертности в уезде картина была следующей: в 1861 году – уезд занимал восьмое место по губернии, в 1910 году уезд занимал четвертое место [15, л. 121; 7, Ведомость о движении населения по Вятской губернии за 1910 год].

Если сравнивать Уржумский уезд с другими уездами губернии по числу браков, то в частности в 1861 году Уржумский уезд занимал третье место. В 1910 году он занял шестое место по числу браков в Вятской губернии. Аналогичное сравнение следует провести по приросту населения в уезде. В 1861 году уезд занимал третье место в губернии по данному показателю. В 1910 году уезд занял шестое место по приросту населения [15, л. 121; 7, Ведомость о движении населения по Вятской губернии за 1910 год].

Нужно заметить, что на протяжении рассматриваемого периода подавляющая часть населения Уржумского уезда проживала в сельской местности, на город приходился лишь незначительный процент населения. Общая динамика численности населения города Уржума отражена в следующей таблице.

Таблица 3

**Динамика численности населения в городе Уржуме Уржумского уезда
во второй половине XIX – начале XX вв.**

[15, л. 121; 16, л. 3; 19, л. 3об.; 11, с. 1; 20, л. 54об.; 21, л. 34об.]

Год	1861	1870	1880	1897	1902	1913
Численность	1979	2454	5029	4413	6958	8693
Процент от общей численности населения уезда	1%	1,2%	1,9%	1,5%	2,2%	2,5%

Данные приведенной таблицы свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторые колебания, происходил рост численности городского населения (с 1861 г. к 1913 г. в 4,4 раза) и его удельной доли к общей численности населения уезда (с 1% в 1861 г. до 2,5% к 1913 г.). При этом надо отметить, что численность городского населения, даже с учетом ее возрастания, была небольшой. Это объяснялось тем, что главным занятием жителей уезда было земледелие [1, с. 152]. Промышленность в уезде была развита слабо. Так, в частности, в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» относительно Уржумского уезда отмечалось: «Фабрично-заводская деятельность мало развита; между заводами, производящими свыше 1000 р. в год, были винокурный, хрустально-стеклоделательный, поташные, масложитные, кожевенные. Остальные заведения – небольшие мастерские. Всех торгово-промышленных заведений 570; большинство из них – мелкие лавочки» [22, с. 907].

Интересен также сословный состав населения Уржумского уезда. Общая динамика численности населения Уржумского уезда по сословиям в рассматриваемый период отражена ниже.

Таблица 4

**Сословный состав населения Уржумского уезда Вятской губернии
во второй половине XIX – начале XX вв.**

[9, отделение третье, с. 116, 126; 17, л. 5об., 6; 19, л. 7об., 11, с. 50, 51; 21, л. 7об.]

Наименование сословия		1864	1872	1880	1897	1913
Дворяне	потомственные	35	127	51	108	88
	личные	145	69	188	353 (включая чиновников не из дворян)	210
Духовенство	православное белое	838	921	1206	1109 (лица духовного звания всех христианских исповеданий и их семьи)	1050
	монашество	–				120
	единоверческое	12	17	11		16
	старообрядческое	нет сведений				23
	мусульманское	62	78	79		нет сведений
Почетные граждане		1	20	66	208	283
Купцы		256	180	71	191	72
Мещане		1214	1690	4180	3904	7452
Крестьяне		190 541	218 319	235 110	283 167	341 521
Войска		189	95	135	9 (войсковые казаки)	105
Отставные, временно- и бессрочно-отпускные солдаты и их семьи		5712	4393	16 936	нет сведений	–
Иностранные подданные		–			16	3

Данные вышеприведенной таблицы свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период абсолютное большинство населения Уржумского уезда было представлено крестьянами (в 1880 г. – 91%, в 1913 г. – 97%). Далее значимую часть во второй половине XIX века составляли отставные, временно- и бессрочно-отпускные солдаты и их семейства (в 1880 г. – 7%), однако впоследствии, в частности в 1913 г., их в уезде не значилось. Определенная доля населения уезда была представлена мещанами (в 1880 г. и 1913 г. – 2%). Также в уезде проживали: православное духовенство, дворяне и почетные граждане, лица, относящиеся к войскам, купцы, мусульманское, старообрядческое и единоверческое духовенство и др.

Если сравнивать с другими уездами губернии, то в 1880 г. Уржумский уезд занимал 4 место по числу крестьян, 3 место по числу отставных, временно-отпускных, бессрочно-отпускных солдат и членов их семейств, 5 место по числу мещан, 6 место по числу православного белого духовенства, 10 место по числу купцов, 6 место по числу дворян [19, л. 5об.–8]. В 1913 г. уезд занимал 4 место по количеству крестьян и мещан в губернии, 7 место по числу православного белого духовенства, 10 место по числу купцов, 5 место по числу дворян [21, л. 5об.–8].

Ниже представлены сведения об этническом составе населения Уржумского уезда в рассматриваемый период.

Таблица 5

**Этнический состав Уржумского уезда Вятской губернии
во второй половине XIX – начале XX вв.**

[10, отдел IV, с. 17; 18, л. 5об.; 19, л. 3об.; 11, с. 86–89; 21, л. 3об.]

	1870	1875	1880	1897	1913
Русские	157 091	168 218	182 628	201 035	251 154
Удмурты	–	199	520	844	983
Марийцы	37 161	51 441	65 111	73 092	81 129
Татары	8837	9106	9558	13 934	17 687
Поляки	нет сведений	20	27	29	17
Евреи	нет сведений	3	18	8	20
Немцы	нет сведений	10	11	14	7
Цыгане	–	5	5	147	–
Зыряне	нет сведений	88	152	12	–

Приведенные данные свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого периода наблюдалась положительная динамика численности основных народов, населявших Уржумский уезд Вятской губернии. Большую часть населения уезда составляли русские

(70,8% в 1880 г., 71,5% в 1913 г.), марийцы (25,2% в 1880 г., 23,1% в 1913 г.) и татары (3,7% в 1880 г., 5% в 1913 г.). Также в уезде жили удмурты, поляки, евреи, немцы, цыгане, зыряне и т. д. [19, л. 3об.; 21, л. 3об.]. Изменения в численности этнических меньшинств, проживавших в Уржумском уезде во второй половине XIX – начале XX вв., были вызваны не только демографическими, но и социокультурными факторами. Рост числа евреев и немцев в 70–80-х гг. XIX в. был связан с динамичным развитием торговли и промышленности в данный период. Увеличение польской общины объясняется не только подавлением Январского восстания 1863 г. и массовой высылкой его участников на восток империи, но и трудовой миграцией поляков. Наконец, рост численности финно-угров, в частности удмуртов, был связан с развитием в районах их компактного проживания земской медицины, что приводило к снижению смертности и увеличению продолжительности жизни. Притоку удмуртской молодежи в Уржумский уезд способствовало открытие в селе Старый Карлыган специализированной удмуртской школы, получившей впоследствии статус Центральной, призванной готовить учителей для удмуртских школ [12, с. 91, 96].

Если проводить сравнение этнического состава населения Уржумского уезда с другими уездами губернии, то в 1880 г. он занимал 7 место по числу русских, 6 место по числу удмуртов, 1 место по числу марийцев, 3 место по числу татар, 8 место по числу поляков, 5 место по числу евреев, 4 место по числу немцев [19, л. 1об.–4]. В 1913 г. Уржумский уезд занимал 8 место по числу русских, 6 место по числу удмуртов, 1 место по числу марийцев, 3 место по числу татар, 8 место по числу поляков, 7 место по числу евреев, 5 место по числу немцев [21, л. 1об.–4].

Интерес представляет рассмотрение конфессиональной принадлежности населения Уржумского уезда Вятской губернии в рассматриваемый период.

Таблица 6

**Конфессиональный состав населения Уржумского уезда Вятской губернии
во второй половине XIX – начале XX вв.**

[9, отделение третье, с. 136; 18, л. 5об.; 19, л. 3об.; 11, с. 3; 21, л. 3об.]

	1864	1875	1880	1897	1913
Православие	182 732	207 658	234 159	259 077	308 158
Единоверие	1125	1163	1584		1266
Старообрядчество	6202	8494	9817	12 993	20 178
Католицизм	5	20	30	45	24
Протестантство	–	10	8	17	2
Ислам	7219	9106	9507	13 785	17 688
Иудаизм	–	3	18	17	20
Язычество	2503	2636	2907	нет сведений	2663
Остальные				3254	

Данные приведенной таблицы свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период большинство населения Уржумского уезда было представлено православными (в 1880 г. – 90,7%, в 1913 г. – 87,8%), значительная часть исповедовала также старообрядчество (в 1880 г. – 3,8%, в 1913 г. – 5,7%) и ислам (в 1880 г. – 3,7%, в 1913 г. – 5%). Кроме того, в Уржумском уезде также проживали приверженцы язычества, единоверия, католичества, иудаизма и протестантства.

Если проводить сравнение конфессионального состава населения Уржумского уезда с другими уездами Вятской губернии, то в 1864 г. уезд занимал 6 место по числу православных, 4 место по числу старообрядцев, 3 место по количеству мусульман, 2 место по числу язычников, 3 место по числу единоверцев, 10 место по числу католиков среди уездов губернии. В 1913 г. уезд занимал 5 место по числу православных, 3 место по количеству старообрядцев, 4 место по числу мусульман, 2 место по числу язычников, 2 место по числу единоверцев, 6 место по числу католиков, 7 место по числу иудеев, 8 место по числу протестантов среди уездов губернии [9, с. 130–137; 21, л. 1–4].

Далее рассмотрим половой состав населения Уржумского уезда.

Таблица 7

Половой состав населения Уржумского уезда во второй половине XIX – начале XX вв.

[15, л. 121; 16, л. 3; 19, л. 3об.; 11, с. 4, 5; 20, л. 54об.; 21, л. 34об.]

Год	Мужчины (% от численности населения)	Женщины (% от численности населения)
1861	94 490 (48)	102 203 (52)
1870	98 539 (48)	108 058 (52)
1880	122 637 (48)	135 393 (52)
1897	136 102 (47)	153 086 (53)
1902	151 426 (47)	168 281 (53)
1913	170 732 (49)	180 267 (51)

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. в уезде преобладали женщины. Это объясняется высокой смертностью мужчин, которая была связана с тяжелым трудом [2, с. 164]. Необходимо отметить, что преобладание женщин над мужчинами среди населения было характерно для Вятской губернии. По данным Н. А. Спасского, на 100 мужчин приходилось 110 женщин [14, с. 34]. Данное явление было характерно также и для Российской империи в целом. Так, в 1858 г. среди всего населения Европейской России на 1000 мужчин приходилось 1023 женщины, в 1897 г. на 1000 мужчин приходилось 1042 женщины [13, с. 258, 262]. Тем не менее нужно сказать, что соотношение мужчин и женщин в рассматриваемый период менялось, происходили его колебания, и к 1913 г. наметилось увеличение доли мужчин к доле женщин при общем преобладании женщин в уезде.

Следует отметить, что в 1861 году Уржумский уезд занимал 5 место по числу мужчин и женщин в губернии [15, л. 121]. В 1913 г. уезд занял 4 место по числу мужчин и женщин в губернии [21, л. 34об.].

Важным представляется и рассмотрение возрастного состава населения Уржумского уезда.

Таблица 8

Возрастной состав населения Уржумского уезда по переписи 1897 г.

[11, с. 10, 11]

Категория населения	Численность
Дети младше года	11 331 (3,9%)
От 1 года до 9 лет вкл.	66 414 (23%)
10–19	63 814 (22%)
20–29	44 398 (15,4%)
30–39	35 687 (12,3%)
40–49	28 264 (9,8%)
50–59	20 374 (7%)
60–69	12 734 (4,4%)
70–79	4788 (1,7%)
80–89	1119 (0,4%)
90–99	184 (0,06%)
100–109	6 (0,002%)
110 и более	-
Неизвестного возраста	75 (0,026%)

Из приведенной выше таблицы следует, что большая часть населения Уржумского уезда на момент переписи была в возрасте от 1 до 39 лет – 72,7%, или 210 313 человек. При этом отметим, что почти половину всего населения уезда составляла возрастная категория от 1 до 19 лет – 130 228 человек – 45%. Преобладание именно такой возрастной категории, видимо, было обусловлено высоким уровнем рождаемости, характерным в рассматриваемый период и для России целом [2, с. 199]. Наименьшее число жителей приходилось на следующие возрастные категории: лица неизвестного возраста, дети моложе 1 года и лица 60 лет и старше. Это объясняется в частности тем, что общероссийскими тенденциями были: высокая смертность среди детского и зрелого населения, невысокая средняя продолжительность жизни [2, с. 193]. Обобщая данные по возрастному составу населения Уржумского уезда, следует отметить преобладание категории молодого населения в уезде.

Таким образом, изученный материал позволяет прийти к выводу, что во второй половине XIX – начале XX вв. наблюдался рост численности населения Уржумского уезда Вятской губернии. Уезд занимал видные позиции даже на губернском уровне по числу родившихся, браков, по численности населения, по его плотности и его приросту. Большинство населения составляли русские. Также значительная часть населения была представлена марийцами и татарами. Кроме того, в уезде проживали поляки, евреи, немцы, цыгане и др. В сословном отношении самым многочисленным было крестьянство, выделялись отставные, временно-отпускные и бессрочно-отпускные солдаты и их семейства, мещане и др. Большая часть населения исповедовала православие, но между тем были старообрядцы (раскольники), мусульмане, язычники, единоверцы и др. В гендерном отношении среди жителей Уржумского уезда преобладала доля женщин, а в возрастном отношении большая часть населения уезда приходилась на категорию от 1 до 39 лет. Численность городского населения уезда даже с учетом ее возрастания была небольшой, большинство жителей в рассматриваемый период проживало в сельской местности, на город приходился лишь незначительный процент населения.

Список литературы

1. Лаврентьев К. В. География Вятской губернии: Курс родоноведения для городских училищ. Вятка, 1890.
2. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003.
3. Обзор Вятской губернии за 1870 год. Вятка, 1871.
4. Обзор Вятской губернии за 1880 год. Вятка, 1881.
5. Обзор Вятской губернии за 1890 год. Вятка, 1891.
6. Обзор Вятской губернии за 1900 год. Вятка, 1901.
7. Обзор Вятской губернии за 1910 год. Вятка, 1911.
8. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка, 1860 г.
9. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 годы. Вятка, 1866.
10. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1870.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. X. Вятская губерния.
12. Помелов В. Б. Просветитель удмуртов вятский педагог К. А. Андреев: К 160-летию со дня рождения // Герценка: Вятские записки. Вып. 31 / Киров. гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол.: Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. Киров, 2017. С. 89–97.
13. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М., 1956.
14. Спасский Н. А. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. Вятка, 1875.
15. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 100.
16. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 347.
17. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 414.
18. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526.
19. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 895.
20. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 481.
21. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942.
22. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург, 1902. Т. XXXIVa.

Urzhum uyezd of Vyatka province in the second half of the XIX – early XX centuries: socio-demographic characteristics

A. S. Korepanov

postgraduate student of the Department of history and Political Science, Vyatka State University,
leading archivist of the Department of use of archival documents of state bodies, Central State Archive
of the Kirov region. Russia, Kirov. E-mail: alexktx9@gmail.com

Abstract. Until now, the socio-demographic characteristics of the population of Urzhum uyezd in the Vyatka province in the second half of the XIX – early XX centuries were not the subject of special study. Statistical materials related to this district were used either to study individual social groups of the population, or to consider the dynamics of socio-demographic indicators of the Vyatka province as a whole. Meanwhile, the study of socio-demographic characteristics of the population at various stages of its historical path is important, since it allows one to identify trends and features of its development, to understand the patterns of social phenomena and demographic processes.

In the pre-Soviet period of Russian history, the district was part of the overall socio-economic system of the province and, in this regard, bore the imprint of the general state of affairs in the province, reflecting the trends of economic and social life. Accordingly, the study of socio-demographic characteristics of the County allows you to identify, analyze and disclose the historical traditions of provincial life. In addition, it becomes possible to determine the place and role of an individual County and its population in the life of the province.

In this article, the author considers the main socio-demographic characteristics of the population of Urzhum uyezd in the second half of the XIX – early XX centuries: the dynamics of the population, demographic indicators, class, ethnic, confessional, age and gender composition of the population. The source base of the research is archival documents of the Central State Archive of the Kirov region and published statistical materials, including the First General Population Census of the Russian Empire in 1897, Commemorative books of the Vyatka province, reviews of the Vyatka province, etc.

Keywords: Vyatka province, Urzhum, demographic statistics.

References

1. Lavrent'ev K. V. *Geografiya Vyatskoj gubernii: Kurs rodinovedeniya dlya gorodskih uchilishch* [Geography of the Vyatka province: Course of motherland study for urban schools]. Vyatka. 1890.
2. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the Empire period (XVIII–early XX century)]. SPb. 2003.
3. *Obzor Vyatskoj gubernii za 1870 god* – Review of the Vyatka province for 1870. Vyatka. 1871.
4. *Obzor Vyatskoj gubernii za 1880 god* – Review of the Vyatka province in 1880. Vyatka. 1881.
5. *Obzor Vyatskoj gubernii za 1890 god* – Review of the Vyatka province for 1890. Vyatka. 1891.
6. *Obzor Vyatskoj gubernii za 1900 god* – Review of the Vyatka province for 1900. Vyatka. 1901.
7. *Obzor Vyatskoj gubernii za 1910 god* – Review of the Vyatka province for 1910. Vyatka. 1911.
8. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1860 god* – The memorable book of the Vyatka province in 1860. Vyatka. 1860.
9. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1866 i 1867 gody* – The memorable book of the Vyatka province for 1866 and 1867. Vyatka. 1866.
10. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1870 god* – The memorable book of the Vyatka province for 1870. Vyatka. 1870.
11. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The First General Census of the population of the Russian Empire, 1897 / edited by N. A. Troynitsky. Saint Petersburg. 1904. Vol. X. Vyatka province.
12. Pomelov V. B. *Prosvetitel' udmurtov vyatskij pedagog K. A. Andreev: K 160-letiyu so dnya rozhdeniya* [Educator of the udmurts Vyatka teacher K. A. Andreev: To the 160th anniversary of his birth] // *Gercenka: Vyatskie zapiski. Vyp. 31*– Hertsenka: Vyatka notes. Is. 31 / Kirov State University Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen; editorial board: N. P. Guryanova (comp.) [et al.]. Kirov. 2017. Pp. 89–97.
13. Rashin A. G. *Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913). Statisticheskie ocherki* [Population of Russia for 100 years (1813–1913). Statistical essays]. M. 1956.
14. Spasskij N. A. *Statisticheskoe opisanie Vyatskoj gubernii i spravochnye svedeniya* [Statistical description of the Vyatka province and reference data]. Vyatka. 1875.
15. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 100.
16. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 347.
17. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 414.
18. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 526.
19. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 895.
20. CSAKR. F. 574. Inv. 2. File 481.
21. CSAKR. F. 574. Inv. 2. File 942.
22. Brockhaus and Efron's Encyclopedic dictionary. Saint Petersburg. 1902. Vol. XXXIVa.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 950(510)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.044

Китайский кризис: изоляционистские настроения периодической печати США*

С. О. Буранок¹, Д. Ю. Селифонтова²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения,
Самарский государственный социально-педагогический университет.

Россия, г. Самара. E-mail: witch-king-1@mail.ru

²студент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения,
Самарский государственный социально-педагогический университет.

Россия, г. Самара. E-mail: selifontova@sgspu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования подходов и оценок китайского кризиса 1931 г. в прессе США. Вся сложность восприятия Японо-китайской войны была отражена в прессе, пытавшейся сформировать понимание нового процесса, в который была вовлечена Америка. В ходе трудного поиска оптимального пути и взгляда на китайский кризис в американской прессе было сформулировано несколько полярных точек зрения. Таким образом, изучение отношения американской прессы и позиций наиболее видных журналистов представляет интерес для анализа того, как США после китайского кризиса постепенно осознали место страны в новой системе международных отношений. Кроме того, пресса показывает, как США планировали строить взаимодействия с враждующими государствами на Тихом океане. Статья основана на материалах как демократической, так и республиканской прессы США. Для американской прессы 1931 г. вопрос о «китайском кризисе» оказался весьма актуальным, хотя первая реакция на него была в классических изоляционистских тонах. Журналисты и редакторы с сентября 1931 г. активно обсуждали перспективы развития конфликта в Азии, шансы на победы Японии или Китая, политические и экономические интересы Японии в Азии. Американские военно-политические деятели ожидали скорый конфликт Китая с Японской империей (либо, как вариант, Японии и СССР; Китая и СССР). Однако влиятельные изоляционистские газеты создавали в 1931 году образ не «Китай-жертвы», а локального противостояния трех диктаторов за Маньчжурию, которая изображалась независимой территорией.

Ключевые слова: Японо-китайская война, пресса США, международные отношения, Маньчжурия, общественное мнение.

Анализ оценок, сделанных средствами массовой информации США, не только позволит раскрыть особенности представлений об этапах и событиях китайского кризиса 1931 г., но и даст возможность проследить воздействие представлений и образов, сформировавшихся в эти годы, на последующую историографию, историческую память.

Изучаемая тема актуальна в практическом отношении – для анализа современных информационно-коммуникационных процессов в американском обществе. Многие возникшие в первой половине XX в. стереотипы восприятия Китая и информационные традиции продолжают функционировать на рубеже XX–XXI веков и в настоящее время, оставаясь важной частью американского общественного сознания. Современное состояние американо-китайских отношений оценивается как информационная война, но для более полного понимания специфики форм и методов данной войны важно изучить ее исторический базис. Следовательно, требуется всестороннее изучение процесса эволюции образа сражающегося Китая в период гражданской войны (и одновременно в период войны с Японией).

Научно-теоретическая и научно-практическая значимость данной проблемы (а также актуальность этого вопроса) может быть объяснена рядом причин. Во-первых, слабой изу-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003.
© Буранок С. О., Селифонтова Д. Ю., 2019

ченностью образа Китая в период кризиса 1931 г.: какими были ключевые черты данного образа? Какие его элементы актуализировали или маргинализировались прессой США? Во-вторых, исследование особенностей создания образа Китая в США в 1931 году (через периодическую печать) позволит поставить вопрос о роли СМИ США в определении и корректировке предвоенной азиатской политики Америки. В-третьих, значимостью исследования опыта актуализации образов «китайского кризиса» как одного из приемов информационного воздействия на американское общество. В-четвертых, образ Китая, сформированный в 1931 г., оказался крайне неоднородным и важнейшие элементы данного образа будут не только влиять на общественное мнение США в период 1931–1949 гг., но и воздействовать на процесс принятия внешнеполитических решений.

Ответ на вопрос о роли образа Китая в общественном мнении США в первой половине XX в. и влиянии информационных тенденций на процесс принятия внешнеполитических решений в США позволит составить более предметное представление о теории и практике международных отношений в условиях трансформации миропорядка до и во время Второй мировой войны, выявить маркеры восприятия Китая в кризисный период и проследить изменения данных маркеров на коротком, но очень насыщенном историческом этапе (сентябрь 1931 года) [8, с. 35].

Первоначальная реакция американской прессы на начало нового конфликта на Дальнем Востоке представлена в выпусках от 18–19 сентября 1931 г. Главное издание штата Юта «The Deseret News» в статье «Японцы взяли столицу Маньчжурии» сообщает, что в период с 18 по 19 сентября «японские войска уже захватили 4 города, а Москва выступила с заявлением о непризнании любых военных приобретений Японии в Маньчжурии» [12, р. 1]. Особенностью подачи материала о Маньчжурии было снабжение статьи картой района боевых действий. Однако для американского читателя географические маркеры данной карты мало что говорили: «Харбин», «Мукден», «Порт-Артур». Большой интерес представляли помеченные на ней железные дороги: КВЖД и ЮМЖД (обозначена как Японская железная дорога). Именно это отражает одну из важнейших характеристик американских представлений о причинах начала конфликта. В прессе и аналитических журналах США 1930–1931 гг. очень активно освещался процесс складывания японо-китайских противоречий из-за небольшой, но чрезвычайно влиятельной железнодорожной сети Маньчжурии.

За последний предвоенный год на эту тему было опубликовано более 300 статей с интересными выводами, дополняющими образ Китая в США. Так, М. Рояма в журнале «Pacific Affairs» отметил, что контроль над ЮМЖД – один из самых опасных вопросов японо-китайских отношений и в США мало экспертов, разбирающихся в проблеме [11, р. 1018]. Другой эксперт Уолтер Янг (профессор университета Джона Гопкинса) писал в 1930 г., что Маньчжурия – это территория больше, чем вся Японская империя, больше чем Монтана, обе Дакоты и Миннесота, население Маньчжурии 25 млн человек, а контроль Пекина над этими пространствами минимален, поэтому особое значение приобретают две железных дороги [15, pp. 293–307]. Для разрешения кризиса Генри Нортон (журналист, редактор и по совместительству – железнодорожный магнат) предлагал в 1930 году отдать железные дороги Маньчжурии под международный контроль [9, pp. 308–317].

Следовательно, акцент американских журналистов 19 сентября 1931 г. на КВЖД и ЮМЖД – прямое следствие информационной ситуации вокруг японо-китайского конфликта и представления политических комментаторов США о роли железных дорог Маньчжурии в экономике и политике Северного Китая.

19 сентября 1931 г. журналисты США полностью сконцентрировались на описании хода военных действий, а не на причинах конфликта: «Eugene Register-Guard» (Орегон) сообщала читателям, что пала столица Маньчжурии город Мукден; более 800 китайцев попало в плен, а общая численность японских войск уже превышает 12 000 солдат [6, р. 1]. У данного материала было три особенности: во-первых, расположенная на первой странице статья была написана известным военным корреспондентом Джеймсом Хоу (ранее освещал боевые действия на русско-германском фронте, писал о Советско-польской войне, всю жизнь сотрудничал с агентством «Ассошиэйтед пресс» [7]); во-вторых, статья создана с опорой только на японские источники; в-третьих, Хоу всячески избегает слова «война», называя все «конфликтом», «столкновениями», «кризисом» и даже «историей». В сумме с заголовком репортажа «Мукден сдался после битвы» это создает две важнейшие для прессы США черты в образе Китая: 1) Маньчжурия – это не Китай, там нет китайской власти (но есть китайские войска), у нее своя собственная столица, свои

границы, свои коммуникации. Этот тезис напрямую был обусловлен доминированием японских источников информации в медиадискурсе США сентября 1931 г.; 2) кризис почти закончился (если «пала столица»), угроза войны на Дальнем Востоке миновала.

«The Washington Observer» в период 19–22 сентября 1931 г. создавала у своих читателей впечатление, что Маньчжурия – это особая территория, которая была оккупирована как японскими, так и китайскими войсками [14, p. 1].

Один из самых прояпонских образов Китая в начальный период войны представлен в издании «The Southeast Missourian» (Миссури). В выпуске от 19 сентября 1931 г., кроме традиционных для первой группы газет указаний на фактическую независимость Маньчжурии, на локальный характер конфликта, на минимальные потери, была приведена цитата из распоряжения Чжан Сюэляна, где маршал приказывает «не оказывать японским войскам сопротивление» [13, p. 1].

Эта короткая реплика вносит существенные коррективы в образ Китая, так как «не сопротивление» подтверждает в глазах американских читателей тезис от 18 сентября о виновности китайской стороны в «инциденте». Кроме того, если в только что начавшейся войне отказывается участвовать одна из сторон, то, по мнению редакторов «The Southeast Missourian», уделять значительного внимания этому событию не стоит.

Анализ выпусков «Chicago Tribune», газеты с очень сильными изоляционистскими традициями, показывает, что в непосредственный период перед кризисом (июль-август 1931 г.) Маньчжурия упоминалась 11 и 6 раз в месяц соответственно. Зато в сентябре-октябре происходит резкий рост упоминаний: 36 и 62. Таким образом, материалы о Маньчжурии печатались в каждом номере чикагской газеты и преподносили читателям картину политического хаоса в Китае, неспособность управлять собственной территорией, деградацию армии и населения. В противовес этому, Япония представлялась в публикациях «Chicago Tribune» как современное государство с сильными вооруженными силами, способное навести порядок в Северном Китае [4, p. 1].

Следовательно, периодические издания США писали о новом конфликте на Дальнем Востоке в традиционно изоляционистском плане, используя при этом минимальный набор приемов: 1) почти всегда журналисты делали акцент именно на Маньчжурию как отдельную и от Японии, и от Китая территорию, под управлением собственного диктатора; 2) быстротечность конфликта и минимальные потери – газеты первой группы сообщали, что все противостояние завершилось за одни сутки; 3) практически полное отсутствие персонификации в освещении войны: упоминается в изданиях первой группы Чжан Сюэлян (но всего лишь несколько раз) – в остальных случаях действуют безликие «японцы» и «китайцы». Все это позволяет американскому читателю максимально дистанцироваться от новостей о войне.

Следовательно, для американской прессы 1931 г. вопрос о «китайском кризисе» оказался весьма актуальным, хотя первая реакция на него была в классических изоляционистских тонах. Журналисты и редакторы с сентября 1931 г. активно обсуждали перспективы развития конфликта в Азии, шансы на победы Японии или Китая, политические и экономические интересы Японии в Азии [2; 3; 5; 10]. Американские военно-политические деятели ожидали скорый конфликт Китая с Японской империей (либо, как вариант, Японии и СССР; Китая и СССР). Однако влиятельные изоляционистские газеты создавали в 1931 году образ не «Китая-жертвы», а локального противостояния трех (или даже более) диктаторов за Маньчжурию, которая изображалась независимой территорией.

Газеты США считали, что в случае вероятного расширения конфликта до регионального уровня Лига Наций вполне способна разрешить данный спор, оказав давление как на Китай, так и на Японию. Как пишет известный российский американист В. Т. Юнгблуд, в эти годы будущий президент США Ф. Д. Рузвельт считал Лигу Наций «опорой структуры миролюбивого мира» [1, с. 68].

Общественность США, как и военные, видели в Японии угрозу интереса США с конца Первой мировой войны. Однако в период 1920–1930-х гг. Япония не была для американского общества врагом № 1. Более того, и журналисты, и политические деятели США были уверены, что с японским правительством можно вести диалог и заставлять принимать нужные решения. В этих условиях лидеры США увидели уникальную возможность попытаться переориентировать японскую агрессию с Юго-Восточной Азии на Советский Союз. Большое значение в такой ситуации приобрела позиция госсекретаря США Г. Стимсона – в американской прессе не должно быть критики действий Японии 1931 года и никаких угроз.

Подобная позиция определялась не только доминированием в обществе изоляционистских взглядов и тяжелыми последствиями мирового экономического кризиса, но и принципиальным нежеланием американского общества быть втянутым в новую масштабную войну из-за далекой и чужой Маньчжурии. Страх перед жертвами, новыми угрозами и конфликтами оставался значимым фактором развития информационной ситуации вокруг «Маньчжурского инцидента». Следовательно, можно предположить, что осенью 1931 года в периодической печати США еще не сложилась идея «спасения Китая», которая будет популярна в ходе второй Японо-китайской войны. А единственной значимой моделью решения «китайской проблемы» журналистам и редакторам виделась негласная и косвенная поддержка японских претензий. Поэтому война 1931 года сразу обозначалась прессой США как «конфликт», «столкновение», «события»; потери сторон иммунизировались; Маньчжурия обозначалась как независимая от Японии и Китая территория. Все это придавало начавшейся Японо-китайской войне образ не предвестника новой мировой войны, а странного конфликта из-за амбиций и упрямства «дальневосточных диктаторов».

Список литературы

1. Юнзблуд В. Т. От Лиги Наций к «системе всеобщей безопасности»: идеи организации мирового сообщества в воззрениях Ф. Д. Рузвельта, 1918–1941 годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 66–71.
2. Bywater H. Sea Power in the Pacific. New York, 1921.
3. Bywater H. The Great Pacific War: A History of the American-Japanese Campaign of 1931–1933. London, 1925.
4. Chicago Tribune. 1931. September 19. P. 1.
5. Denlinger, S., Gary Ch. B. War in the Pacific: A Study of Navies, Peoples, and Other Battle Problems. New York, 1936. 338 p.
6. Eugene Register-Guard. 1931. September 19. P. 1.
7. Hoover Institution Archives. James Pomeroy Howe papers 1917–1955. Box 1. Folder 2.
8. Jespersen C. American Images of China: 1931–1949. Stanford, 1996.
9. Norton H. K. International Aspects of the Chinese Eastern Railway // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. № 152. Pp. 308–317.
10. Pitkin W. Must we fight Japan? New York, 1921.
11. Royama M. The South Manchuria Railway Zone: And the Nature of Its Administration // Pacific Affairs. 1930.
12. The Deseret News. 1931. September 19. P. 1.
13. The Southeast Missourian. 1931. September 19. P. 1.
14. The Washington Observer. 1931. September 19. P. 1.
15. Young W. Economic Factors in Manchurian Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. № 152. Pp. 293–307.

China crisis: isolationist mood of the USA periodical press

S. O. Buranok¹, D. Yu. Selifontova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of general history, law and teaching methods, Samara State Socio-pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: witch-king-1@mail.ru

²student of the Department of general history, law and teaching methods, Samara State Socio-pedagogical University. Russia, Samara. E-mail: selifontova@sgspu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of forming approaches and assessments of the Chinese crisis of 1931 in the US press. The complexity of the perception of the Sino-Japanese war was reflected in the press, which tried to form an understanding of the new process in which America was involved. In the course of the difficult search for the optimal path and view of the Chinese crisis, several polar points of view were formulated in the American press. Thus, the study of the attitude of the American press and the positions of the most prominent journalists is of interest for analyzing how the United States after the Chinese crisis gradually realized the country's place in the new system of international relations. In addition, the press shows how the United States planned to build interaction with warring States in the Pacific. The article is based on materials from both the Democratic and Republican press in the United States. For the American press 1931 the question of the "Chinese crisis" turned out to be very relevant, although the first reaction to it was in classic isolationist tones. Since September 1931, journalists and editors have been actively discussing the prospects for the development of the conflict in Asia, the chances of victory for Japan or China, and Japan's political and economic interests in

Asia. American military and political figures expected an imminent conflict between China and the Japanese Empire (or, alternatively, Japan and the USSR; China and the USSR). However, in 1931, influential isolationist newspapers created an image not of "China-the victim" but of a local confrontation between three dictators over Manchuria, which was portrayed as an independent territory.

Keyword: The Sino-Japanese war, the US press, international relations, Manchuria, public opinion.

References

1. Yungblud V. T. *Ot Ligi Nacij k "sisteme vseobshchej bezopasnosti": idei organizacii mirovogo soobshchestva v vozzreniya F. D. Ruzvel'ta, 1918–1941 gody* [From the League of Nations to the "system of universal security": ideas of the organization of the world community in the views of F. D. Roosevelt, 1918–1941] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of the Tomsk State Pedagogical University. 2007. No. 3. Pp. 66–71.
2. Bywater H. *Sea Power in the Pacific*. New York, 1921.
3. Bywater H. *The Great Pacific War: A History of the American-Japanese Campaign of 1931–1933*. London, 1925.
4. *Chicago Tribune*. 1931. September 19. P. 1.
5. Denlinger, S., Gary Ch. B. *War in the Pacific: A Study of Navies, Peoples, and Other Battle Problems*. New York, 1936. 338 p.
6. *Eugene Register-Guard*. 1931. September 19. P. 1.
7. Hoover Institution Archives. James Pomeroy Howe papers 1917–1955. Box 1. Folder 2.
8. Jespersen C. *American Images of China: 1931–1949*. Stanford, 1996.
9. Norton H. K. *International Aspects of the Chinese Eastern Railway* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1930. No. 152. Pp. 308–317.
10. Pitkin W. *Must we fight Japan?* New York, 1921.
11. Royama M. *The South Manchuria Railway Zone: And the Nature of Its Administration* // *Pacific Affairs*. 1930.
12. *The Deseret News*. 1931. September 19. P. 1.
13. *The Southeast Missourian*. 1931. September 19. P. 1.
14. *The Washington Observer*. 1931. September 19. P. 1.
15. Young W. *Economic Factors in Manchurian Diplomacy* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1930. No. 152. Pp. 293–307.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(100)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.045

Новый взгляд на греческий аспект генезиса холодной войны

В. В. Романов

доктор исторических наук, декан факультета истории, мировой политики и социологии,
профессор кафедры международных отношений и политологии, Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина. Россия, г. Тамбов. E-mail: vvromanov@mail.ru

Аннотация. В статье представлены размышления над книгой А. А. Калинина «На переднем рубеже холодной войны: СССР, США и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.)». В книге на основе архивных материалов, опубликованных документов и мемуарных свидетельств представлена системная картина эволюции американской и советской политики в отношении Греции с начала 1944 г. до окончания гражданской войны в августе 1949 г. в увязке с генезисом холодной войны. Несомненной заслугой автора является использование материалов Национального архива США. В монографии исследуются истоки и причины возникновения греческого конфликта, показано влияние на его протекание изменений ситуационного контекста, охарактеризованы временное измерение конфликта, мотивы и механизмы принятия решений в США и СССР, а также его итоги и последствия. Существенное внимание уделено греческому аспекту послевоенного урегулирования и процессу вовлечения США в решение политических и экономических проблем Афин. Издание адресовано историкам, политологам, специалистам в области международных отношений и всем, кого интересует исторический опыт Греции, России и США.

Ключевые слова: холодная война, региональные конфликты, гражданская война в Греции, доктрина Трумэна, внешняя политика США, советская внешняя политика.

На завершающем этапе Второй мировой войны и в условиях послевоенного урегулирования внутриполитическая ситуация в Греции оказала значительное влияние на процесс формирования биполярной модели международных отношений. Монографическое исследование, выполненное доктором исторических наук, профессором кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета Александром Александровичем Калининым, посвящено несомненно актуальной в научном отношении теме [4]. Следует согласиться с автором, что греческому конфликту отводится особое место в понимании многих аспектов мировой истории середины XX в. При этом совершенно очевидно, что ключевые игроки мировой политики того времени (прежде всего, СССР и США), вмешиваясь в гражданскую войну в Греции, руководствовались собственной идеологической и геополитической мотивацией. Тем самым исторические уроки, связанные с проблематикой монографии вятского историка, чрезвычайно актуальны и в наши дни.

Проведенное автором исследование вносит важный вклад в изучение начального этапа истории холодной войны, международных отношений на Балканском полуострове, внешней политики СССР и США в условиях формирования биполярной системы. Среди первых кризисов холодной войны греческий зачастую оказывался в тени иранского и турецкого. А. А. Калинин предложил новый для отечественной историографии подход, рассматривая гражданский конфликт в Греции в контексте международных процессов второй половины 1940-х гг. В историографии отсутствовало комплексное исследование международных аспектов гражданской войны в Греции 1946–1949 гг. Работы как западных, так и российских историков освещают, как правило, какой-либо один аспект избранной автором темы.

В историографии периода холодной войны сложились два нарратива гражданской войны в Греции: левый и правый. Первый нарратив описывал несправедливое отношение западных держав к греческим левым организациям, второй опирался на теорию всемирного коммунистического заговора [3, с. 231–233]. Лишь с 1970-х гг. в мировой историографии начал складываться новый подход к исследованию конфликта в Греции, преодолевающий идеоло-

гизированные концепции и предлагающий сбалансированные оценки действий всех участников конфликта. В русле этого подхода написана и монография А. А. Калинина.

Данное исследование хронологически продолжает монографию, посвященную американо-британским отношениям по греческому вопросу в годы Второй мировой войны, выполненную А. А. Калининым в соавторстве с В. Т. Юнгблюдом [7]. Отдельные сюжеты, исследуемые в книге, уже затрагивались как в монографии В. Т. Юнгблюда [9], так и в статьях, опубликованных в ведущих российских научных журналах [2; 5; 6].

Текст монографии показывает, что ее автор хорошо ориентируется как в отечественной, так и в зарубежной историографии темы. Это чрезвычайно важно, поскольку генезис холодной войны, первые кризисы биполярной эры, внешняя политика США, СССР и других стран в 1940–1950-е гг. являются довольно изученными аспектами новейшей истории. А. А. Калинин подробно анализирует вклад зарубежных и отечественных специалистов, исследовавших в разные годы отдельные сюжеты темы. В каждом периоде им рассмотрены важнейшие подходы историков ряда стран, изучавших гражданскую войну в Греции и ее международные аспекты. Так, степень изученности вопроса в зарубежной научной литературе автор оценил, основываясь на традиционной классификации историографии холодной войны, в которой им выделены четыре основополагающие школы – «официальная» (или «ортодоксальная»), «ревизионистская», «постревизионистская» и т. н. «новая история холодной войны». При этом автор прослеживает точки зрения каждой из указанных школ в работах не только американских ученых, но и специалистов из Великобритании, Греции и других стран. Отечественная историография рассмотрена А. А. Калининым на примерах советских и постсоветских исследований. В целом историографический обзор демонстрирует, что автор четко ориентируется в имеющемся научном заделе по его теме.

Проведение исследования потребовало от А. А. Калинина привлечения широкого круга разнообразных источников на нескольких языках. Среди них – официальные документы внешней политики ряда стран, материалы законодательных органов США и Великобритании, международных организаций, источники личного происхождения, периодическая печать и статистические материалы [4, с. 37–51]. Очень важно, что автор активно вводит в научный оборот многочисленные неопубликованные материалы, извлеченные им из нескольких зарубежных и отечественных архивов. Источниковая база вполне репрезентативна, и она позволила подготовить добротное исследование, основанное, прежде всего, на анализе первичных документов, что указывает на научную новизну работы.

Структура монографии включает в себя четыре главы, построенных по проблемно-хронологическому принципу. Внимание А. А. Калинина сконцентрировано на том, как «интернационализированный внутренний конфликт» в Греции повлиял на характер послевоенного миропорядка и нового формата американо-советских отношений. Такая постановка проблемы и ее комплексный анализ показывают, что автор довольно точно и профессионально использует современные методологические подходы для оценки взаимодействия локальных и глобальных факторов мировой политики в послевоенный период. Очевидна и теоретическая значимость работы, поскольку события в Греции стимулировали американское академическое сообщество к новым разработкам в теории международных отношений. Так, в данном контексте появилась не только доктрина сдерживания коммунизма, но и доктрина домино, и концепция отбрасывания коммунизма [4, с. 594].

Обращаясь к проблеме международных измерений «вызревания» греческого кризиса, автор подробно рассматривает позицию трех стран (Великобритании, США и СССР), которые проявляли свою заинтересованность в развитии внутривосточной ситуации в стране. Прежде всего, А. А. Калинин показывает, как «от невмешательства и нейтралитета до активного участия в делах этой страны в качестве доминирующей державы» изменялся политический курс США [4, с. 103]. При этом им четко прослеживаются нюансы дипломатии двух президентов – Ф. Д. Рузвельта и Г. Трумэна. На основе тщательного анализа источников (в т. ч. и с привлечением новых рассекреченных архивных материалов) автор сумел обосновать собственное мнение относительно причин «сдержанности» [4, с. 147–150] советской политики в Греции, что он объясняет прагматизмом И. В. Сталина и его стремлением к достижению послевоенного консенсуса с ведущими западными державами. В зарубежной историографии этот вопрос, как известно, оценивался подчас с прямо противоположной точки зрения [11].

А. А. Калинин достаточно взвешенно подходит и к выяснению обстоятельств, которые привели к дальнейшему усилению разногласий между державами «Большой тройки» по Гре-

ции в период конструирования послевоенного миропорядка. Все сюжеты, рассматриваемые во второй главе монографии «Греция и вопросы послевоенного урегулирования (1945–1946 гг.)», а именно ход обсуждения вопроса о политическом режиме Греции, территориальных претензиях Афин или репарациях, позволили автору детально проследить, как взаимодействие в рамках антигитлеровской коалиции «все больше превращалось в столкновение двух враждебных коалиций во главе с США и СССР» [4, с. 261].

Совершенно справедливо, что особое внимание автора сосредоточено на процессе разработки доктрины Трумэна. На наш взгляд, этот раздел книги (глава 3 «Греческий кризис и разработка американской стратегии сдерживания коммунизма») можно считать ключевым для понимания авторской трактовки темы. Прежде всего, А. А. Калинин оценивает значение факторов, которые подтолкнули американцев к провозглашению программы помощи Греции. Так, его анализ экономического кризиса в стране показал, что Греция уже не могла существовать без внешней помощи. При этом любые действия СССР в условиях продолжавшейся гражданской войны рассматривались американским истеблишментом с «явным преувеличением опасности советского экспансионизма» через призму «биполярного, черно-белого восприятия конфликта» [4, с. 330, 359].

В книге А. А. Калинина подробно описана информационная составляющая подготовки речи Трумэна в Конгрессе. Она включала, по мнению Александра Александровича, в т. ч. и «риторическое конструирование» кризиса вокруг Греции (понятие американских историков Л. Хиндса и Т. Уиндта) [10]. Автор цитирует, в частности, очень точное выражение сенатора А. Ванденберга, подчеркнувшего, что для положительного решения по помощи Греции придется «напугать страну до чертиков» [4, с. 351]. В целом же доктрина Трумэна, как заключает А. А. Калинин, явилась результатом не столько конкретных действий Советского Союза в Греции, сколько эволюции в сторону глобализма стратегических представлений американского истеблишмента [4, с. 364]. Такой вывод не является, конечно, принципиально новым для отечественной историографии, но он вполне объективен и дополнен значительным эмпирическим материалом, извлеченным автором из разнообразных источников.

Доктрина Трумэна оказала долгосрочное влияние на дальнейшее развитие не только советско-американских отношений, но и всей системы послевоенных международных отношений. Анализ политики США и СССР в период гражданской войны в Греции позволил А. А. Калинин проследить как на практике усиливалась конфронтационная составляющая биполярного миропорядка. В частности, с мая 1947 г. по апрель 1949 г. Кремль придерживался, по оценке автора, «наступательной» тактики в греческой политике. Речь идет о попытке Сталина (при всей многофакторности его целеполагания и неудачах при реализации поставленных целей) через поддержку греческих коммунистов «прощупать» капиталистический мир штыком [4, с. 469]. Официальный Вашингтон в этих условиях интерпретировал события в Греции как «игру с нулевой суммой»: либо Советский Союз установит полный контроль над страной, либо Соединенные Штаты «спасут» колыбель демократии. Оценивая такую позицию, А. А. Калинин в очередной раз указывает на серьезное искажение восприятия Соединенными Штатами целей советской внешней политики [4, с. 510].

Как видно из монографии, американская экономическая помощь Греции, которая оказывалась в соответствии с доктриной Трумэна и планом Маршалла в 1947–1949 гг., способствовала все же определенной стабилизации в стране. На это было направлено и давление, оказываемое США на внутривнутриполитические процессы. Однако обратной стороной американского курса, как считает А. А. Калинин, стало фактическое установление над Грецией внешнего управления [4, с. 548]. По сути, такое положение сохранилось и после окончания гражданской войны. Во многом данное обстоятельство привело к тому, что греческий кризис завершился интеграцией страны в западное военно-политическое сообщество.

Подводя итоги проведенному исследованию, А. А. Калинин обобщает свою точку зрения на роль греческого конфликта в послевоенных международных отношениях. Им выделены основные этапы эволюции советской и американской политики в Греции. Автор указывает на асинхронность изменения американской и советской позиций по Греции: Вашингтон стал рассматривать греческий кризис в контексте биполярной конфронтации примерно на 9 месяцев раньше Москвы. Обращается внимание на непоследовательность греческой политики СССР, явные просчеты советской дипломатии. Соединенные Штаты же смогли укрепить собственные позиции на Балканах, превратив Грецию в военно-политического союзника. Вполне обоснован вывод А. А. Калинина о том, что США и СССР в условиях формирования биполярно-

го миропорядка стремились управлять конфликтом, не допуская его чрезмерной эскалации. Такой подход в дальнейшем стал одной из базовых особенностей Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений [4, с. 595].

В книге имеются вставка с хорошо подобранными интересными иллюстрациями, в том числе отражающими «войну» американских и советских карикатур в период греческого конфликта.

Отмечая вполне очевидные положительные стороны монографии А. А. Калинина, следует сказать о некоторых дискуссионных моментах работы.

Во-первых, хотелось бы обратить внимание на интересное обращение автора к «психологическим» трактовкам принятия решений американским руководством по греческому вопросу. А. А. Калинин ссылается на т. н. феномен «группового мышления», понятие которого использовалось рядом американских исследователей для объяснения характера действий руководства США. Под ним понималось стремление к достижению единомыслия в группе, принимающей политические и военные решения, что в итоге приобретает большую ценность, чем следование логике и рациональным доводам [4, с. 358–359]. Думается, что этот важный тезис нуждается в более глубоком обосновании, подкрепленном анализом альтернативных предложений, которые были отвергнуты в тот период официальным Вашингтоном. На наш взгляд, обобщения на этот счет могли бы помочь в понимании той позиции, которую занимал политический истеблишмент США в отношении действий СССР в годы холодной войны. Что превалировало в решениях подобного рода – геополитические соображения или иррациональное стремление противостоять любым действиям своего соперника на мировой арене? Наверное, влияние данного феномена можно проследить и при анализе современного этапа американо-российских отношений.

Во-вторых, обсуждая процесс принятия политических решений в условиях греческого кризиса, А. А. Калинин вводит в оборот большое количество источников официального происхождения (дипломатическую переписку, аналитические записки сотрудников государственного департамента и т. п.). При этом автор в меньшей степени апеллирует к точкам зрения академических экспертов. Хотя общепризнанным фактом считается, что уже в период президентства Ф. Д. Рузвельта действовал единый политико-академический комплекс [8]. Слабо освещена и роль других неформальных акторов процесса принятия политических решений – групп давления, бизнеса, эмигрантского сообщества и т. п.

В-третьих, было бы целесообразно, с нашей точки зрения, усилить классический методологический арсенал современными приемами изучения политических процессов. Полагаем, что при рассмотрении дебатов по греческой политике вполне уместным могло бы стать применение элементов контент-анализа или дискурсивного анализа.

В-четвертых, исследование А. А. Калинина затрагивает достаточно дискуссионные аспекты истории холодной войны. Автор прекрасно знаком с мировой историографией. На наш взгляд, ему следовало бы активнее задействовать историографический контекст не только при постановке исследовательских проблем, но и при формулировке собственных итоговых выводов.

Указанные замечания тем не менее носят частный характер и не снижают в целом чрезвычайно высокой положительной оценки фундаментальной монографии А. А. Калинина. Его работа является весомым вкладом в изучение международных аспектов гражданской войны в Греции. В ней решена исследовательская проблема, несомненно, важная для понимания ключевых тенденций международных отношений в годы холодной войны. Книга вятского историка является ценным пополнением российской историографии генезиса холодной войны, которая будет с большим интересом встречена читателями.

Список литературы

1. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. 510 с.
2. Калинин А. А. Греческий кризис и разработка доктрины Трумэна в 1947 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 30–39.
3. Калинин А. А. Западная историография американского участия в греческом конфликте, 1944–1949 // Американский ежегодник. 2018/2019 / Институт всеобщей истории РАН. М. : Весь мир, 2019. С. 230–241.
4. Калинин А. А. На переднем рубеже холодной войны: СССР, США и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.). Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2018. 616 с.
5. Калинин А. А. Разногласия СССР и западных держав по греческому вопросу в 1945–1946 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 12. С. 33–42.

6. Калинин А. А. Советский Союз и гражданская война в Греции (1946–1949 гг.) // Российская история. 2016. № 6. С. 112–131.
7. Калинин А. А., Юнгблуд В. Т. Греция в американско-британских отношениях в 1939–1945 гг. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. 366 с.
8. Юнгблуд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров : Изд-во ВятГПУ, 1998. 359 с.
9. Юнгблуд В. Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. Санкт-Петербург : Образование, 1996. 221 с.
10. Hinds L. B., Windt Jr. Th. O. The Cold War as Rhetoric: the Beginnings, 1945–1950. N. Y. : Praeger, 1991. XXIV, 272 p.
11. Xydis S. G. Greece and the Great Powers, 1944–1947. Prelude to the «Truman doctrine». Thessaloniki : Institute for the Balkan studies, 1963. XXI, 758 p.

A new look at the Greek aspect of the Cold War Genesis

V. V. Romanov

Doctor of Historical Sciences, dean of the faculty of history, world politics and sociology,
professor of the Department of international relations and Political Sciences, Tambov State University
n. a. G. R. Derzhavin. Russia, Tambov. E-mail: vvromanov@mail.ru

Abstract. The article presents reflections on the book by A. A. Kalinin "On the front line of the Cold War: the USSR, the United States and the civil war in Greece (1944–1949)". Based on archival materials, published documents, and memoir evidence, the book presents a systematic picture of the evolution of American and Soviet policy toward Greece from the beginning of 1944 to the end of the civil war in August 1949, in conjunction with the genesis of the Cold War. The author's undoubted merit is the use of materials from the US National archives. The monograph examines the origins and causes of the Greek conflict, shows the influence of changes in the situational context on its course, describes the time dimension of the conflict, the motives and mechanisms of decision-making in the United States and the USSR, as well as its results and consequences. Considerable attention is paid to the Greek aspect of the post-war settlement and the process of involving the United States in solving political and economic problems in Athens. The publication is addressed to historians, political scientists, specialists in international relations and anyone interested in the historical experience of Greece, Russia and the United States.

Keywords: Cold War, regional conflicts, Greek civil war, Truman doctrine, US foreign policy, Soviet foreign policy.

References

1. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Counter courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near East and the Middle East in 1939–1947 / resp. ed. V. T. Yungblud. Kirov. VyatSHU. 2014. 510 p.
2. Kalinin A. A. *Grecheskij krizis i razrabotka doktriny Trumena v 1947 g.* [The Greek crisis and the development of the Truman doctrine in 1947] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* – Herald of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2016. No. 5. Pp. 30–39.
3. Kalinin A. A. *Zapadnaya istoriografiya amerikanskogo uchastiya v grecheskom konflikte, 1944–1949* [Western historiography of American participation in the Greek conflict, 1944–1949] // *Amerikanskij ezhegodnik. 2018/2019* – American yearbook. 2018/2019 / Institute of Universal History of the Russian Academy of Sciences. M. All the world. 2019. Pp. 230–241.
4. Kalinin A. A. *Na perednem rubezhe holodnoj vojny: SSSR, SShA i grazhdanskaya vojna v Grecii (1944–1949 gg.)* [On the front line of the cold war: the USSR, the USA and the civil war in Greece (1944–1949)]. Kirov. VyatSU. 2018. 616 p.
5. Kalinin A. A. *Raznoglasiya SSSR i zapadnykh derzhav po grecheskomu voprosu v 1945–1946 gg.* [Disagreements of the USSR and Western powers on the Greek question in 1945–1946] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Vyatka State University. 2016. No. 12. Pp. 33–42.
6. Kalinin A. A. *Sovetskij Soyuz i grazhdanskaya vojna v Grecii (1946–1949 gg.)* [Soviet Union and the civil war in Greece (1946–1949)] // *Rossiyskaya istoriya* – Russian history. 2016. No. 6. Pp. 112–131.
7. Kalinin A. A., Yungblud V. T. *Greciya v amerikano-britanskikh otnosheniyah v 1939–1945 gg.* [Greece in American-British relations in 1939–1945]. Kirov. VyatSHU. 2009. 366 p.
8. Yungblud V. T. *Vneshnepoliticheskaya mysl' SShA 1939–1945 godov* [Foreign policy thought of the USA 1939–1945]. Kirov. VyatSPU. 1998. 359 p.
9. Yungblud V. T. *Era Ruzvelta: diplomaty i diplomatiya* [The Roosevelt era: diplomats and diplomacy]. Saint Petersburg. Obrazovaniye. 1996. 221 p.
10. Hinds L. B., Windt Jr. Th. O. The Cold War as Rhetoric: the Beginnings, 1945–1950. N. Y. : Praeger, 1991. XXIV, 272 p.
11. Xydis S. G. Greece and the Great Powers, 1944–1947. Prelude to the "Truman doctrine". Thessaloniki : Institute for the Balkan studies, 1963. XXI, 758 p.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 930.2(470.342)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.046

Деревня Лучины по письменным источникам и археологическим данным

**Р. Л. Старков¹, А. О. Кайсин², К. А. Девятова³, М. К. Глазырина⁴,
А. Л. Мусихин⁵, Ю. А. Онуфриенко⁶, А. М. Борисова⁷**

¹научный сотрудник, Кировский областной краеведческий музей.

Россия, г. Киров. E-mail: starkov-roman@mail.ru

²заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией,

Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: akai_slob@mail.ru

³студент, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: devyatova_kseniya@mail.ru

⁴студент, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

⁵независимый исследователь. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: a-musikhin@narod.ru

⁶лаборант научно-исследовательской археологической лаборатории,

Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: onufrienkoyuliya@mail.ru

⁷лаборант научно-исследовательской археологической лаборатории,

Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: annalein8321@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты археологических полевых исследований (раскопок), проведенных на территории выявленного объекта археологического наследия «Селище Лучины, XVIII–XIX вв.» на территории бывшей деревни Лучины Слободского района Кировской области. Цель работ – сохранение и изучение объекта археологического наследия, определение мощности и сохранности культурного слоя, уточнение датировки памятника. Был заложен раскоп, разбитый на 6 квадратов размером 2 × 2 м. Сетка раскопа покрывает не всю площадь исследованного памятника. Мощность исследованных напластований составила до 66 см (в ямах – до 73 см). Выявленный в ходе раскопок вещественный материал датируется периодом XVIII–XIX вв., что укладывается в рамки датировки памятника археологии. Коллекция материалов, полученных в результате археологических раскопок, была передана на хранение в музейные фонды НИ археологической лаборатории ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет».

Ключевые слова: археология Нового времени, селище Лучины, Кировская область.

В прошлом в фундаментальной археологии материалам Нового и Новейшего времени отводилось только пространство эксперимента в области методики или реконструкции явлений, малодоступных на основе традиционных источников. Сейчас ее проявления исключительно разнообразны, а роль в общем процессе движения гуманитарных наук, в истории и философии науки, в поисках «смысла истории» все очевиднее [1, с. 7]. Если говорить об археологических работах на селищах Нового и Новейшего времени, то можно сказать, что археологические данные потенциально могут существенно дополнить свидетельства письменных источников о площади, характере, хозяйственной деятельности поселения и проследить хронологию запустения каждого конкретного исследуемого поселения.

Слободской район – муниципальный район на севере центральной части Кировской области. Селище Лучины (как памятник археологии) впервые было обнаружено в мае 2017 г. сотрудниками Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области в результате археологической разведки по маршруту прокладки ВОЛС. Обследованию подверглась местность на территории Слободского и Юрьянского районов, между деревнями Подгорена и Подгорцы (держатель открытого листа – Азат Ильдузович Фахретдинов). В ходе обследования территории урочища было найдено большое количество

фрагментов гончарной керамики XVIII–XIX вв. и обломки дореволюционных кирпичей. В 2017 г. было заложено 8 шурфов. В результате археологических исследований удалось выяснить, что культурный слой составляет 0,2–0,45 м [3].

Скорее всего, деревня существовала еще в момент переписи 1590 г., но не факт, что она располагалась в том месте, где сейчас находится урочище Лучины [2]. Пустошь Шиловская рядом с Бобинским станом упоминается достаточно часто, начиная с 1592 года. В XVII в. произошло разделение деревни на тяглую и оброчную, поэтому записывалась одновременно в двух книгах. Изменения численности населения и оброчных платежей в XVI–XVIII вв. мы приводим по двум наименованиям – «пустошь, что была деревня Шиловская», населенная тяглыми крестьянами, и «деревня Шиловская», записываемая в оброчные книги. Сведения приведены в таблице 1.

Таблица 1

Упоминания деревни-пустоши Шиловской в источниках XVI–XVIII вв.

Название (начало) документа	Год	Отрывок текста с упоминанием населенного пункта
Книги Вятцкие всех Вятцких пяти городков оброчным и лготным деревням и починком и санным покосом и рыбным ловлям и всяким угодыям со 101-го году	1592–1605 гг.	Стан Бобинской Деревня, что была пустошь Толстоуховская, да деревня Клосуковская (?), да деревня Полютовская, да деревня Шиловская в Бобинском стану (ссылка на запись на полях: 120-го году июля в 1 день отдана (?) деревня Полютовская Онисимку Пенеженину да Фомке Трофимову и с прежние (?) с старым с прошлым и с новым оброком, а писана та деревня в оброчных (?) книгах в 120-м году июля в 3-й день), а в тех деревнях сошного / писма 10 вытей без четверти на оброке за посадчим человеком за Родионом Матфеевым сыном Котелниковым. Да за ним же Родионом на оброке починок Соболевской, выть земли, данные покосы, которые приписаны к вытям. Оброку з деревни и с починка с пашни и с покосов 8 рублей 24 алтына 3 денги. А порука по нем в розпаши и в оброке Семен Сунцов, да Дмитрий Ярофеев сын Мелецкий, да Исак Максимов сын Северухин, да Денис Ондреев сын Колесников. [7, л. 45–45об.] Деревня, что была четверть пустоши Шиловские в Бобинском стану, дана на оброк Бобинского стану крестьянину Харитонку Леонтиеву сыну Барми[ну], пашни четверть выти. Оброку 13 алтын 2 денги. Порука по Харитонке в оброке Бобинского / стану крестьянина Максимко Тимофеев сын Кайсин, да Замятня Давыдов сын Лопатин, да Тихонко Володимеров сын Кайсин. [7, л. 50–50об.]
	1611 г.	[119-го году] Июля в 3 день дана ис старого оброку Бобинского стану крестьяном Онисимку Пенеженину да Фомке Трофимову сыну Двинянину деревня Шиловская , что была за Родионом Матфеевым сыном Котелниковым. И Родион помер, и с тое деревни оброку платить некому. А сошного писма в той деревне 4 выти с четью, а оброку им Онисимку да Фомке и повытное с тое деревни платить в казну по старым книгам, по чему Родион платил. А имена их Анисимково да Фомкино подмечены в старых книгах, что та деревня Шиловская за ними. А порука в оброке по Онисимке да по Фомке Бориско Михайлов сын Наминахин, да Томилко Васильев сын Соловьев, да Степанко Иванов сын Пушкарев, да Первуша Кlementьев сын Лямин, да Васка Гаврилов сын Вологжанин, да Поздейко Семенов сын Пенежанин, да Козма Федотов сын Змеев, да Семейка Карпов сын Дровосеков, да Ивашко Оверкеев сын Вилежанин, да Онцыфорко Васильев сын Хоев, да Офонка Михайлов сын Коновал, да Якимко Федотов сын Пенеженин. [7, л. 191]

Продолжение табл. 1

Название (начало) документа	Год	Отрывок текста с упоминанием населенного пункта
Лета 7123 июля в 1 день по государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью дьяка Василья Семенова книги Вятцких городов посадов и уездов черных сох письма и дозору воевод князя Федора Андреевича Звенигородского да Василья Терентьевича Жемчужникова да дьяка Михаила Ординцова	1615 г.	Да в Бобинском же стану деревни и починок тяглые Пустошь, что была деревня Шиловская Пашни доброй земли 42 чети в поле, а в дву по тому ж, сена около поль и на отхожих пожнях на реке на Вятке в Тимошкине наволоке 60 копен, лесу пашенного 2 десятины во всех трех полях. И та пустошь отдана на оброк, и писана // четвертная пашня и оброк в оброчной книге. [8, л. 261об.-262] Деревня Шиловская во дворе Ивашко Рылов двор пуст Васки Нагорново, Васка умер во 121-м году. Пашни паханные средние земли 3 чети с четвериком, да перелогом 10 четвертей с полуосминою и с четвериком // в поле, а в дву по тому ж. Да в той же деревне старые пустоты 9 чети с осминою в поле, а в дву по тому ж, сена около поль и на отхожих пожнях на реке на Вятке в Тимошкине переволоке да подле Плоское да в Неронове лугу у озера 80 копен, а в ней в живущем четь выти, а в песте новые пустоты отдано на оброк 3 чети выть без чети, а старые пустоты отдано на оброк 3 чети. И писана четвертная пашня и оброк в оброчной книге. А осталось старые пустоты в песте пол-выти. [8, л. 264-264об.]
Лета 7123-го году июля в 1 день по государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте за приписью дьяка Василья Семенова книги оброчные всего Вятцкого уезда письма и дозору воевод князя Федора Андреевича Звенигородского да Василья Терентьевича Жемчужникова да дьяка Михаила Ординцова	1615 г.	Стан Бобинской , а в нем деревни и починки оброчные Пустошь, что была деревня Шиловская двор пуст Фомки Белоплота, Фомка умер во 121-м году. Пашни перелогом добрые 42 чети в поле, а в дву по тому ж, а в ней в песте 4 выти с четью выти. [21, л. 204] Деревня что была четверть пустоши Шиловские Во дворе Обросимко Старостин Пашни паханные средние земли 3 чети с четвериком в поле, а в дву по тому ж, а в ней четь выти. А оброку ему платить 12 алтын 3 деньги. [21, л. 211об.]
Письма и дозору Федора Михайловича Зубова да Леонтья Софонова 126-го и 127-го году По государеву цареву и Великого князя Михаила Федоровича всеа Руси наказу и по росписи велено Федору Зубову да Леонтью Софонову дозрити и описать на Вятке в Хлыновском да в Орловском уезде в черных станех и в волостех в тяглых и в оброчных деревнях и в починках пустые пашни...	1617/1618 - 1618/1619 гг.	Стан Бобинской , а в нем деревни и починки тяглые Деревня Шиловская Пашни перелогом средние земли 9 чети в поле, а в дву по тому ж, в песте выть без чети да старые пустоты пол-выти. [9, л. 136об.] В Бобинском же стану деревни и починки оброчные Пустошь, что была деревня Шиловская Пашни перелогом и лесом поросло // (л. 158об.) добрые земли 42 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, в песте 4 выти с четью. [9, л. 158-158об.]
Лета 7137 декабря в 27 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу книги Вятцких городов, посадов и уездов Хлынова, Орлова, Котельнича черных сох письма и меры Офонася Михайловича Толочанова да подьячего Ондreja Иевлева...	1628/1629 г.	Да Бобинского ж стану деревни и починки тяглые Деревня Шиловская во дворе Митка Рылов Пашни паханные добрые земли 3 чети, да перелогом 8 чети в поле, а в дву по тому ж, сена около поль и на отхожих пожнях на речке на Вятке в Тимошкине переволоке, да подле Плоское, да в Неронове лугу у озера 80 копен, а в ней в живущем четь выти, а в песте пол-выти и пол-трети выти. [10, л. 155об.]

Продолжение табл. 1

Название (начало) документа	Год	Отрывок текста с упоминанием населенного пункта
Книга писма и меры Афонасья Михайловича Толочанова да подьячего Андрея Иевлева 137-го году Хлыновского, Орловского, Котельничского уездов оброчным деревням и починкам и пустошам и замищам и всяким угодыям	1628/1629 г.	Стан Бобинской оброчной Полдеревни, что была пустошь Шиловская во дворе Обросимко Старостин во дворе Богдашко Давыдов Пашни паханные середние земли 3 четверти с осминою да перелогом 3 четверти с осминою в поле, а в дву по тому ж, а в ней в живущем четверть выти, а в пусе четверть выти. А оброку им платить 12 алтын 3 денги. Пустошь, что была деревня Шиловская место дворовое Фомки Белоплотова, Фомка умер во 121-м году. Пашни перелогом добрые земли 30 четвертей да лесом поросло 12 четвертей в поле, а в дву по тому ж, а в ней в пусе 3 выти с полувытью. [11, л. 353об.]
Лета 7154 году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу Василий Петрович Отяев да подъячей Сава Ищеин собрали Хлыновских старост и целовальников и всех посадских жилацких людей и взяв у них скаски за их и за отцов их духовных руками...	1646 г.	Стан Бобинской Деревня пустая Белоплотовская Запустела во 137-м году, пашет наездом Ивашко Давыдов Лопатин, двора нет. Полдеревни, что была пустошь Шиловская во дворе Ивашко Давыдов сын Лопатин з детьми з Богдашком, да с Евсейком, да с Тиханком, у Богдашка дети // Якунка 20 лет, Ивашко 2 лет, у Евсейка сын Аристко 6 лет, Тиханко женат. во дворе Митка Иванов сын Рылов з братом с Тимошкою да з детьми с Стенкою да с Тимошкою, Стенка 6 лет, Тимошка 4 лет, да у Тимошки дети Емелька 17 лет, Ивашко 7 лет, Коземка 6 лет. У Тимки Рылова пасынок Ивашко Онтипин сын Тепкин 16 лет. У нево ж у Тимки // во дворе вдова Феклица Максимова дочь Лукина с сыном Ивашком Тимофеевым сыном Лукина, Ивашко 20 лет, пришли на Вятку в прошлом во 153-м году с Поморья. во дворе вдова Улитка Васильева дочь Карпова з детьми с Феткою, да с Ондрюшкою, да с Елескою, да с Исачком, да с Лучкою, Фетка 20 лет, Ондрюшка женат, Елеска 15 лет, Исачко 10 лет, Лучка 7 лет. [12, л. 200–201]
Лета 7166-го апреля в 20 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича ... указу по грамоте из Новгородской четверти за приписью дьяка Дмитрея Шубина и по наказной памяти стольника и воеводы князя Ивана Ивановича Дашкова велено Съезжие избы подьячему Ивану Клобукову приехав в Бобинской в оброчной стан и взяв с собою тое волости попов да тяглых волости целовальника и тяглых крестьян сколько человек пригож и с теми людьми переписать в Бобинской в оброчной волости...	1658 г.	В Бобинском же в оброчном стану деревни и починки оброчные, которые написаны в писцовых книгах Афонасья Толочанова с товарищи Полдеревни, что была пустошь Шиловская во дворе Ондрюшка Иванов сын Старостин з братом Елесеюком да с Лушкою, у Ондрюшки сын Евсейко // да Ивашко, у Елесеяка дети Ивашко да Петрушка, брат же их Фетка темен. во дворе Евсейко Иванов сын Лопатин с сыном Аристком. во дворе Богдашка Иванов сын Лопатин з детьми с Якушком, да с Ывашком, да с Онофрейком, да с Ывашком же, да в том же дворе брат ево Тихонко Иванов сын Лопатин з детми с Мосейком, да с Офонкою, да с Сергушкою, да с Филкою. Пашни паханные середние земли 3 чети с осьминою да перелогом 3 чети с осьминою // в поле, а в дву по тому ж, а в ней в живущем четь выти, а в пусе четь выти, а оброку оне платят 12 алтын 3 денги. Пустошь, что была деревня Шиловская место дворовое Фомки Белоплотова, Фомка умре во 121-м году. Пашни добрые земли лесом поросло 12 четей да перелогом 30 четей в поле, а в дву по тому ж, а в ней в пусе 3 выти с полувытью. [20, л. 23об.–24об.]

Продолжение табл. 1

Название (начало) документа	Год	Отрывок текста с упоминанием населенного пункта
Лета 7186-го августа в " " день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу и по наказу из Новгородцкого приказу за приписью дьяка Якова Кирилова, Михайло Петрович Воейков да подъячей Федор Прокофьев на Вятке в Хлынове на посаде и Хлыновского уезда в станех на погостех церкви и у тех церквей церковных причетников дворы и в них людей и на посаде ж посадские...	1678 г.	Бобинской тяглою стан Полдеревни, что была пустошь Шиловская во дворе Васка Дмитриев сын Слобожанинов, у него дети Аноско 10 лет, Васка 6 недель. У него ж складник Савка Перфирьев сын Носков женат, у него брат Никифорко 18 лет // двор пуст Ивашко Приезжих, Ивашко збег безвесно, землю владеет Савка Носков. [13, л. 395] Стан Бобинской оброчной Полдеревни, что была пустошь Шиловская во дворе Тихонко Иванов сын Лопатин, у него дети Сергушка // женат, да Сергушка ж меньшей 16 лет, у Сергушки большего сын Левка 2 лет. во дворе Ивашко Богданов сын Лопатин женат, у него братья Онофрейко да Ивашко женаты, Митка 16 лет, у Онофрейка дети Миرونко 3 лет, Андрюшка 2 лет, Ивашко полугодю. во дворе Елеска Иванов сын Старостин, у него дети Иевко да Петрушка // женаты, Аверка 15 лет, Алешка 12 лет, Ивашко 10 лет. [13, л. 577об.-578об.]
Лета 1701-го декабря с 27-го числа по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича и по наказу из Монастырского приказу за приписью дьяка Ефима Зотова стольник и переписчик Илья Патрекеевич Назарьев приехав в домовые преосвященного Дιονисия архиепископа Вятского и Великопермского вотчины и в приписные монастыри в Вятском уезде...	1702 г.	В Хлыновском уезде домовая архиепископия вотчина Бобинской оброчной стан. В том же Бобинском оброчном стану деревни и починки Полдеревни, что была пустошь Шиловская во дворе Сергушка Тихонов сын Лопатин да брат ево Сергушка ж, у Сергушки большево сын Сенка 17 лет, у меньшево Сергушки сын Петрушка 5 лет. во дворе Ивашко Богданов сын Лопатин, у него сын Мартыно женат. двор пуст Елески Старостина, Елеска умре, а дети ево ходят в мире, кормятся Христовым именем. [14, л. 426]
Книги переписные переписи стольника и воеводы Степана Даниловича Трахониотова 709-го и 710-го годов Хлынова города с пригородки и с уезды пустым дворам, которые запустели после переписных книг 186-го году, да которые ж дворы и дворовые места написаны в переписных книгах 186-го году в пусе...	1709 г.	Бобинского тяглова стана Полдеревни, что была пустошь Шиловская , а в ней Двор пуст Василья Слобожанинова, он умре и никого не осталось, пашни было четь. [15, л. 294] Бобинской оброчной стан Полдеревни, что была пустошь Шиловская Два двора пустых Тихона Лопатина, Алексея Старостина, они умре тому 8 лет, а после ево никого не осталось, // пашни было 4 чети. [15, л. 309-309об.]
Лета 1710-го апреля в 20 день по [указу великого] государя царя и великого князя Петра Алек[сеевича] и по гра[моте] из Сибирского приказу за прип[исью] дьяка] Афонася Герасимова велено стольник[у и воеводе Степану] Даниловичу Трахониотову на В[ятке и в Вятском] уезде переписать всякого чину лю[дей мужеска] и женска полу как больших так же и [малых не обхо]дя никого...	1710 г.	Бобинской оброчной стан Полдеревни, что была пустошь Шиловская Во дворе Мартын, да Терентей, да Ярофей Ивановы дети Лопатины, Мартын 30 лет, // Терентей 15 лет, Ярофей 5 лет, у Мартына жена Татьяна Игнатьева дочь 30 лет. [16, л. 1077-1077об.]

Продолжение табл. 1

Название (начало) документа	Год	Отрывок текста с упоминанием населенного пункта
1716-го году декабря в день по указу Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, каков дан за приписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено лантратом Сибирской губернии князю Якову Ивановичу Вяземскому на Вятке в Хлынове в пригородках и в уездах посадцких и уездных людей жилые и пустые дворы переписать где каких дворов и во дворах... душ...	1716 г.	Бобинской оброчной стан , а в нем вотчины Вяцкого архиепископа Полдеревни, что была пустошь Шиловская во дворе Мартын да Терентей Ивановы дети Лопатины, Мартын 35 лет, Терентей 20 лет, у Мартына жена Татьяна Игнатьева дочь 35 лет, у них сын Семен 4 лет, у Терентья жена Ефросинья Макарова дочь 20 лет, у них сын Федот 2 лет. [17, л. 753об.]
1719-го году декабря в день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича велено в волостях в селех и в деревнях переписать что есть мужеска полу до самого последнего младенца...	1720 г.	Архиерейская домовая Бобинская вотчина , в ней деревня, что была пустошь Шиловская , в ней пахотной крестьянин Мартын Иванов сын Лопатин 38 лет, у него дети Семен 8 лет, Еким 6 лет. Филип Титов сын Макушев 78 лет, у него дети Нестер 23 лет, Никон 18 лет, у Нестера сын Дорофей 2 лет. [18, л. 9]
1721-го году августа в 22 день домовый преосвященного Алексия епископа Вятцкого и Великопермского Бобинской вотчины староста крестьянской Андрей Прокопьев сын Фукалов...	1721 г.	Деревня, что была пустошь Шиловская , в той деревне у Нестера Макушева сын Гаврило 3 недель. [19, л. 198]
Ведение Хлыновского уезду Архиерейской домовою Бобинской вотчины старосты сего 727 году Михайла Гущина	1727 г.	По 1-му пункту Требование После подушной переписи ис тех мужеска полу людей, которые положены в подушной оклад, что выбыло с которых подушного окладу по указом выключать не велено и какая та выбыль росписать порознь, а имянно умерших, беглых, взятых в рекруты, в матросы, в лант-милицы, в плотники, в работники и протчих тому подобных, с которых уже впредь платежа быть не имеет, а платят за таких оставшие и коликое число суммы за них денег збираетца Ответствие Деревня, что была Шиловская пустошь Семен Мартынов сын Лопатин 8 умре в 720 году. [25, л. 866] По 3-му пункту Требование что в той подушной переписи написано увечных и малоумных и дряхлых или после той переписи увечные и малоумные и дряхлые которые никакой работы работать не могут, а те подушные деньги платят за них другие, которые и сами в подушном окладе написаны и коликое число за таких подушных денег суммы быть имеет Ответствие Деревня, что была Шиловская пустошь Филип Титов сын Макушев 78 стар и весма дряхл. [25, л. 874об.] По 5-му пункту Требование что после той подушной переписи и ис каких чинов прибылых а имянно пришлох из бегов или из других мест и вновь рожденных и в каковы лета, а в подушной оклад не положены

Окончание табл. 1

Название (начало) документа	Год	Отрывок текста с упоминанием населенного пункта
		Требование Ответствие Деревня, что была Шиловская пустошь Гаврило Нестеров сын Макушев 4 у него брат родной Трофим году. [25, л. 882об.]

По «Спискам населенных мест Вятской губернии 1859–1873 гг.» числилась пустошью Шиловской (Лучины). Было в ней 3 двора с числом жителей 25 человек (11 мужчин, 14 женщин). Деревня находилась на Ношульской проселочной дороге. В 1891 г. в деревне жило 27 человек в 5 семьях, причем все они носили фамилию Хлюпин. Варианты названия деревни в это время – Шиловская пустошь, Лукинцы, Лучинцы, Лучины [22, с. 35] (рис. 1).

Далее в «Списках населенных мест Вятской губернии по переписи населения 1926 г.» деревня носит название Лучины. На 1926 г. в деревне числилось 13 крестьянских хозяйств, в которых проживало всего 56 человек (23 мужчины, 33 женщины) [5, с. 17]. Уже во второй половине XX в. д. Лучины прекратила свое существование.

Памятник располагается на водораздельном участке в 900 м к востоку от села Бобино на территории бывшей деревни Лучины Слободского района Кировской области. Открытые источники воды вблизи селища отсутствуют, вероятно, вода жителями поселения добывалась из колодцев. Восточная часть памятника распаивается, центральная и западная частично поросли лиственным лесом. По северной и центральной частям селища проходит грунтовая дорога. Археологические раскопки на объекте археологического наследия «Селище Лучины, XVIII–XIX вв.». Также стоит отметить, что рядом располагаются еще 2 памятника археологии Нового времени – это «Селище Помзино, XVIII–XIX вв.» и «Загарский могильник, XVIII–XIX вв.» [6] (рис. 2).

До начала археологических исследований были проведены осмотр и фиксация местности. Место раскопа выбиралось с целью максимально точно проверить одну из сторон границ памятника и чтобы не затруднить работу последующим исследователям при изучении данного селища. Раскоп, общая площадь которого составила 24 м², разбит по направлению север–юг и располагается на небольшом участке в западной части границы памятника. Раскоп разбит на 6 квадратов (две линии по 3 квадрата на каждой). Площадь квадрата 4 м² (размер 2 × 2 м) [23, с. 2]. Линии квадратов по направлению с запада на восток получили обозначения буквами (А, Б), по направлению с севера на юг – арабскими цифрами (1, 2, 3) (рис. 3).

Описание планиграфии раскопа

1. *После снятия дерна.* Дневная поверхность относительно ровная, с небольшим понижением в кв. А/3–Б/3, сверху задернована. Нивелировочные отметки от -193 до -205. После снятия дерна была произведена зачистка, после которой на всей площади раскопа был зафиксирован слой темно-коричневого суглинка. В восточной стенке в кв. А/3 выступает фрагмент железного ковша от трактора. В кв. Б/3 у восточной стенки прослеживаются очертания разведочного шурфа 2017 года.

В ходе снятия дерна и зачистки было выявлено 7 индивидуальных находок: 4 кованых гвоздя, замок, проволока колючая, фрагмент ножа. Массовый материал в количестве 12 ед., выявленный при снятии дерна, представлен фрагментами глиняной посуды, фрагментами костей животных и горлышком от бутылки (рис. 4).

2. *Пласт (штык).* После выборки культурного слоя и произведенной зачистки на уровне 1 пласта с относительно ровной поверхностью выявились горизонтальные срезы следующих напластований. По линиям А и Б основным слоем прослеживается темно-коричневый суглинок. В кв. А/1 зафиксировано пятно неопределенной формы светло-коричневого суглинка, которое одним краем уходит в северную стенку, а другим – в западную. Южнее этого пятна в этом же квадрате фиксируется другое пятно неопределенной формы светло-коричневого суглинка. В центральной части кв. А/1-2 выявилось прямоугольной формы пятно из темно-коричневого суглинка с включениями угля и древесного тлена. На участке А/3 в центральной части квадрата было выявлено 3 угольных пятна разной формы. В кв. Б/3 продолжилась фиксация очертаний разведочного шурфа 2017 г. у восточной стенки.

Во время выборки 1 пласта в этом слое обнаружены 17 индивидуальных находок: 2 серебряные монеты, 1 фрагмент колючей проволоки, 2 изделия из железа, 2 фрагмента конской упря-

жи, 1 фрагмент ножа, 1 фрагмент ложки, 8 кованых гвоздей. Массовый материал в количестве 47 ед., выявленный при снятии 1 пласта, представлен фрагментами глиняной посуды (24 ед. фрагментов стенок и 7 ед. фрагментов венчика), фрагментами посуды из фаянса (5 ед.), шлаком (3 ед.), фрагментами костей животных (7 ед.) и горлышко от бутылки (1 ед.) (рис. 5).

3. *Пласт (штык) 2.* После выборки культурного слоя и произведенной зачистки на уровне 2 пласта с относительно ровной поверхностью выявились горизонтальные срезы следующих напластований. На участках А/1–Б/1-2 определено неправильной формы материковое отложение – красная глина. Материковое пятно занимает северо-западную и центральную часть кв. А/1, имея продолжение в западной и северной стенках, в кв. Б/1 – северо-восточную и южную часть, в кв. Б/2 – восточную часть, уходя в восточную стенку. На участке А/1 в южной части квадрата выявлено пятно неправильной формы темно-коричневого суглинка. На участках А/2-3–Б/2-3 продолжилось выявление темно-коричневого суглинка, которое постепенно уходит с севера на юг. Пятно вытянуто по направлению север-юг и уходит в западную и южную стенки раскопа, тем самым занимая половину южной части кв. А/2, частично занимая юго-западный угол кв. Б/2, весь участок кв. А/3 и половину западной части кв. Б/3. В кв. Б/3 продолжилась фиксация очертаний разведочного шурфа 2017 г. у восточной стенки. От южной границы шурфа до юго-восточного угла раскопа (уходя в восточную и южную стенки раскопа) растянулось материковое пятно неопределенной формы. Вдоль западной и северной границ шурфа растянулось пятно неопределенной формы из светло-коричневого суглинка. В центральной части квадрата Б/3 зафиксировано угольное пятно неопределенной формы размером в длину около 72 см, а в ширину в самой широкой части – 22 см. Северо-западнее от этого пятна было выявлено еще одно угольное пятно округлой формы.

В ходе снятия пласта в слое темно-коричневого суглинка было выявлено 22 индивидуальные находки: 15 кованых гвоздей, 1 монета номиналом 2 коп. 1824 г., 2 фрагмента конской упряжи, 2 изделия из железа, 1 проволока колючая, 1 днище бутылки. Массовый материал в количестве 31 ед. был представлен фрагментами глиняной посуды (19 фрагментов стенок и 6 фрагментов венчиков), фрагментами кирпича (2 ед.), известняком (1 ед.), шлаком (1 ед.) и фрагментами костей животных (2 ед.) (рис. 6).

4. *Пласт (штык) 3.* После выборки культурного слоя и произведенной зачистки на уровне 3 пласта (штыка) с относительно ровной поверхностью на всей площади раскопа был зафиксирован материк – красная глина (местами с вкл. серой глины). В ходе выборки предметы выявлены не были. Глубина – до 4 см. Мощность напластований составила до 66 см, в ямах – до 73 см. Находок при снятии 3 пласта выявлено не было. Мощность напластований составила до 66 см, в ямах – до 73 см (рис. 7).

Описание стратиграфии раскопа. Стратиграфическая колонка однородная: сверху дерн – до 10 см, темно-коричневый суглинок – до 43 см, ниже – материк (красная глина, местами с вкл. серой глины). В профилях западной и северной стенок фиксируется светло-коричневый суглинок – до 10 см. В профилях восточной, западной и южной стенок фиксируется уголь – до 5 см. В профиле восточной стенки следы переотложения слоев от разведочного шурфа не выявлены (рис. 8.1).

На фоне материка были выявлены контуры 3 ям, которые были разобраны (рис. 8.2). *Яма № 1 (шурф).* Фиксируется в кв. Б/3 у восточной стенки раскопа, квадратной формы размером ок. 1 × 1 м. Заполнение представлено темно-коричневым суглинком с вкл. красной и серой глины. Стенки ямы (шурфа) в сечении прямые, дно относительно ровное. В ходе выборки предметы выявлены не были. Глубина – до 5 см. *Яма № 2* фиксируется в кв. Б/3. Пятно видимой части ямы неопределенной формы, размерами ок. 68 × 90 см. Наполнение представлено темно-коричневым суглинком с вкл. красной и серой глины. Стенки ямы округлые, сужаются к неровному дну. В ходе выборки предметы выявлены не были. Глубина – до 7 см. *Яма № 3* фиксируется в кв. А/2. Пятно видимой части ямы круглой формы диаметром 12 см. Заполнение представлено углем. Стенки ямы в сечении округлые, дно округлое (рис. 8.3).

Описание предметов. В результате археологических раскопок селища Лучины в 2019 г. было обнаружено 153 находки. Были найдены фрагменты глиняной посуды (фрагменты венчика, стенок), фрагменты костей животных. Выявленный массовый материал датируется XVIII–XIX вв. (рис. 9.1).

Фрагменты керамики представляют собой поздние образцы гончарного производства, которые можно разделить на три категории:

1) Русская сероглиняная керамика, встречающаяся в местных слоях с XVII по XIX вв. Общее количество фрагментов – 23.

2) Красноглиняная посуда, не лощеная, достаточно часто встречающаяся в городских и сельских слоях XIX в. Общее количество фрагментов – 5.

3) Поливная керамика, обычно имевшая зеленый цвет. Полива светло-зеленая, реже – желтая, очень редко – коричневая. Она была популярна в регионе на рубеже XIX–XX вв. Общее количество фрагментов – 49.

В ходе раскопок была обнаружена 51 индивидуальная находка. Наиболее часто встречаемым материалом, обнаруженным в результате работ, являлись гвозди кованые – 27 ед., фрагменты конской упряжи – 7 ед., монеты – 4 ед. и изделия из железа – 4 ед. Выявленный индивидуальный материал датируется XVIII – началом XX вв. [23, с. 21–26].

В ходе работ на территории бывшего населенного пункта Лучины было обнаружено 4 монеты XIX–XX вв. (рис. 9.2).

Монеты

2 копейки 1818 года

Аверс: в центре – герб Российской империи – распутивший крылья двуглавый орел. На груди орла находится герб Москвы – щит с Георгием Победоносцем верхом на коне, поражающим змия длинным копьем (голова змия справа). Вокруг щита – цепь, несущая орден Святого апостола Андрея Первозванного. В правой лапе орел держит скипетр, а в левой – державу. Под правой лапой – буква «Ф», под левой – буква «Г». Инициалы минцмейстера Франца Германа. Под инициалами – год чеканки (1818). Буртик украшен точками.

Реверс: в верхней части монеты расположена императорская корона. Под ней в центре указан номинал – цифра «2». Ниже идет название денежной единицы, разбитое на две строки: КОПѢЙ/КИ. Ниже названия – прямая линия и аббревиатура «Е. М.» (Екатеринбургский монетный двор). В левой части у края монеты изображена лавровая ветвь, а в правой – дубовая. У основания ветви переплетены лентой. Вдоль края монеты отчеканены рельефные точки [24, с. 206].

2 копейки 1824 г.

Аверс: в центре – герб Российской империи – распутивший крылья двуглавый орел. Головы орла несут короны, а третья корона большего размера находится над и между головами. На груди орла находится герб Москвы – щит с Георгием Победоносцем верхом на коне, поражающим змия длинным копьем (голова змия справа). Вокруг щита – цепь, несущая орден Святого апостола Андрея Первозванного. В правой лапе орел держит скипетр, а в левой – державу. Под правой лапой – буква «П», под левой – буква «Г». Инициалы минцмейстера Петра Грамматчикова. Под инициалами – год чеканки (1824). Буртик украшен точками.

Реверс: в верхней части монеты расположена императорская корона. Под ней в центре указан номинал – цифра «2». Ниже идет название денежной единицы, разбитое на две строки: КОПѢЙ/КИ, ниже названия – прямая линия и аббревиатура «Е. М.» (Екатеринбургский монетный двор). В левой части у края монеты изображена лавровая ветвь, а в правой – дубовая. У основания ветви переплетены лентой. Вдоль края монеты отчеканены рельефные точки [24, с. 207].

10 копеек 1901 г.

Аверс: в центре – герб Российской империи – двуглавый орел. Обе головы орла несут короны, а третья корона большего размера находится над и между головами. Все они соединены орденской лентой ордена Св. Апостола Андрея Первозванного. На груди орла расположен Московский герб, в щите изображен Георгий Победоносец с копьем, поражающий дракона. Вокруг щита – цепь ордена Святого апостола Андрея Первозванного. В правой лапе орла – скипетр, а в левой – держава. Под правой лапой – буква «А», под левой – буква «Р». Инициалы минцмейстера Александра Редько. Буртик украшен зубчиками.

Реверс: в верхней части реверса расположена корона Российской империи. Ниже на двух строках обозначен номинал – цифра «10». Ниже идет название денежной единицы КОПѢЕКЪ. Ниже находится элемент – разделитель, состоящий из двух разнонаправленных стрелок и пяти точек между ними. Пять точек образуют крест. Под разделителем – год чеканки (1901). Под годом – аббревиатура «С.П.Б.» (Санкт-Петербургский монетный двор). В левой части монеты вдоль края находится лавровая ветвь, а в правой – дубовая. У основания ветви связаны лентой, которая образует аккуратный бант. По всему краю монеты отчеканены выступающие зубцы [24, с. 105].

20 копеек 1923 г.

Аверс: в центре изображен герб РСФСР образца 1920 года (геральдический щит, на котором расположены скрещенные серп и молот на фоне солнечных лучей, по бокам – связи

колосьев). Под гербом имеется картуш с надписью «Р.С.Ф.С.Р.». Герб отделен от верхней части монеты полукольцом из точек, начинающихся и заканчивающихся картушем. Вверху, слева и справа вдоль канта тянется надпись «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!».

Реверс: в центре в кольце из точек указан номинал – цифра «20». Ниже идет название денежной единицы «КОПЕЕК». Под ним год чеканки – 1923. В нижней и боковых частях монеты имеется венок из лавровой (слева) и дубовой (справа) ветвей, связанных снизу бантом. Вверху стилизованно изображено солнце в виде пятиконечной звезды с лучами. Вдоль всего канта непрерывно тянется кольцо из точек.

На лицевой и оборотной стороне имеется выступающий кант по окружности. Монета отчеканена Петроградским монетным двором.

Фрагменты конской упряжи представляют собой литые и штампованные из бронзовых сплавов бляхи – пуговицы, круглой формы, с гладким или зубчатым краем. Ими обшивались ремни, седла и другие части упряжи. Диаметр найденных блях – от 1,5 см до 3 см (рис. 9.3).

Гвозди кованые. Конструкция гвоздя состоит из трех элементов, соединенных между собой. Первый элемент – это жало в форме конуса или правильной пирамиды. Второй элемент – тело гвоздя, третий – шляпка. Все кованые гвозди можно поделить на две большие категории: трехгранные (11 ед.) от 3 до 7 см и четырехгранные (16 ед.) от 3 до 14 см (рис. 10.1). Концентрация гвоздей практически «в линию», а также наличие столбовой ямки в кв. А/2 дают возможность предположить, что была найдена часть хозяйственной постройки с деревянным ограждением (рис. 5, 6, 8.3).

Кроме этого, был обнаружен кованый замок конца XIX–XX вв. и *фрагменты колючей проволоки, фрагменты ножей и фрагмент бутылки* из-под минеральной воды с датой на днище – 1866 (рис. 10.2-6).

Коллекция материалов, полученных в результате археологических раскопок, была передана на хранение в музейные фонды НИ археологической лаборатории ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет».

В результате проведенных археологических полевых исследований на территории бывшей дер. Лучины Слободского района Кировской области можно сделать следующие выводы:

1. Основным слоем является темно-коричневый суглинок, который насыщен вещественным материалом.

2. Выявленный вещественный материал вполне типичен для селищ Нового времени. Под вопросом остается датировка колючей проволоки. Есть предположение, что она осталась от Вятско-Слободского укрепрайона, который был создан в 1919 г., когда губерния готовилась к обороне от армии Колчака. Дальнейшее изучение археологического памятника позволит подтвердить или опровергнуть данное предположение.

3. Анализ вещественного материала и его распространение позволили определить, что заложенный раскоп затронул хозяйственную постройку.

4. В ходе визуального осмотра территории памятника несанкционированных работ обнаружено не было.

Таким образом, материалы настоящего исследования являются ценным источником для изучения истории Слободского района Кировской области и позволяют показать, что даже небольшие раскопочные работы на позднем археологическом памятнике дают информацию о топографии населенного пункта, а также характеризуют некоторую материальную составляющую поселения. Дальнейшие работы на объекте позволят уточнить местонахождение пустоши Шиловской и, возможно, изменить датировку памятника.

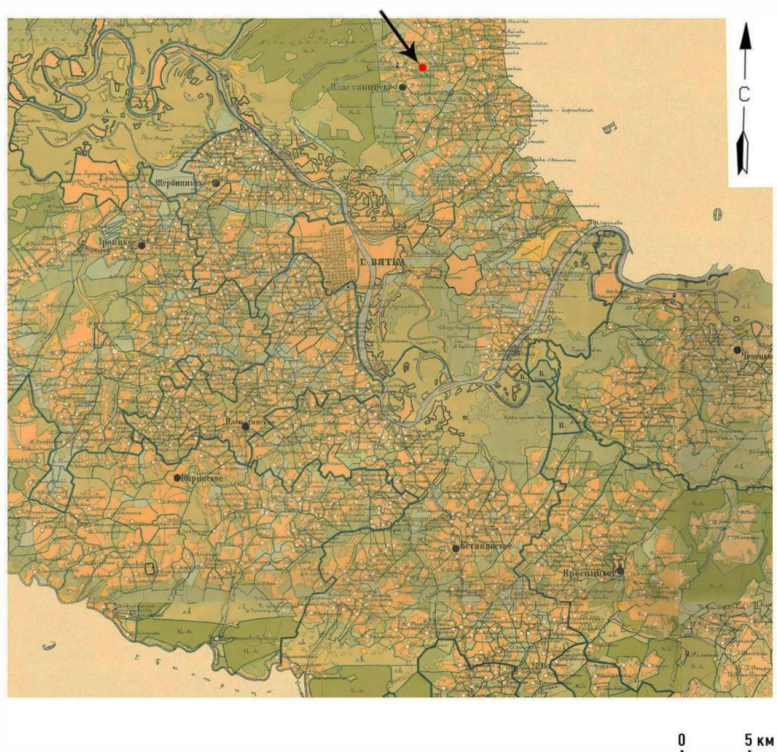

Рис. 1. Фрагмент карты Вятского уезда Вятской губернии 1866 г. Деревня Лучины обозначена стрелкой

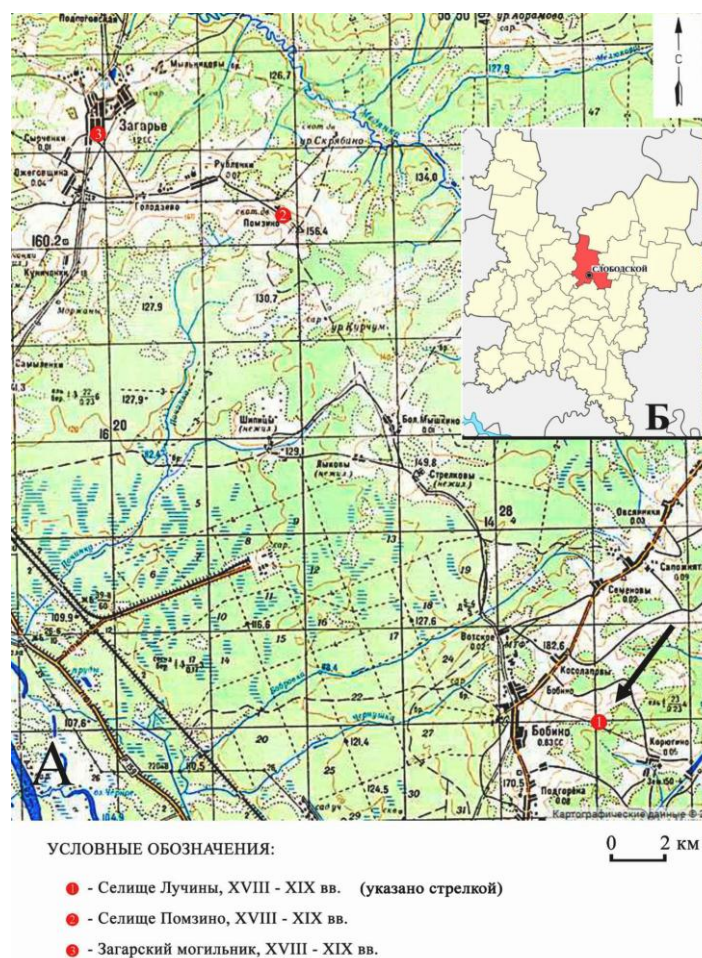
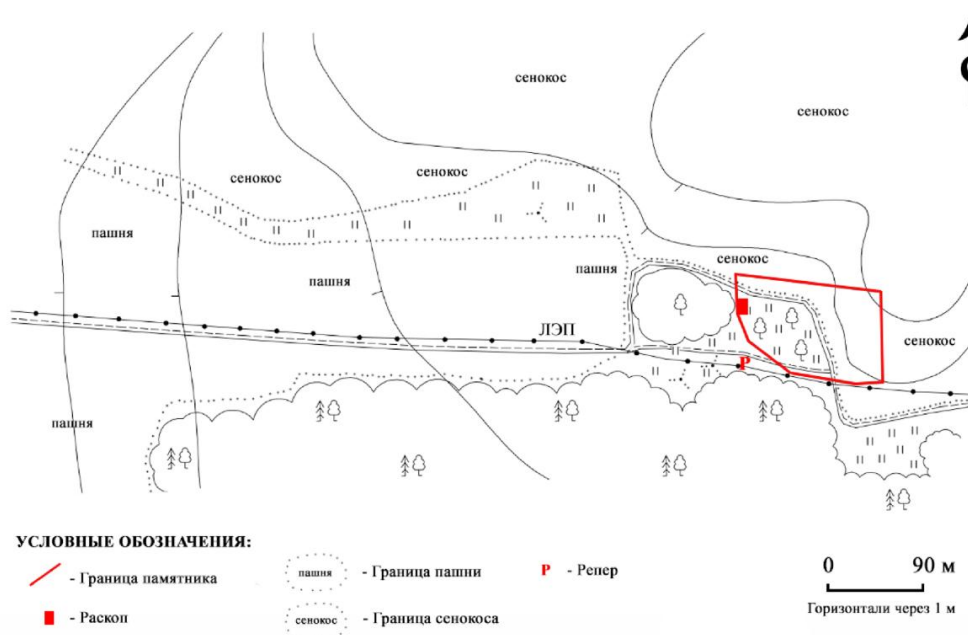

Рис. 2. Фрагмент карты Слободского района Кировской области с указанием местоположения ближайших памятников археологии от места проведения археологических полевых работ

1. План местности с обозначением места проведения полевых археологических работ (раскопок).

2. Селище Лучины, XVIII - XIX вв. Участок раскопа до начала работ. Вид на юг.

Рис. 3. Местоположение проведения полевых археологических работ 2019 г. на территории селища Лучины

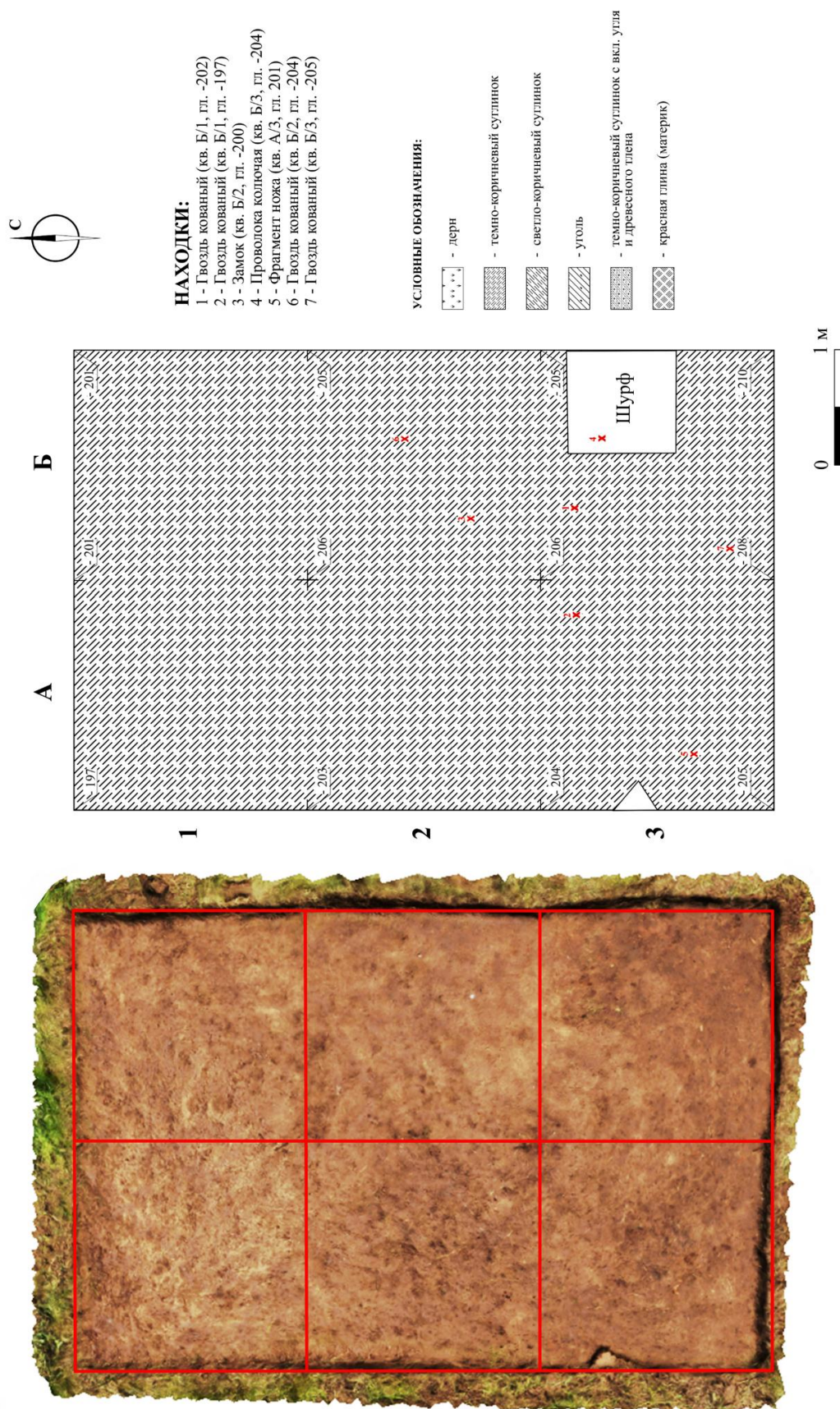

Рис. 4. Селище Лучины, XVIII-XIX вв. План раскопа после снятия дерна

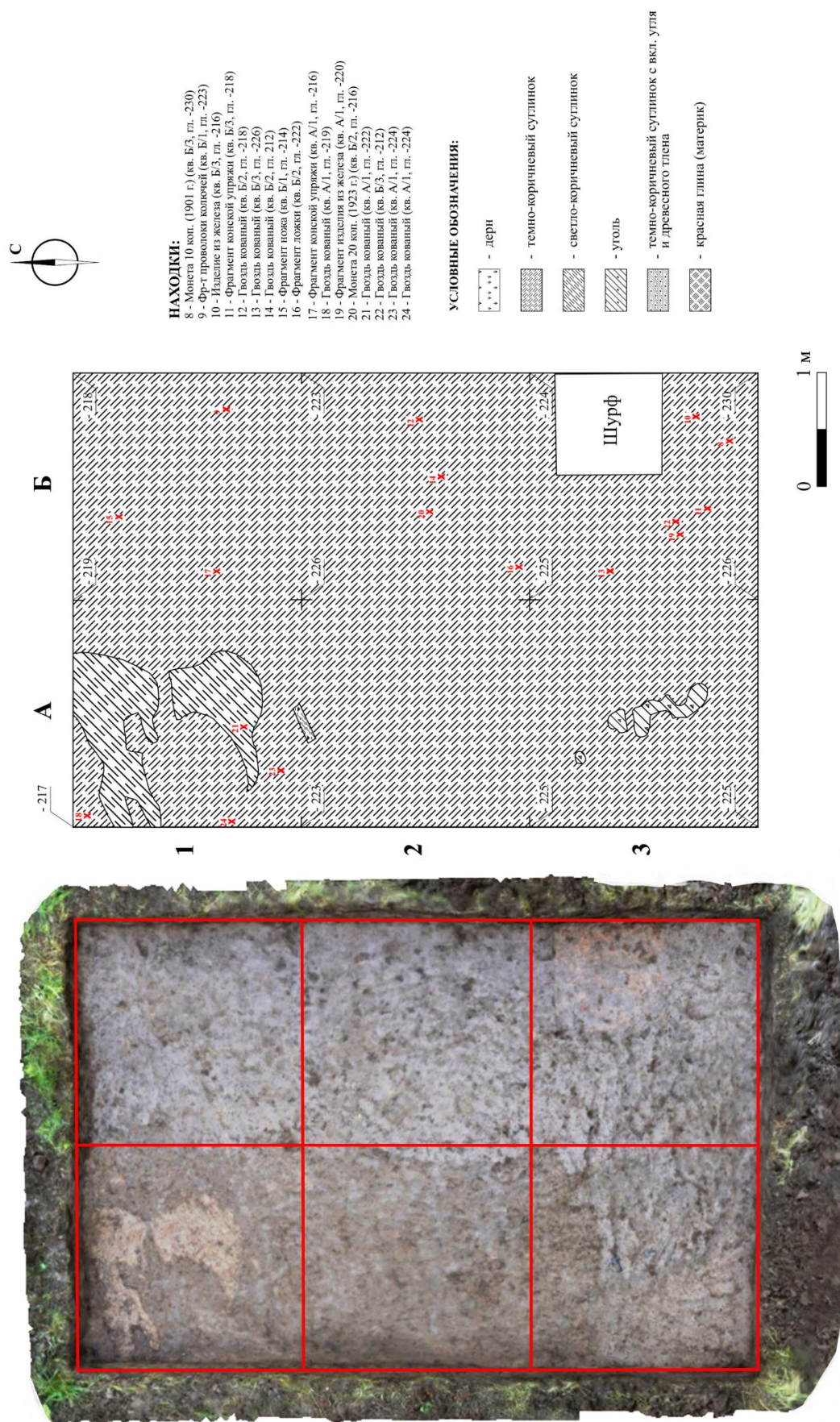
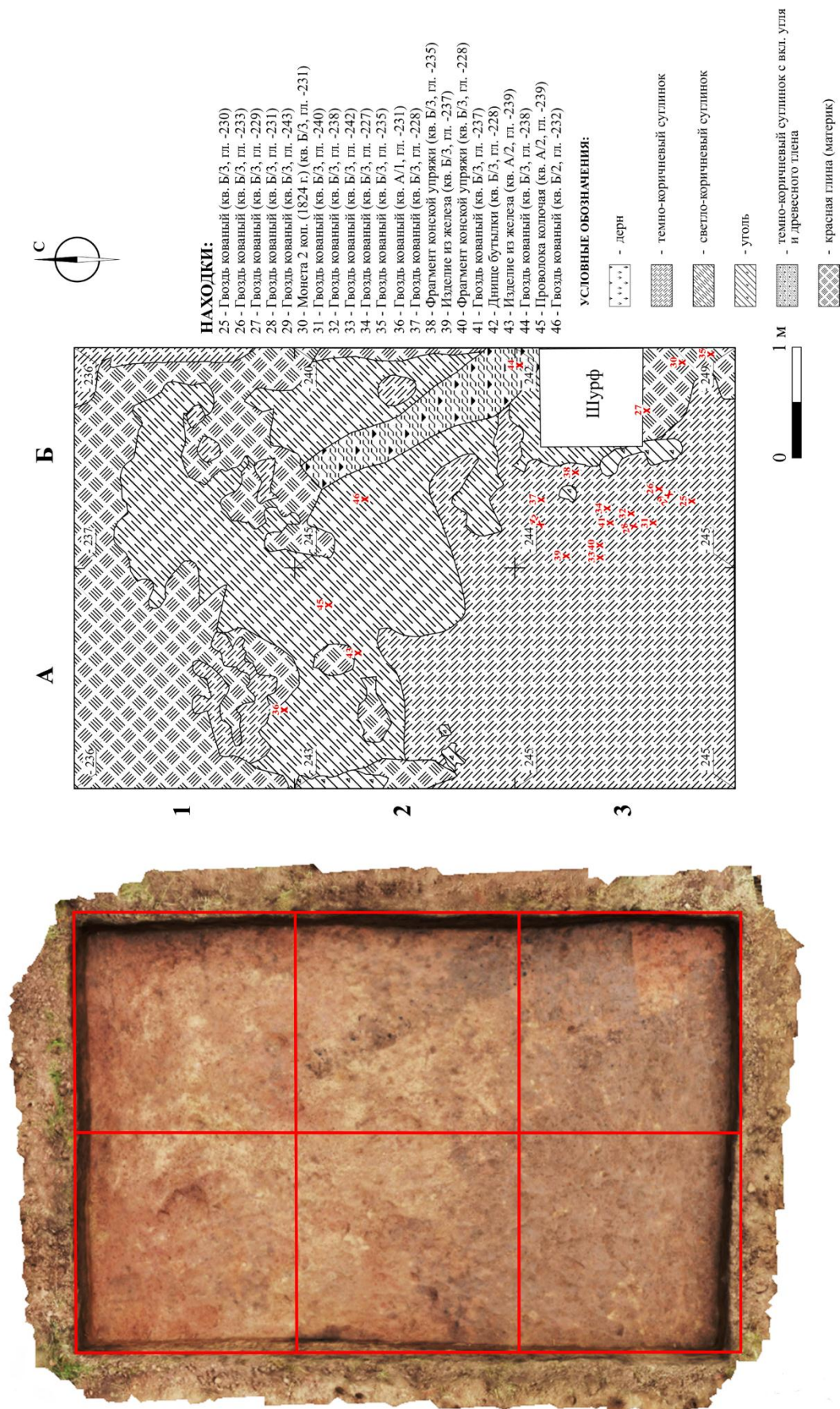
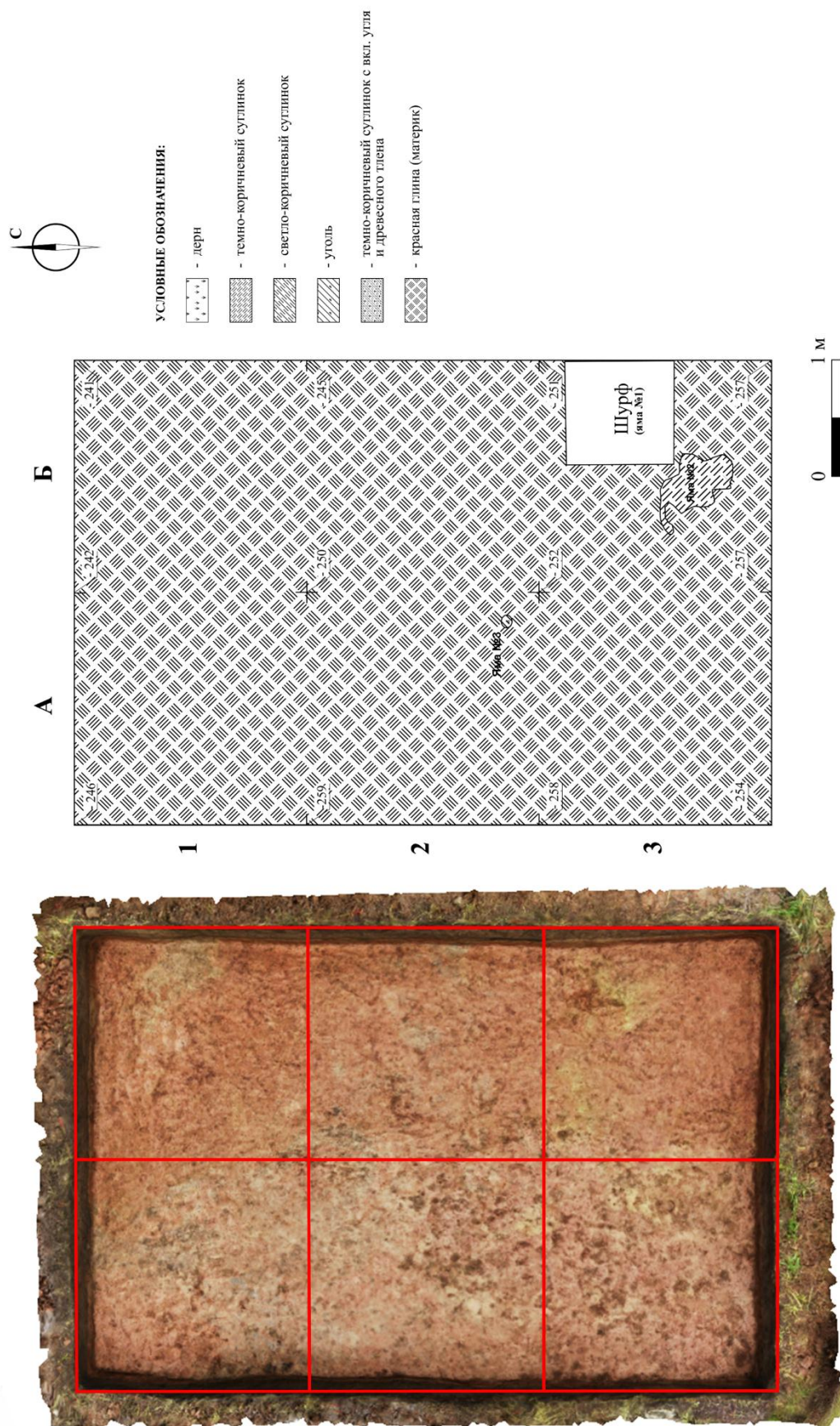

Рис. 5. Селище Лучины, XVIII-XIX вв. План раскопа после снятия первого пласта (штыка)

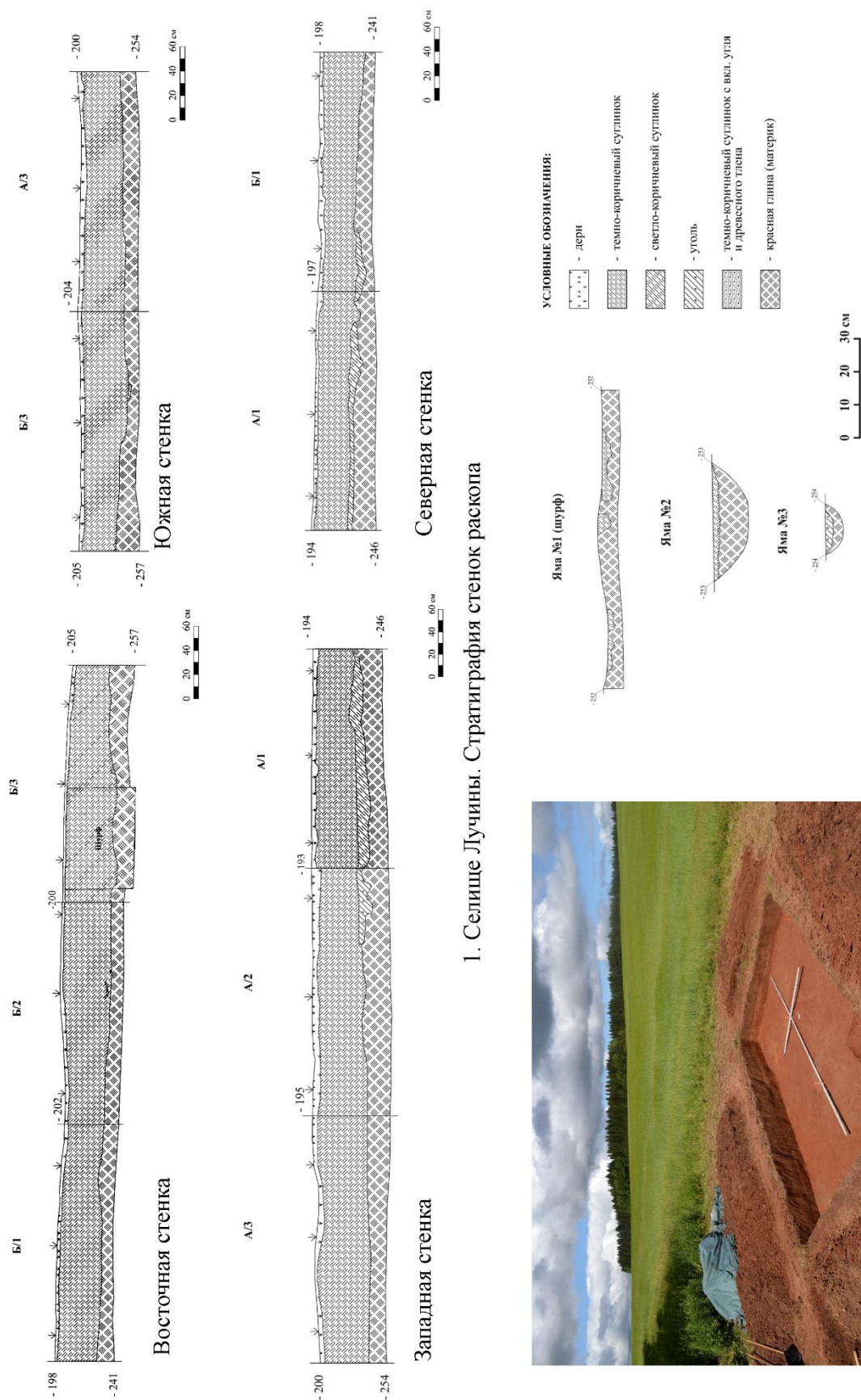
Селище Лучины, XVIII - XIX вв. План раскопа после снятия 2 пласта.

Рис. 6. Селище Лучины, XVIII-XIX вв. План раскопа после снятия второго пласта (штыка)

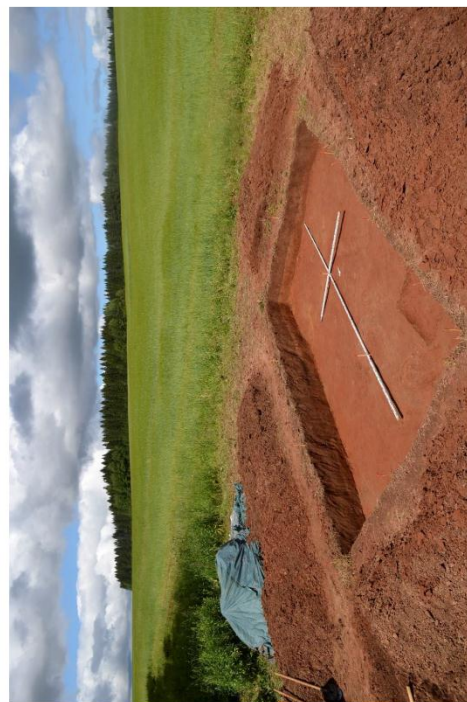

Селище Лучины, XVIII - XIX вв. План раскопа после снятия 3 пласта.
Зачистка на уровне материка до выборки ям.

Рис. 7. Селище Лучины, XVIII-XIX вв. План раскопа после снятия третьего пласта (штыка).
Зачистка на уровне материка до выборки ям

1. Селище Лучины. Стратиграфия стенок раскопа

2. Селище Лучины. Раскоп на уровне Материка Вид с юго-востока.

3. Селище Лучины. Сечения ям

Рис. 8. Стратиграфия раскопа

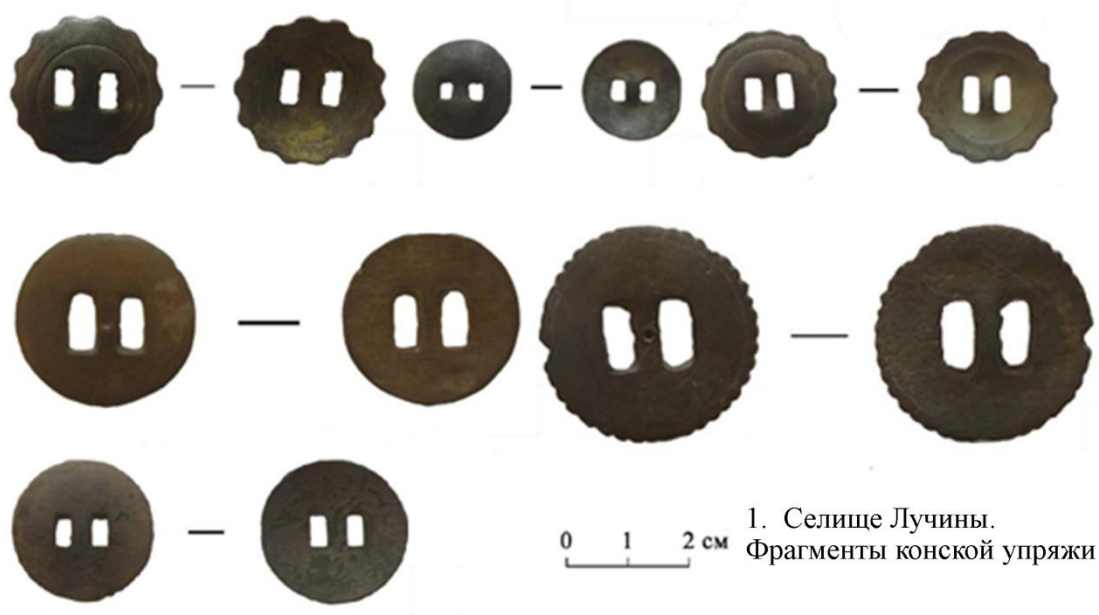

Рис. 9. Селище Лучины, XVIII–XIX вв. Находки

Селище Лучины. Находки.

1. Кованые гвозди
2. Фрагменты ножей
3. Фрагменты колючей проволоки
4. Замок кованый
5. Фрагмент ложки (сплав)
6. Фрагмент дна бутылки из под минеральной воды с надписью «1866»

Рис. 10. Селище Лучины, XVIII–XIX вв. Находки

Список литературы

1. Беляев Л. А. Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области истории археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. М. ; Вологда, 2016. С. 6–11.
2. Книги Вятские всех Вятских пяти городков оброчным и лютным деревням и починком и сенным покосом и рыбным ловлям и всяким угождам со 101-го году // РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 4.
3. Материалы для проведения историко-культурной экспертизы территории прокладки ВОЛС на участке «РМ (Кировская область, Слободской район, д. Подгорена) – БС 43-201 (Кировская область, Юрьянский район, д. Подгорцы)» (общей протяженностью 45 км при ширине полосы обследования 10 м) // Архив ОГАУК «НПЦ по охране объектов культурного наследия Кировской области».
4. Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований. Вып. 3 / отв. ред. А. Л. Кряжевских. Киров, 2011. 208 с.
5. Перепись населения 1926 г. Вып. VIII. Список населенных мест Вятской губернии. Вятский уезд. Вятка. 1927. С. 17.
6. Раздел об обеспечении сохранности выявленных объектов археологического наследия «Селище Лучины, XVIII–XIX вв.», «Селище Помзино, XVIII–XIX вв.», «Загарский могильник, XVIII–XIX вв.» в со-

ставе проекта прокладки ВОЛС на участке РМ (Кировская область, Слободской район, д. Подгорена) – БС 43-201 (Кировская область, Юрьянский район, д. Подгорцы) // Архив ОГАУК «НПЦ по охране объектов культурного наследия Кировской области».

7. РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 4.
8. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1029.
9. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1059.
10. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 90.
11. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 903.
12. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 519.
13. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 521.
14. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Д. 73.
16. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098.
17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1595. Ч. 2.
18. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3816.
19. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3825.
20. РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 58. Отказные книги в Вятский Архиерейский дом на Котельничский Предтеченский монастырь и Бобинский стан, 7166 (1658) года / публ., предисл. и послесл. А. С. Верещагина // Тр. ВУАК. Вятка, 1908. Вып. II. Отд. II. С. 1–60.
21. РНБ. ОСПК. Q.IV.256.
22. Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859–1873 гг. Т. X. Вятская губерния. СПб., 1876. 993 с.
23. Старков Р. Л. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Селище Лучины, XVIII–XIX вв.», на территории бывш. дер. Лучины слободского района Кировской области. 2019. 100 с.
24. Узденников В. В. Монеты России 1700–1917. М., 2004. 498 с.
25. ЦГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 133а.

Village of Luchina according to written sources and archaeological data

R. L. Starkov¹, A. O. Kaisin², K. A. Devyatova³, M. K. Glazyrina⁴,
A. L. Musikhin⁵, Yu. A. Onufrienko⁶, A. M. Borisova⁷

¹scientific employee, Kirov regional museum of local lore. Russia, Kirov. E-mail: starkov-roman@mail.ru

²head of the research archaeological laboratory, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: akai_slob@mail.ru

³student, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: devyatova_kseniya@mail.ru

⁴student, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

⁵independent researcher. Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: a-musikhin@narod.ru

⁶laboratorian of the research archaeological laboratory, Vyatka state University.
Russia, Kirov. E-mail: onufrienkoyuliya@mail.ru

⁷laboratorian of the research archaeological laboratory, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: annalein8321@gmail.com

Abstract. The article presents the results of archaeological field research (excavations) conducted on the territory of the identified object of archaeological heritage "village of Luchina, XVIII–XIX centuries" on the territory of the former village of Luchina in Slobodskoy district of the Kirov region. The purpose of the work is to preserve and study the object of archaeological heritage, determine the power and safety of the cultural layer, and clarify the Dating of the monument. The excavation was laid, divided into 6 squares measuring 2 × 2 m. The excavation grid does not cover the entire area of the studied monument. The thickness of the studied layers was up to 66 cm (in pits – up to 73 cm). The material revealed during the excavations dates back to the period of the XVIII–XIX centuries, which fits into the dating framework of the monument of archeology. The collection of materials obtained as a result of archaeological excavations was transferred to the Museum funds of the national archaeological laboratory of the Vyatka State University.

Keywords: Archaeology of the new time, Luchina village, Kirov region.

References

1. Belyaev L. A. *Pozdnee Srednevekov'e i nachalo Novogo vremeni v Rossii: rozhdenie istoriko-arheologicheskoy versii* [Late Middle Ages and the beginning of Modern times in Russia: the birth of the historical and archaeological version] // *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti istorii arheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv. : materialy nauch. konf.* – From the Troubles to the Empire. New discoveries in the field of the history of

archeology and the history of Russia of the XVI–XVIII centuries : materials of the scientific conf. M. ; Vologda. 2016. Pp. 6–11.

2. *Knigi Vyatckie vsekh Vyatckih pyati gorodkov obrochnym i lgotnym derevnyam i pochinkom i sennym pokosom i rybnym lovlyam i vsyakim ugod'yam so 101-go godu* – Vyatka books of all Vyatka five towns, tax and benefit villages and mending and hay mowing and fishing and all sorts of land from the 101st year / / Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). F. 1113. Inv. 1. File 4.

3. *Materialy dlya provedeniya istoriko-kul'turnoj ekspertizy territorii prokladki VOLS na uchastke "RM (Kirovskaya oblast', Slobodskoj rajon, d. Podgorena) – BS 43-201 (Kirovskaya oblast', Yur'yanskij rajon, d. Podgorcy) (obshchej protyazhennost'yu 45 km pri shirine polosy obsledovaniya 10 m)* – The materials for carrying out historical and cultural examination of the area of Fiber-optic transmission line on the territory of "RM (Kirov region, Slobodskoy district, Podgorena village) – BS 43-201 (Kirov, Yurya district, Podgorcy village)" (total length of 45 km and a width of the strip survey 10 m) // *Arhiv OGAUK "NPC po ohrane ob'ektov kul'turnogo naslediya Kirovskoj oblasti"* – Archive of Regional State Autonomous Cultural Institution "Research and production center for the protection of cultural heritage of the Kirov region".

4. *Pamyatniki arheologii Kirovskoj oblasti. Materialy istoriko-arhivnyh i bibliograficheskikh issledovanij. Vyp. 3* – Monuments of archeology of the Kirov region. Materials of historical-archival and bibliographic research. Is. 3 / ed. Kirov. 2011. 208 p.

1. *Perepis' naseleniya 1926 g. Vyp. VIII. Spisok naselennyh mest Vyatskoj gubernii. Vyatskij uezd* – Census of population 1926. Vol. VIII. List of localities in Vyatka province. Vyatka County. Vyatka. 1927. P. 17.

2. *Razdel ob obespechenii sohrannosti vyyavlennyh ob'ektov arheologicheskogo naslediya "Selishche Luchiny, XVIII–XIX vv.", "Selishche Pomzino, XVIII–XIX vv.", "Zagarskij mogil'nik, XVIII–XIX vv." v sostave proekta prokladki VOLS na uchastke RM (Kirovskaya oblast', Slobodskoj rajon, d. Podgorena) – BS 43-201 (Kirovskaya oblast', Yur'yanskij rajon, d. Podgorcy)* – A section on the preservation of identified archaeological heritage sites "The village Luchiny, XVIII–XIX centuries", "The village Pomsino, XVIII–XIX centuries", "Zagarskij burial, XVIII–XIX centuries" in the project of fiber-optic transmission line on the territory of RM (Kirov region, Slobodskoy district, village Podgorena) – BS 43-201 (Kirov, Yurya district, village Podgorcy) // *Arhiv OGAUK "NPC po ohrane ob'ektov kul'turnogo naslediya Kirovskoj oblasti"* – Archive of Regional State Autonomous Cultural Institution "Research and production center for the protection of cultural heritage of the Kirov region".

3. RSAAA. F. 1113. Inv. 1. File 4.

4. RSAAA. F. 1209. Inv. 1. File 1029.

5. RSAAA. F. 1209. Inv. 1. File 1059.

6. RSAAA. F. 1209. Inv. 1. File 90.

7. RSAAA. F. 1209. Inv. 1. File 903.

8. RSAAA. F. 1209. Inv. 1. File 519.

9. RSAAA. F. 1209. Inv. 1. File 521.

10. RSAAA. F. 237. Inv. 1. File 55.

11. RSAAA. F. 210. Inv. 22. File 73.

12. RSAAA. F. 1209. Inv. 1. File 1098.

13. RSAAA. F. 214. Inv. 1. File 1595. Pt. 2.

14. RSAAA. F. 350. Inv. 2. File 3816.

15. RSAAA. F. 350. Inv. 2. File 3825.

16. RSAAA. F. 137. Novgorod. № 58. *Otkaznye knigi v Vyatskij Arhierejskij dom na Kotel'nicheskij Predtechenskij monastyr' i Bobinskij stan, 7166 (1658) goda* – Refusal books to the Vyatka Bishop's house on the Kotelnich Babtist monastery and Bobinsky Stan, 7166 (1658) / publ., preface and afterword by A. S. Vereshchagin // *Tr. VUAK* – Proceedings of Vyatka scientific archive commission. Vyatka. 1908. Is. II. Ed. II. Pp. 1–60.

17. Department of manuscripts of the Russian national library. Q.IV.256.

18. *Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii po svedeniyam 1859–1873 gg. T. X. Vyatskaya guberniya* – Lists of inhabited places of the Russian Empire according to the data of 1859–1873. Vol. X. Vyatka province. SPb. 1876. 993 p.

19. *Starkov R. L. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh na territorii vyyavlenno ob'ekta arheologicheskogo naslediya "Selishche Luchiny, XVIII–XIX vv.", na territorii byvsh. der. Luchiny slobodskogo rajona Kirovskoj oblasti* [Report on archaeological excavations on the territory of the identified object of archaeological heritage "Village of Luchina, XVIII–XIX centuries", on the territory of the former village Luchina of Slobodskoy area of the Kirov region. 2019. 100 p.

20. *Uzdennikov V. V. Monety Rossii 1700–1917* [Coins of Russia 1700–1917]. M. 2004. 498 p.

21. Central State Archive of Kirov region. F. 170. Inv. 1. File 133a.

Неочевидный ответ на простой вопрос («Кто убил?» в романах Достоевского)

В. В. Кичигина

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы,
Белгородский национально-исследовательский государственный университет.
Россия, г. Белгород. ORCID: 0000-0002-6761-0087. E-mail: vikdara@rambler.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется особенностью творчества Ф. М. Достоевского, чей художественный метод включает в себя парадоксальное сочетание злободневных вопросов и вечных ответов. Цель статьи заключается в выявлении важных черт духовной эволюции автора пяти великих романов в их проекции на художественное творчество писателя. Предметом исследования выступают два романа – «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» – открывающий и завершающий «великое пятикнижие». Автор статьи рассматривает два соотносимых эпизода, в которых на аналогичный вопрос «кто убил?» дается диаметрально противоположный ответ. Исследуя сюжетобразующую функцию данных эпизодов в художественном пространстве «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых», автор приходит к выводу о том, что художественная функция ответов на представленный вопрос различна и продиктована особенностями мировоззрения писателя в разные периоды жизни. Если во второй половине шестидесятых годов его интересовала проблема индивидуализма и формы ее выражения в актуальных идеях времени (идея Наполеона, идея разумного эгоизма), то спустя десятилетие Достоевский размышляет о путях преодоления человеческой разобщенности не только в рамках психологии личности, но и для человечества в целом. Соответственно, меняется взгляд на проблему вины: необходимость ее признания осознается писателем для героя-индивидуалиста, но в контексте общемировой проблемы утраты духовных ориентиров значительно важнее осознать свою личную причастность к мировому злу. Область применения результатов определяется спецификой исследования и может распространяться на курсы истории русской литературы, истории философии и культурологии, спецкурсы по творчеству Ф. М. Достоевского в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: вопрос, жанр, духовная эволюция, художественное пространство.

Особенности русского сознания, отображенные в языке, включают в себя приоритет вопросов над ответами. Самые глобальные из этих вопросов, развернутые в пространстве русской культуры, – «что делать?» и «кто виноват?». Обращаясь к творчеству Ф. М. Достоевского, русскому по форме и всемирному по сути, можно добавить еще один вопрос, ответ на который даст возможность не только установить очевидный жанрообразующий фактор любого текста, попавшего в его поле, но и получить более глобальные ответы. Это вопрос «кто убил?».

В данной статье мы рассмотрим, как этот вопрос отражает духовную эволюцию Ф. М. Достоевского от его первого великого романа «Преступление и наказание» до романа «Братья Карамазовы». Эти две точки равноценны двум полюсам главной мысли писателя о взаимосвязи всего живущего и всемирной отзывчивости русского сознания. Подобно тому, как весь мир с его многообразием форм жизни заключен между северным и южным полюсом планеты, художественный мир Достоевского-гения размещается в пространстве между этими романами. Различные оттенки единой идеи мерцают в «Идиоте», «Бесах», «Подростке», принимая форму пророческого указания или обращаясь в свою противоположность. В мире, где «все за всех виноваты», трассирующим пунктиром перемещается вопрос «кто убил?».

Этот вопрос является определяющим для детективного жанра, поскольку, как правило, нанизывает на себя перипетии сюжета. Роман «Преступление и наказание» в большей степени соотносится с детективом, чем какой-либо другой роман Достоевского в силу того, что в нем присутствуют два необходимых жанрообразующих персонажа – убийца и следователь. По зако-

нам жанра следователь должен поймать убийцу, раскрывая мотивы преступления, тем самым выстраивая интригующий сюжет. Однако у Достоевского история убийства – только внешняя сторона повествования. По словам М. М. Бахтина, «авантюрный сюжет у Достоевского сочетается с глубокой и острой проблемностью; более того, он всецело поставлен на службу идее: он ставит человека в исключительные положения, раскрывающие и провоцирующие его, сводит и сталкивает его с другими людьми при необычных и неожиданных обстоятельствах именно в целях испытания идеи и человека идеи, то есть «человека в человеке»» [1, с. 177].

На эту особенность сюжетосложения романов писателя указывали неоднократно [2; 3; 8; 14; 15]. Л. П. Гроссман определяет основной принцип романической композиции Достоевского как подчинение «полярно несовместимых элементов повествования единству философского замысла и вихревому движению событий. Сочетать в одном художественном создании философские исповеди с уголовными приключениями, включить религиозную драму в фабулу бульварного рассказа, привести сквозь все перипетии авантюрного повествования к откровениям новой мистерии» [4, с. 344–345].

В таком контексте главный вопрос детектива о личности субъекта преступления кажется неважным, поскольку и так ясно, что убил Раскольников – это не секрет и для убийцы, и для следователя. Но в художественном пространстве Достоевского эта история приобретает глобальное звучание, выводя читателя далеко за рамки истории убийства. «Роман посвящен разгадке тайны Раскольникова – Петербурга – России», – писал К. В. Мочульский [11, с. 362].

«Психологический отчет преступления», как называл Достоевский идею своего романа, предполагает поиск ответа на вопрос о том, *почему* убил Раскольников. Объяснение этого «почему» предполагает понимание идеи героя, толкнувшей его на преступление. Внутренний конфликт «дрожащей твари» и «право имеющего» проецируется на сложные психологические ходы мятущейся души героя. Его диалоги с Порфирием Петровичем – искусная игра сознания с самим собой, воспроизведенная в присутствии то ли двойника, то ли антагониста. «Цель Порфирия – заставить внутренний голос Раскольникова прорываться и создавать перестройку в его рассчитанно и искусно разыгранных репликах... и среди фиктивных реплик того и другого собеседника внезапно встречаются и скрещиваются ... два реальных человеческих взгляда» [1, с. 452]. Следователь играет с преступником, как кошка с мышью, будучи абсолютно уверенным в том, что несчастный никуда не денется. Это своеобразная психологическая лаборатория Порфирия, пристально изучающего человеческие типы и сознающего свое глубокое внутреннее превосходство над теми, кто попадает в поле его власти.

Только последний диалог следователя и убийцы обнажает истинную ситуацию и переводит произнесенные слова из мистериальности в реальность: «...Нет, уж какой тут Миколка, голубчик Родион Романович, тут не Миколка!

Эти последние слова после всего, прежде сказанного и так похожего на отречение, были слишком уж неожиданны. Раскольников весь задрожал, как будто пронзенный.

– Так... кто же... убил?.. – спросил он, не выдержав, задышающим голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлен вопросом.

– Как кто убил?.. – переговорил он, точно не веря ушам своим, – да *вы* убили, Родион Романович! Вы и убили-с... – прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом. <...>

– Это не я убил, – прошептал было Раскольников, точно испуганные маленькие дети, когда их захватывают на месте преступления» [5, с. 348–349].

В этой сцене обращает на себя внимание ее подчеркнутая театральность. В качестве режиссера выступает Порфирий. Он был «точно изумлен», «даже отшатнулся», понижает интонацию до выразительного шепота и явно наслаждается произведенным эффектом. Раскольников, лишенный поддержки своего демонического самолюбия, оказывается ребенком один на один с враждебным миром. Маленький ребенок не может совершить серьезного преступления, он может только напугать и, испугавшись, ожидать наказания от рассерженного взрослого. Именно таков Раскольников, и прямой ответ на его «взрослый» вопрос обнажает его незащищенную детскость.

Эта черта сближает его с Соней в тот момент, когда он признается ей в преступлении: «Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же *детскою* (выделено Достоевским. – В. К.) улыбкой.

– Угадала? – прошептал он наконец» [5, с. 315].

Раскольников – ребенок по сути, неслучайно накануне преступления он видит себя во сне ребенком. Совершенное убийство отторгает его от мира детей, делает взрослым, «имеющим право» на запрещенные детям поступки. Взрослые не дрожат, не плачут и не совершают ошибок, это те самые «сверхчеловеки»,двигающие историю вперед. Вся теория Раскольникова, таким образом, – это мистерия, созданная ребенком, а значит, его вопрос «тварь ли я дрожащая или право имею?» – это вопрос «смогу ли я защитить ребенка?» Стало быть, и на вопрос «кто убил?» у Раскольникова нет сил ответить – он действительно не знает, кто поднял и опустил топор, потому что это поступок взрослого, а ощутить себя таковым у него не хватает сил.

Теория «разумного эгоизма», представленная в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?», дала толчок размышлениям Достоевского о границах человеческой свободы, переводя их из области психологического анализа в пространство «реализма в высшем смысле». Личная ответственность человека определяется высшими этическими законами, поэтому в художественном поле романа оказывается и евангельский контекст. Раскольников не готов раскаяться, поскольку понятие греха в религиозном смысле ему неизвестно, он человек мысли, которая не проникает дальше осознания определенных исторических закономерностей. В этой связи вопрос «кто убил?» и последующий ответ «вы и убили» выступает как фокус личной ответственности для сознания, пытающегося убежать от самого себя.

«Преступление и наказание» можно назвать романом о детях, вынужденных решать взрослые проблемы. Эта тема не оставляет Достоевского на протяжении всего великого пятикнижия. Свой последний роман «Братья Карамазовы», увидевший свет в 1880 году, он называет романом об отцах и об их теперешних детях. Интересно, что его действие происходит примерно в то же время, что и в «Преступлении и наказании», поскольку является ретроспективой жизни главного героя Алеша: «Первый же роман произошел еще тринадцать лет назад, и есть почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя» [6, с. 6]. По словам К. Д. Мочульского, «борьба между следователем Порфирием Петровичем и преступником вырастает в “Карамазовых” в “предварительное следствие” по делу Дмитрия» [11, с. 520].

Сюжет «Братьев Карамазовых», его внешняя сторона – это история судебной ошибки, неверный ответ на вопрос «кто убил?» дает завязку будущему роману. Достоевский привычно отталкивается от уголовной хроники и придает своему роману черты детектива. Действительно, практически до самого конца повествования читателю неизвестно, кто же совершил убийство Федора Павловича Карамазова. Личность Федора Павловича вполне можно соотнести с личностью убитой Раскольниковым Алены Ивановны – он стар, безобразен, жаден и провоцирует мысль о том, что жизнь без него станет лучше, поскольку его деньгами с успехом могут распорядиться другие.

У Федора Павловича трое законных сыновей и один случайный, Смердяков, сын местной юрودивой, – результат сомнительного пари, заключенного отцом Карамазовым с подвыпившими приятелями. Каждый из детей в той или иной степени желает смерти своему родителю, однако волей случая на скамье подсудимых оказывается старший брат Дмитрий, открыто угрожавший отцу. Важной психологической доминантой романа выступает осознание вины каждым из братьев, при том что о смерти отца не жалеет никто.

Своеобразным двойником Раскольникова в «Братьях Карамазовых» выступает Иван. Обладая даром парадоксального мышления, он пытается отделить Бога от созданного Им мира, поскольку мир этот, вместивший в себя страдания детей, не может являться зеркалом Божьей благодати. В мире без Бога «все позволено» – так считают все старшие Карамазовы, включая и Федора Павловича, и Дмитрия. Эту идею Иван транслирует обожающему его Смердякову. Подобно Раскольникову, напечатывавшему статью об исключительности права сильного, его логика кажется безупречной. Парадоксально сближая различные точки зрения, он не примыкает ни к одной из них, равно потешаясь над противоположными сторонами [9, с. 669–676].

Разговоры Ивана со Смердяковым – яркий образец полифонического диалога, типологические стороны которого проанализированы М. М. Бахтиным в его работе о Достоевском [1, с. 445–450]. Он, в частности, указывает на тот факт, что уверенность Ивана – мнимая, он раздвоен в своем понимании единого мира, поэтому его слова звучат двусмысленно и трактуются по-разному Алешей с одной стороны и Смердяковым – с другой.

Герои Достоевского любят создавать тексты. Но слова, прописанные в художественном поле созданного писателем мира, требуют совершения определенных поступков. После убийства отца Иван начинает понимать степень его ответственности за происходящее и со своим собственным ему высокомерием абсолютизировать ее. Алеша, обладающий особой психологиче-

ской чувствительностью, усиленной благословением старца Зосимы быть между братьями, пытается оцелить его больное расколотое сознание:

«– Кто же убийца, по-вашему, – как-то холодно по-видимому спросил он (Иван. – В. К.), и какая-то даже высокомерная нотка прозвучала в тоне вопроса.

– Ты сам знаешь кто, – тихо и проникновенно проговорил Алеша.

– Кто? Это басня-то об этом помешанном идиоте эпилептике? Об Смердякове?

Алеша вдруг почувствовал, что весь дрожит.

– Ты сам знаешь кто, – бессильно вырвалось у него. Он задышался.

– Да кто, кто? – уже почти свирепо вскричал Иван. Вся сдержанность вдруг исчезла.

– Я одно только знаю, – все так же почти шепотом проговорил Алеша. – Убил отца *не ты*.

– «Не ты!»! Что такое не ты? – ошолбенел Иван.

– Не ты убил отца, не ты! – твердо повторил Алеша» [7, с. 39–40].

В этом небольшом эпизоде пять раз повторяется речевая ситуация «кто – не ты». В самой главе, которая носит такое же название («Не ты, не ты!» – часть четвертая, глава одиннадцатая), эта оппозиция встречается еще не раз. Достоевскому очень важно закрепить эту апофатическую модель, содержащую в себе пустоту без ответа. «Если не я, то кто?», «неважно кто, если не ты», «ответь себе сам» – вариантов возможных определений может быть множество именно в силу того, что в самой модели такого ответа нет.

Дальнейший диалог приводит братьев к противоположным выводам и к неизбежному разрыву: Алеша хочет облегчить муки совести Ивана, зная о его максимализме, Иван же чувствует, что брат слишком близко подошел к его тайным кошмарам, в которых черт убеждает его в необходимости признаться в убийстве отца. Герои-идеологи у Достоевского тоскуют о невозможности ощутить Божественную благодать, но черта представляют себе достаточно ясно. «– Э-эх, Соня! – вскрикнул он (Раскольников. – В. К.) раздражительно <...> Я хотел тебе только одно доказать: что черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! Насмеялся он надо мной...» [5, с. 322].

О типологической связи образов Раскольникова и Ивана говорилось не раз [6; 11; 12]. Однако «Братья Карамазовы» гораздо сложнее по уровню общей идеи и степени ее воплощения. Родион Раскольников – фигура незаурядная, но единичная. Его идея разными гранями воплощается в двойниках, но сам он расколот только собственным сознанием. В этом его сходство с Иваном.

Иван уже не принадлежит только себе. Он часть Карамазовых – сын своего отца и брат своих братьев. «Писатель изображает трех братьев как *духовное единство*. Это – соборная личность в трояственной своей структуре: начало разума воплощается в Иване: он логик и рационалист, прирожденный скептик и отрицатель, начало чувства представлено Дмитрием: в нем «сладогласие насекомых» и вдохновение эроса, начало воли, осуществляющей себя в деятельной любви как идеал, намечено в Алеше. <...> Всякая человеческая личность несет в себе роковое раздвоение: у законных братьев Карамазовых есть незаконный брат Смердяков: он их воплощенный соблазн и олицетворенный грех» [11, с. 521]. Поэтому и вина за убийство у них общая, и каждый несет в себе ее часть. И если личность Раскольникова несет в себе роковое раздвоение, то синтетическая личность Карамазовых отражает катастрофическую разобщенность целого.

Спасти Раскольникова можно было через признание им своей вины, то есть через своеобразное «взросление». Именно поэтому он, не желающий становиться взрослым, бежит сам от себя: «Я себя убил, а не старушонку...» [5, с. 322]. Его оцеление может произойти и происходит только в том случае, если принятие наказания станет частью его восприятия мира. Поэтому и акцент в роковом объяснении с Порфирием стоит на личном местоимении: «не Миколка, а *вы*», – выделяет курсивом Достоевский. Порфирий, кстати, и объясняет Раскольникову целесообразность явки с повинной, акцентируя его молодость и в силу этого перспективность дальнейшего развития.

Карамазовых трудно назвать детьми. Причина лежит в их всепоглощающем сладогласии, которого совершенно лишен Раскольников. Их ответственность за жизнь – это ответственность взрослого. Она субстанциональна, как и само понятие братства. Неслучайно старец Зосима говорит: «Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся» [6, с. 286–287]. Искупить вину отцеубийства в данном случае гораздо сложнее, чем признать ее и отбыть наказание. Предстать перед судом готовы и Дмитрий, и Иван. У каждого

из них своя мотивация, но она не является спасительной, поскольку демонстрирует только часть разорванного целого.

Ранее мы говорили о том, что Достоевскому конца семидесятых годов свойственно видеть мир через призму семьи. Эта черта отражается и в его публицистике. Анализируя статью из «Дневника писателя» 1877 года «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать», мы приходим к выводу о признании всемирного единения как пророческом сценарии будущей истории человечества. «Достоевскому удастся не только зафиксировать и воплотить в художественном слове особенности “сиротского” мироощущения русского человека, выросшего без отца и матери в непреходящей тоске по ним и их небесным проекциям, но и расширить понимание семьи до народного единения как внутри России, так и вокруг нее. «Семья» славянских народов, видимо, подчиняется тем же законам распада-единения, что и любая другая» [10, с. 29]. Для писателя равно важны две составляющие будущего мироустройства: семья как братское единство детей, познавших отторжение родителей и междоусобные распри, и Россия, вбирающая в себя все народы, желающие добровольного объединения вокруг ее границ. Эта позиция не имеет публицистического выражения в «Братьях Карамазовых», но идейно пронизывает художественное единство романа.

Идея всемирного единения человечества как результата духовного преображения человека является тем выстраданным откровением, которое завещает Достоевский последующим поколениям. Это гениальный пробор в будущее, недостижимость которого в настоящем вполне осознавалась писателем. Его «не ты!» в диалоге двух братьев, выделенное авторским курсивом, свидетельствует именно об этом. «Не ты!» – значит, я, он, любой из нас в отдельности и все мы вместе, поскольку только в таком случае возможен путь к гармонии человеческого общинотия.

Таким образом, центральный сюжетобразующий вопрос детективного романа становится у Достоевского тем фокусом, который собирает воедино его размышления разных лет. «Кто убил?» предполагает развертку каждого слова: в части местоимения размещается колоссальный русско-европейский этнос, ассимилирующий основные идеи современности, глагол фиксирует роковое отступление от этических норм, а вопросительный знак задает ту пустоту, в которой русское сознание обречено искать ответы о грядущем мироустройстве.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972. 470 с.
2. Блюменкранц М. А. Жанр легенды в творчестве Ф. М. Достоевского (историко-философский генезис) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1991. 22 с.
3. Ветловская В. Е. Некоторые особенности повествовательной манеры в «Братьях Карамазовых» // Русская литература. 1967. № 4. С. 67–68.
4. Гроссман Л. П. Достоевский-художник (законы композиции) // Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959. 540 с.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. VI. Л. : Наука, 1973. 423 с.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. XIV. Кн. I–X. Л. : Наука, 1976. 511 с.
7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. XV. Кн. XI–XII. Эпilog. Рукописные редакции. Л. : Наука, 1976. 624 с.
8. Егоренкова Г. М. Поэтика сюжетной ауры в романе «Братья Карамазовы» // Филологические науки. 1971. № 5. С. 27–40.
9. Кичигина В. «Все же я не совсем шутил...» (Иван Карамазов на пути к Христу) // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре : материалы V Международного молодежного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. Белгород : БУКЭП, 2017. 840 с.
10. Кичигина В. Пророчество как черта поэтики позднего Достоевского // Научные ведомости Белгородского государственного университета : науч. рецензируемый журнал. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. № 24 (221). Вып. 28. Декабрь 2015. С. 25–30.
11. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество / К. Мочульский // Гоголь. Соловьев. Достоевский. М. : Республика, 1995. 607 с.
12. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М., 1990. 429 с.
13. Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1981. 382 с.
14. Савченко Н. К. О соотношении временных планов в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологический сборник. Алма-Ата, 1973. Вып. 12. С. 25–32.
15. Савченко Н. К. Сюжетосложение романов Ф. М. Достоевского. М., 1982. 182 с.

The non-obvious answer to a simple question ("Who killed?" in Dostoevsky's novels)

V. V. Kichigina

PhD of Philological Sciences, associated professor of Russian language and Russian literature Department,
Belgorod National Research State University.
Russia, Belgorod. ORCID: 0000-0002-6761-0087. E-mail: vikdara@rambler.ru

Abstract. The relevance of this research is determined by the peculiarity of the work of F. M. Dostoevsky, whose artistic method includes a paradoxical combination of topical questions and eternal answers. The purpose of the article is to identify important features of the spiritual evolution of the author of the five great novels in their projection on the artistic creativity of the writer. The subject of research is two novels – "Crime and punishment" and "The Karamazov Brothers" – which opens and ends "The Great Pentateuch". The author of the article considers two correlated episodes in which a similar question "who killed?" is answered in a diametrically opposite way. Investigating the plot-forming function of these episodes in the artistic space of "Crime and punishment" and "The Karamazov Brothers", the author comes to the conclusion that the artistic function of the answers to the presented question is different and is dictated by the features of the writer's worldview in different periods of life. If in the second half of the sixties he was interested in the problem of individualism and the form of its expression in the actual ideas of time (the idea of Napoleon, the idea of rational egoism), then a decade later Dostoevsky reflected on ways to overcome human disunity not only within the framework of personality psychology, but also for humanity as a whole. Accordingly, the view of the problem of guilt changes: the need for its recognition is recognized by the writer for the hero-individualist, but in the context of the global problem of loss of spiritual guidance, it is much more important to realize your personal involvement in the world's evil. The scope of the results is determined by the specifics of the research and can be extended to courses in the history of Russian literature, the history of philosophy and cultural studies, special courses on the works of F. M. Dostoevsky in higher educational institutions.

Keywords: question, genre, spiritual evolution, artistic space.

References

1. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. M. Hudozhestvennaya literature. 1972. 470 p.
2. Blumenkranz M. A. *Zhanr legendy v tvorchestve F. M. Dostoevskogo (istoriko-filosofskij genesis) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre of the legend in the work of F. M. Dostoevsky (historical and philosophical genesis) : abstr. dis. ... PhD of Philol. Sciences]. Kharkiv. 1991. 22 p.
3. Vetlovskaya V. E. *Nekotorye osobennosti povestvovatel'noj manery v "Brat'yah Karamazovyh"* [Some features of the narrative manner in "The Karamazov Brothers"] // *Russkaya literatura* – Russian literature. 1967. No. 4. Pp. 67–68.
4. Grossman L. P. *Dostoevskij-hudozhnik (zakony kompozicii)* [Dostoevsky-artist (laws of composition)] // *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo* – Creativity of F. M. Dostoevsky. M. 1959. 540 p.
5. *Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment] / F. M. Dostoevsky // *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t.* – Complete works : in 30 vols. Vol. VI. L. Nauka. 1973. 423 p.
6. *Dostoevskij F. M. Brat'ya Karamazovy* [The Karamazov Brothers] / F. M. Dostoevsky // *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t.* – Complete works : in 30 vols. Vol. XIV. Books I-X. L. Nauka. 1976. 511 p.
7. *Dostoevskij F. M. Brat'ya Karamazovy* [The Karamazov Brothers] / F. M. Dostoevsky // *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t.* – Complete works : in 30 vols. Vol. XV. Books XI–XII. Epilogue. Handwritten editions. L. Nauka. 1976. 624 p.
8. Egorenkova G. M. *Poetika syuzhetnoj aury v romane "Brat'ya Karamazovy"* [Poetics of the story aura in the novel "The Karamazov Brothers"] // *Filologicheskie nauki* – Philological Sciences. 1971. No. 5. Pp. 27–40.
9. Kichigina V. *"Vse zhe ya ne sovsem shutil..." (Ivan Karamazov na puti k Hristu) ["Yet I was not entirely joking..." (Ivan Karamazov on the way to Christ)]* // *Nravstvennye imperativy v prave, obrazovanii, nauke i kul'ture : materialy V Mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma, provodimogo po blagosloveniyu mitropolita Belgorodskogo i Starooskol'skogo Ioanna* – Moral imperatives in law, education, science and culture : materials of the V International youth forum, held with the blessing of Metropolitan John of Belgorod and Sary Oskol. Belgorod. BUKEP. 2017. 840 p.
10. Kichigina V. *Prorochestvo kak cherta poetiki pozdnego Dostoevskogo* [Prophecy as a feature of poetics of the late Dostoevsky] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta : nauch. recenziruemyy zhurnal. Gumanitarnye nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psihologiya* – Scientific herald of the Belgorod State University : scientific peer-reviewed journal. Humanities. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology. No. 24 (221). Is. 28. December 2015. Pp. 25–30.
11. Mochul'skij K. *Dostoevskij. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and creativity] / K. Mochul'skij // *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij* – Gogol. Soloviev. Dostoevsky. M. Respublika. 1995. 607 p.

12. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoj mysli 1881–1931 godov* – About Dostoevsky. Dostoevsky's work in Russian thought 1881–1931. M. 1990. 429 p.
13. *Odinokov V. G. Tipologiya obrazov v hudozhestvennoj sisteme F. M. Dostoevskogo* [Typology of images in the artistic system of F. M. Dostoevsky]. Novosibirsk. 1981. 382 p.
14. *Savchenko N. K. O sootnoshenii vremennyh planov v romane Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"* [On the ratio of time plans in Dostoevsky's novel "The Karamazov Brothers"] // *Filologicheskij sbornik* – Philological collection. Alma-Ata. 1973. Is. 12. Pp. 25–32.
15. *Savchenko N. K. Syuzhetoslozhenie romanov F. M. Dostoevskogo* [The plot structure of the novels of F. M. Dostoevsky]. M. 1982. 182 p.

Циклизация повестей в творчестве В. А. Соллогуба 1840-х годов

В. Д. Петухов

аспирант факультета филологии и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-6346-2171. E-mail: vict.petukhoff@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется специфика единства художественного мира прозы известного писателя В. А. Соллогуба в период его основной творческой активности, в 1840-е годы. Большинство исследователей рассматривают творчество писателя как набор отдельных повестей, связанных между собой исключительно местом их действия – большим светом, не замечая более глубокой связи этих произведений друг с другом. Новизной данной научной статьи является то, что в ней представлена первая всеобъемлющая попытка посмотреть на большинство повестей Соллогуба 1840-х годов как на единый текст, объединенный в циклы повестей. Актуальность обращения к данной теме обусловлена ростом интереса со стороны современных исследователей к творчеству Соллогуба и отсутствием всеобъемлющей научной работы, включавшей бы в себя не только анализ уже хорошо известных публике произведений, но и обращение к поздним, малоизученным повестям писателя. В ходе исследования выявляются два основных сквозных мужских персонажа, «сшивающих» повести Соллогуба друг с другом (Сережа, Леонин) в единое целое. Помимо этого, выделяются второстепенные, вспомогательные персонажи, которые выполняют во многом схожие функции (Щетинин, Саша, князь Мухрабатов). Также через сережин и леонинский циклы в статье устанавливается связь художественного мира Соллогуба с произведениями Пушкина и Лермонтова. Наконец, проводится анализ «дамского» цикла Соллогуба «Жизнь светской женщины», который до сей поры являлся практически не изученным современной литературоведческой наукой. Произведения, выделенные писателем в этот цикл («Бал», «Две минуты», «Княгиня» и «Старушка»), однако, также имеют глубинную связь с предыдущими произведениями писателя. Особое внимание в этом цикле уделено повести «Старушка», завершающей его, но опубликованной ранее отдельным произведением в отрыве от других повестей цикла. Рассмотрение этого произведения в контексте цикла позволяет переосмыслить понимание этой повести, по-новому посмотреть на некоторые детали, которые не представляют собой интерес в отрыве от цикла. Автор статьи приходит к выводу, что тесная взаимосвязь произведений Соллогуба между собой позволяет говорить о его повестях не просто как о некоем едином тексте, а как о едином, цельном художественном пространстве писателя, что отчасти компенсирует в его творчестве отсутствие крупного по объему, масштабного произведения.

Ключевые слова: русская литература XIX века, светская повесть, творчество В. А. Соллогуба.

Творчество В. А. Соллогуба принято обычно рассматривать как набор отдельных друг от друга повестей, связанных между собой исключительно местом действия – «большим светом», а самого писателя также ограничивать рамками знатока нравов высшего общества. Об этом в частности пишет М. Белкина: «За время с 1837 по 1843 год он печатает ряд повестей ("Два студента", "Три жениха", "История двух калош", "Большой свет", "Лев", "Аптекарьша", "Медведь" и др.). Все эти произведения легко укладываются в общий шаблон светской повести: та же узко ограниченная среда, та же любовная интрига, то же легкое, чуть насмешливое осуждение пустоты и испорченности большого света» [1, с. 7]. Похожую позицию занимает и другой известный исследователь творчества писателя И. Чистова: «Повести Соллогуба принадлежали к особой внутрижанровой группе, которая получила название "светская повесть"» [18, с. 8].

Однако это не совсем так. Повести его не ограничивались только лишь описанием жизни «большого света». Во-первых, он регулярно создавал произведения, описывающие не только столичную, но и провинциальную жизнь. А во-вторых, постоянно экспериментировал с жанрами. Из-под его пера в разное время выходили и повесть о гении («История двух калош»), и повесть бытовая («Аптекарьша»), и даже повесть фантастическая («Бал»).

Правда, экспериментируя с жанрами, Соллогуб не экспериментировал с формой своих произведений: на написание крупного романа он так и не вышел. Исключением, конечно, можно назвать «Тарантас», однако, пусть жанровая структура этого произведения Соллогуба довольно сложна и самобытна, что позволяет ей выйти за рамки обыкновенной повести, но

все же романом «Тарантас» назвать никак нельзя. Так или иначе вопрос о создании писателем крупного, эпического произведения представляется весьма важным, так как, по мнению литературоведа А. С. Немзера, оно являлось «попыткой выйти из круга раз и навсегда определенных тем» [5, с. 11]. К слову, тот же Немзер в одном из своих ранних исследований выяснил, что Соллогуб все же такое большое произведение планировал: «Роман Соллогуба должен был охватить разные сферы жизни: провинция и столица, высший свет и чиновничество, в эпилоге его мог быть описан и театр военных действий» [4, с. 88]. Однако замысел этот так и не нашел воплощения в жизни. С. И. Ермоленко и Н. А. Валек в исследовании, посвященном позднему роману Соллогуба «Через край», приходят к выводу, что писатель на тот момент просто «еще не был готов к созданию произведения “большой формы”» [2, с. 18].

Сам Соллогуб, возможно, осознавая в своем творчестве недостаток этого самого «большого произведения», прибегнул к несколько иной форме воплощения большого плана в жизнь, а именно – к циклизации своих повестей. Первым на это обратил внимание все тот же Немзер: «Бессобытийность прозы Соллогуба внутренне связана с ее фрагментарностью. Мир здесь мыслится мозаичным, состоящим из фрагментов. Не случайно Соллогуб прибегает к циклизации своих повестей, объединяет их в сборник “На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни”. Из отдельных повестей и рассказов в данном случае вырастает не роман (как в “Герое нашего времени”), но все-таки некий единый текст, по сути неизменный, но при этом не имеющий конца, постоянно меняющийся и “неполный” – хроника светской жизни» [5, с. 11].

Это верное утверждение Немзера можно уточнить лишь в том, что, как нам кажется, произведения Соллогуба являют собой не просто «некий единый текст», а скорее цельное, единое художественное пространство писателя, которое связывают между собой не только общие мотивы или сюжеты, но и порой даже общие герои, на что обращает внимание и Немзер, правда, как нам представляется, ученый не придает этому слишком много значения: «Мир соллогубовской прозы внутренне един, здесь все знакомо и все повторяется: лица, ситуации, детали. Герои переходят из рассказа в рассказ: Сережа действует также в “Происшествии на железной дороге”, Щетинин из “Большого света” появляется на периферии повествования в “Медведе”» [5, с. 9].

На наш взгляд, этому аспекту в творчестве Соллогуба стоит уделить чуть больше внимания. Поэтому, взяв за основу тезис Немзера о единстве художественного мира Соллогуба, попытаемся найти более глубокие связи произведений Соллогуба друг с другом, а также, возможно, вписать художественный мир Соллогуба в контекст всей русской литературы, находя общее с главными произведениями тогдашней русской литературы.

Итак, в качестве первого примера связующего героя, который белыми нитками сшивает светский мир салонов и гостиных Соллогуба, можно взять Сережу, героя одноименной повести. К слову, в данном случае его ничем не примечательный, усредненный портрет наиболее удачно подходит для этой «связывающей» функции. «Он добрый малый, гвардейский щеголь. Вы его видели *везде*» [14, с. 20]. Это «везде» в данном случае предполагает и то, что Сережа и десятки таких же «сереж» и «саш» в качестве безымянной массовки переходят из одной повести Соллогуба в другую. И автор, и читатель просто не замечают их, а между тем это именно они отплясывают на многочисленных балах, скучают в театрах и томно вздыхают на светских раутах подле красавиц. Просто делают они это незаметно, на заднем фоне, создавая тем самым атмосферу большого света. Однако наш Сережа, как, правда, и все прочие «сережи», несмотря на всю свою заурядность, обычным человеком себя не считает. Он в этом отношении следует словам Пушкина: «Мы всех нулями почитаем, а единицами – себя» [6, с. 38]. Цитирование «Евгения Онегина» в контексте разбора образа Сережи приведено нами совсем не случайно. Дело в том, что Сережа в повести, словно подражая Онегину, старательно повторяет весь его путь, начиная от побега из большого света в деревню и заканчивая трагичным финалом. Учитывая связывающую функцию Сережи с одной стороны и его явное подражание Онегину с другой, можно сделать смелое предположение, что он, возможно, где-либо пересекался с самим Онегиным или, по крайней мере, был знаком с его историей.

Вполне вероятно, мог Сережа знать и историю другого знакового героя русской литературы – Печорина. Повесть «Приключение на железной дороге», в которой Сережа также является главным героем, выполнена в форме дневниковых записей героя, что также можно расценить как подражание печоринскому журналу. Помимо этого, в текст повести перешла и таинственно-авантюрная атмосфера главы «Тамань» из «Героя нашего времени». Здесь также присутствует загадочная незнакомка, регулярно совершающая таинственные поездки, толь-

ко не по морю, как лермонтовская Ундина, а по железной дороге. Таинственный старый дом, где обитает весьма странная компания: старуха с пестрым платком и какой-то весьма подзрительный мужчина с взглядом, «подобным сверкающим углям» [13, с. 171].

Кстати будет сказать, что помимо Сережи в галерее двойников «лишних людей» напрашивается и герой другой повести Соллогуба «Лев». В характере этого петербургского денди можно найти онегинские черты: «Сердце же его – мрачная пучина; вся молодость его – неразгаданная мистерия, демоновская загадка...» [11, с. 60]. Образ жизни льва и его повседневные привычки также в чем-то перекликаются с онегинскими: лев спит до обеда, пока его пробуждения в гостиной дожидаются многочисленные кредиторы, которым он должен, по вечерам любит ходить в театр. Даже в своих отношениях с женщинами герой Соллогуба будто бы следует формуле Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей» [6, с. 71]. Однако, пожалуй, лев, подражая Онегину, доводит это пушкинское изречение до полной абсурдности: «С женщинами он вообще суров и даже груб, но позволяет им, однако ж, себя любить и даже иногда нисходит до такой откровенности, что бедным нашим дамам надлежало бы закрыть уши» [11, с. 60].

Но если тот же Сережа хотя бы внешне кажется серьезным, даже пытается «хандрить» и имитировать серьезные душевные переживания, то лев о таких пустяках не заморачивается. Ему абсолютно чужда всякая хандра, он всегда бодр и весел, что, правда, делает его еще глупее того же Сережи. Создается впечатление, что если Сережа волею автора подражает Онегину, то лев в лучшем случае подражает Сереже. Таким образом, если Сережа является своеобразной карикатурой на Онегина, то лев – карикатурой на Сережу. Тем более ироничным звучит в этом смысле прямое обращение Соллогуба ко льву как к «герою нашего времени»: «...О веселый рыцарь нашего века, герой нашего времени!.. Заезжай за мной вечером» [11, с. 67].

Помимо этого, персонаж по имени Сережа среди прочих появится также в повести «Медведь», о чем, кстати, не упоминает Немзер. Больше того, помимо Сережи в эту повесть перекочевал и его друг Саша, который являлся второстепенным героем первой повести о Сереже, что позволяет еще крепче, на двойной узел связать эти произведения друг с другом. Соллогуб даже награждает двух друзей фамилиями, что, правда, не придает им индивидуальности, а скорее еще больше типизирует их. Они по-прежнему только лишь «добрые малые», типичные «маленькие люди большого света»: «Военные были добрые ребята: корнет Саша Хлыстин, поручик Сережа Шпорин и штабс-ротмистр Адам Адамыч Шонингбуш, немец» [12, с. 379].

Однако и на этом история Сережи в произведениях Соллогуба не заканчивается. Он еще однажды промелькнет на страницах самой главной книги автора, «Тарантаса», но уже в качестве внефабульного персонажа. В главе «Русский барин» приехавший из Парижа князь, ведя беседу с Иваном Васильевичем, упомянет Сережу: «Вы помните маленькую герцогиню Бенвильскую?.. Она теперь с нашим русским, с Сережей» [17, с. 273]. Казалось бы, совершенно незначительная на первый взгляд фраза, всего один незаметный стежок, который тем не менее позволяет нам говорить о «Тарантасе» как о важной части единого художественного мира Соллогуба, а не как о произведении, стоящем в его творчестве особняком.

Что же касается фигуры самого князя, то для него «Тарантас» также не является «дебютом» в повестях Соллогуба. Впервые этот персонаж появился в том же самом «Медведе» вместе с Сережей и Сашей под фамилией князя Мухрабатова. Доказать, что два этих героя – одно и то же лицо, достаточно легко: во-первых, у них одинаковый титул, а во-вторых, совершенно одинаковое пренебрежение ко всему русскому: «Между тем князь Мухрабатов вернулся из-за границы... Говорил он вообще мало и только о заграничной жизни; к России и русскому нашему быту относился слегка и с некоторым пренебрежением...» [12, с. 403]. Таким образом, Соллогуб добавляет еще один стежок между «Тарантасом» и остальными своими произведениями.

А уже от «Медведя» можно протянуть ниточку к повести «Большой свет», благодаря князю Щетинину, который, как говорил Немзер, «появляется на периферии» этой повести. «Около этого времени странный слух распространился по дачам петергофской дороги. В среду, говорили, будет бал... Князь Щетинин отделал свою дачу и желает показать ее во всем блеске. Князь Щетинин умеет жить» [12, с. 411].

Щетинин является маленькой, но очень важной ниточкой, через которую мы подходим к другому узловому персонажу всего творчества Соллогуба – Михаилу Леонину. Фамилия героя, созвучная с Лермонтовым, взята Соллогубом намеренно. В истории Леонина действительно можно увидеть много перекличек с жизнью Лермонтова. Однако Леонин, подобно тому же Сереже, лишь копирует неординарную судьбу великого поэта. Впервые герой этот по-

является в повести «Большой свет» и, что характерно, на маскараде: «Он недавно только был прикомандирован из армии к одному из гвардейских полков и, после шестимесячного пребывания в Петербурге, в первый раз был в маскараде» [8, с. 84]. В финале же повести Леонин, подобно своему прототипу, отправляется на Кавказ из-за несостоявшейся дуэли как раз со Щетининым, никому не нужный и всеми покинутый, о чем говорит ему его друг Сафьев: «Поезжай себе: ты ни для графини, ни для Щетинина, ни для повестей светских, ни для чего более не нужен... Поезжай на Кавказ, а я покуда отправлюсь на Волково поле, где противники наши, чай, бесятся на морозе» [8, с. 151].

Однако, в отличие от Лермонтова, Леонин все же вернется с Кавказа, для того чтобы рассказать нам от своего лица повесть «Бал», которая в свою очередь открывает собой цикл «Жизнь светской женщины». Леонин, таким образом, словно бы подхватывает эстафету у Сережи, пришивает к «одеялу» повестей Соллогуба еще четыре лоскутка, так как в цикл входит именно четыре повести. Помимо «Бала», это также «Две минуты», «Княгиня» и «Старушка».

Правда, если Сережа, как мы убедились, довольно часто мелькает в повестях Соллогуба, то вот Леонин после «Бала» пропадает из текста произведений писателя вовсе. По крайней мере, напрямую, поэтому о его судьбе мы можем только гадать. Есть лишь некие полунамеки, из которых мы можем предположить, что судьба Леонинова, скорее всего, сложилась трагически, как и лермонтовская.

Вообще, с точки зрения связи произведений друг с другом, цикл «Жизнь светской женщины» представляется куда более сложным, нежели уже рассмотренные нами произведения. Здесь нет как таковых общих героев, а точнее героинь. Соллогуб в этом смысле стал работать намного тоньше, пользуясь уже не белыми, а скорее прозрачными нитками. В каждой повести нам представлены на первый взгляд совершенно разные героини. Разные и по возрасту, и по положению в большом свете. Тем не менее эти разные героини словно бы живут одну и ту же жизнь, продолжают судьбу друг друга. Так, в повести «Бал» перед нами еще совсем молодая княжна, которая, как снится Леонину, ненавидит свою светскую показную жизнь. В повести «Две минуты» графиня Красносельская (кстати, единственная во всем цикле героиня с фамилией), уже вышедшая замуж, но все еще молодая женщина, наследует от своей молодой предшественницы нелюбовь к большому свету. Однако в конце концов графиня уступает свету и становится типичной светской дамой. Леонин, как мы уже сказали выше, исчезает из цикла, однако лермонтовские мотивы в тексте остаются, причем открываются Соллогубом с неожиданной стороны. Например, как ни странно, портрет главной героини имеет сходство с Печориным: «Она была красавицей в полном смысле слова. Высокая ростом, с **черными глазами и густыми ресницами, с светло-белокурыми локонами**, падавшими около правильного овала **детски-нежного лица**; она олицетворяла самую взыскательную, самую светлую фантазию поэта. Но в то же время что-то холодное отражалось в чертах ее» [9, с. 126].

Сравним внешний облик графини со знаменитым портретом Печорина, в котором даже сам автор-повествователь обращает наше внимание на то, что в облике Печорина проскальзывает довольно много «женственного»: «...В его улыбке было что-то **детское**. Его кожа имела какую-то женскую нежность; **белокурые волосы**, выющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб... Несмотря на **светлый цвет его волос**, усы его и **брови были черные** – признак породы в человеке» [3, с. 64].

Общность эта, да и весь дальнейший сюжет повести показывает, что перед нами женщина для своего светского круга во многом исключительная, попытавшаяся противопоставить себя свету, правда, в конце концов проигравшая среде своего обитания и, увы, ставшая типичной светской женщиной. Точно такой же, какой является **княгиня**, героиня одноименной третьей повести цикла, которая, словно бы пытаясь исправить ошибку предшественницы, пробует вырваться из большого света, но безуспешно. В повести «Княгиня» также проявляется лермонтовский мотив маскарада, а также впервые появляются намеки на возможную судьбу Леонинова. Раскаившаяся княгиня вспоминает о годах своей ранней юности, когда в нее был влюблен «один молодой человек и с усами, и адъютант, который любил ее страстно, который ей нравился. Но он был небогат, незнатен, и она его не выбрала... Бедного адъютанта убили на Кавказе. Она узнала о том на бале – и в лице не изменилась, и всю ночь протанцевала...» [10, с. 235–236]. Конечно, прямо сказать, что за безымянным адъютантом скрывается именно Леонин, нельзя. Но сходство с Лермонтовым, а значит, и с Леониным очевидное. Соллогуб, повторимся, стал работать куда тоньше, что говорит о его несомненном писательском росте при работе над этим циклом.

Старушка же, героиня заключительной повести цикла, может лишь с грустью вспоминать о своей утраченной за ошибками молодости. То, что внешне разные героини являются по сути своей воплощением одной женской судьбы, косвенным образом указывает и описка Соллогуба, которую не заметили при издании повести «Старушка» в 1855 году. В двух соседних абзацах старушка сначала величается графиней, а уже через несколько строчек повышается в титуле до княгини: «Мне совестно, заключила **графиня**: предложить вам какое-нибудь жалованье... С своей стороны, я надеюсь, что вы не откажетесь помочь бедной старухе. Эти слова выговорила **княгиня** с некоторым кокетством» [15, с. 296]. К слову, опечатку эту долгое время не замечали и советские издатели. Так, в издании «Повестей и рассказов» Соллогуба 1962 года титулы «графиня» и «княгиня» в этом же отрывке мирно соседствуют друг с другом. Ошибку обнаружили и исправили, но уже в издании 1983-го года, где графиня остается графиней: «Мне совестно, заключила **графиня**: предложить вам какое-нибудь жалованье... С своей стороны, я надеюсь, что вы не откажетесь помочь бедной старухе. Эти слова выговорила **графиня** с некоторым кокетством» [16, с. 486].

Важно отметить, что повесть «Старушка» единственная из всего цикла была опубликована в СССР как отдельное произведение, что несколько обеднило ее смысловое значение. Так, литературовед Н. Якушин не нашел в этом произведении Соллогуба чего-то принципиально нового или оригинального: «...Ничего принципиально нового писатель в ней [в «Старушке»] не сказал, а лишь снова повторил свою излюбленную мысль о необходимости каждому сословию выполнять собственную раз и навсегда predetermined роль» [19, с. 17].

В этом отношении с Якушиным можно поспорить, ведь в контексте всего цикла о жизни светской дамы значение «Старушки» намного больше, нежели представляется исследователю, который рассматривал ее как отдельное произведение. Например, некоторые художественные детали полностью раскрываются перед нами только при прочтении именно всего цикла, в то время как при прочтении «Старушки» как отдельного произведения они теряют свою художественную и смысловую нагрузку. Так, Соллогуб композиционно обрамляет цикл двумя одинаково начинающимися монологами, носящими исповедальный характер. Начинается цикл горячим и эмоциональным монологом молодой княжны в повести «Бал» («**Выслушайте меня**, поймите меня, простите меня...» [7, с. 117]). Заканчивается же цикл длинным монологом-поучением старой графини/княгини в «Старушке» («**Выслушай меня**... Я старуха, следовательно, много видела, много испытала, могу многое сравнить» [15, с. 332]). Также важно отметить и еще одну деталь: старушка, произнося свой монолог, держит в руках старую табакерку с затертым портретом неназванного молодого человека, в которого она когда-то, видимо, была влюблена. «Эта табакерка была украшена портретом какого-то господина, в красном мальтийском кафтане, с орлиным носом, быстрыми глазами и напудренным тупе-ем...» [15, с. 330]. Ни сама старушка, ни Соллогуб не открывают нам имени этого человека, но сам факт того, что она тоже когда-то была влюблена, придает речи старушки совершенно иную, куда более лиричную, а вовсе не реакционную тональность, как представляет Якушин.

Таким образом, подводя итоги нашему небольшому исследованию, можно говорить о том, что, хотя Соллогуб так и не написал в 1840-е годы крупного произведения, которое обобщало бы его творчество, все его повести не были разрозненными отдельными произведениями, а составляли собой единую ткань собственного художественного мира писателя, в котором все было так или иначе связано друг с другом. Свои ранние светские повести Соллогуб включал в циклы, объединенные общим, сквозным героем: Сережа, Леонин, а также второстепенные Саша, Щетинин, Мухрабатов. Зрелый же цикл «Жизнь светской женщины» построен по более трудному принципу типизации главных героинь. Четыре героини разного возраста и статуса, словно эстафету, проживают друг за другом одну – типичную для женщины высшего общества жизнь светской львицы. Каждому периоду этой жизни свойственны разные проблемы. Например, юность – это борьба светского «кукольного» начала в девушке с ее «ангельской» естественной сущностью (княжна из «Бала»), молодость – постепенное превращение женщины в типичную светскую львицу (графиня из «Двух минут»), зрелость – это осознание порочности светского образа жизни, из чего следует неудачная попытка вырваться из пут «большого света» (княгиня из одноименной повести), старость – подведение итогов жизни в «большом свете» (героиня «Старушки»). При этом важно отметить, что проблемы каждого жизненного периода, ошибки и разочарования не уходят вместе с героиней, а в том или ином виде проявляются в жизни принявшей эстафету следующей героини. Соллогуб тем самым подчеркивает, что судьба абсолютно любой женщины в светском обществе типична.

Помимо этого, надо сказать, что дамский цикл, несмотря на его серьезное смысловое усложнение в сравнении с циклами «мужскими» тем не менее тесно связан с ними. Это позволяет говорить нам о произведениях Соллогуба как о едином художественном пространстве.

Список литературы

1. Белкина М. А. Водевиль Соллогуба. М., 1937. С. 7.
2. Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. Е., 2013. С. 18.
3. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. С. 64.
4. Немзер А. С. Литературная позиция В. А. Соллогуба (1830–1840-е годы). С. 88.
5. Немзер А. С. Проза Владимира Соллогуба // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 9–11.
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин. М. : Дрофа, 2012. С. 38–71.
7. Соллогуб В. А. Бал // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 117.
8. Соллогуб В. А. Большой свет // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 84–151.
9. Соллогуб В. А. Две минуты // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 126.
10. Соллогуб В. А. Княгиня // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 235–236.
11. Соллогуб В. А. Лев // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Советская Россия, 1988. С. 60–67.
12. Соллогуб В. А. Медведь // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 1. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 379–411.
13. Соллогуб В. А. Приключение на железной дороге. С. 171.
14. Соллогуб В. А. Сережа // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 20.
15. Соллогуб В. А. Старушка // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 286.
16. Соллогуб В. А. Старушка // Избранная проза / В. А. Соллогуб. М. : 1983. С. 486.
17. Соллогуб В. А. Тарантас // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 273.
18. Чистова В. А. Соллогуб. Повести. Воспоминания. 1988. С. 8.
19. Якушин Н. И. Писатель с замечательным дарованием // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Советская Россия, 1988. С. 17.

Cyclization of stories in the works of V. A. Sollogub in the 1840s

V. D. Petuhov

postgraduate student of the faculty of philology and media communications, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-6346-2171. E-mail: vict.petukhoff@yandex.ru

Abstract. The article examines the specifics of the unity of the artistic world of prose of the famous writer V. A. Sollogub during his main creative activity, in the 1840s. Most researchers consider the work of a writer as a set of separate stories, connected only by the place of their action – the great light, without noticing the deeper connection of these works with each other. The novelty of this scientific article is that it presents the first comprehensive attempt to look at the majority of Sollogub's stories of the 1840s as a single text, combined in cycles of stories. The relevance of this topic is due to the growing interest of modern researchers in the Sollogub's work and the lack of comprehensive scientific work, which would include not only the analysis of works already well-known to the public, but also an appeal to the late, little-studied novels of the writer. In the course of the research, two main end-to-end male characters are identified, "stitching" Sollogub's stories with each other (Seryozha, Leonin) into a single whole. In addition, there are secondary, auxiliary characters who perform many similar functions (Shchetinin, Sasha, Prince Muhrabatov). The article also establishes the connection between the artistic world by Sollogub and the works of Pushkin and Lermontov through Seryozha and Leonin cycles. Finally, the analysis of Sollogub's "ladies'" cycle "The life of a secular woman" ("Zhizn' svetskoj zhenshchiny"), which until now has been practically not studied by modern literary science, is carried out. The works highlighted by the writer in this cycle ("The Ball" – "Bal", "Two minutes" – "Dve minuty", "Princess" – "Knyaginya" and "The old woman" – "Starushka"), however, also have a deep connection with the writer's previous works. Special attention in this cycle is paid to the story "The old woman" ("Starushka"), which ends it, but was published earlier as a separate work in isolation from other stories in the cycle. Considering this work in the context of the cycle allows us to rethink the understanding of this story, to look in a new way at some details that are not of interest in isolation from the cycle. The author of the article comes to the conclusion that the close relationship between Sollogub's works allows us to speak about his stories not just as a single text, but as a single, integral artistic space of the writer, which partially compensates for the lack of a large-scale work in his work.

Keywords: Russian literature of the XIX century, secular novel, creativity of V. A. Sollogub.

References

1. Belkina M. A. *Vodevil' Solloguba* [Sollogub's vaudeville]. M. 1937. P. 7.
2. Ermolenko S. I., Valek N. A. V. A. *Sollogub "Cherez kraj": zabytaya stranica russkoj romanistiki* [V. A. Sollogub "Across the edge": the forgotten page of Russian romanistics]. E. 2013. P. 18.
3. Lermontov M. Yu. *Geroj nashego vremeni* [Hero of our time]. P. 64.
4. Nemzer A. S. *Literaturnaya poziciya V. A. Solloguba (1830-1840-e gody)* [Literary position of V. A. Sollogub (1830-1840s)]. P. 88.
5. Nemzer A. S. *Proza Vladimira Solloguba* [Prose Of Vladimir Sollogub] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories* / V. A. Sollogub. M. Pravda 1988. Pp. 9–11.
6. Pushkin A. S. *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin]. M. Drofa. 2012. Pp. 38–71.
7. *Sollogub V. A. Bal* [The Ball // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 2. Saint Petersburg. A. Smirdin (son). 1855–1856. P. 117.
8. *Sollogub V. A. Bol'shoj svet* [Big light] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories* / V. A. Sollogub. M. Pravda. 1988. Pp. 84–151.
9. *Sollogub V. A. Dve minuty* [Two minutes] // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 2. Saint Petersburg. A. Smirdin (son). 1855–1856. P. 126.
10. *Sollogub V. A. Knyaginya* [The Princess] // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. 2. Saint Petersburg: A. Smirdin (son), 1855–1856. Pp. 235–236.
11. *Sollogub V. A. Lev* [Lion] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories* / V. A. Sollogub. M. Soviet Russia. 1988. Pp. 60–67.
12. *Sollogub V. A. Medved'* [Bear] // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 1. Saint Petersburg. A. Smirdin (son). 1855–1856. Pp. 379–411.
13. *Sollogub V. A. Prikl'yuchenie na zheleznoj doroge* [Adventure on the railway]. P. 171.
14. *Sollogub V. A. Serezha* [Seryozha] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories* / V. A. Sollogub. M. Pravda. 1988. P. 20.
15. *Sollogub V. A. Starushka* [The old woman] // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 2. Saint Petersburg. A. Smirdin (son). 1855–1856. P. 286.
16. *Sollogub V. A. Starushka* [The old woman] // *Izbrannaya proza – Selected prose* / V. A. Sollogub. M. 1983. P. 486.
17. *Sollogub V. A. Tarantas* [Tarantass] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories* / V. A. Sollogub. M. Pravda. 1988. P. 273.
18. Chistova V. A. *Sollogub. Povesti. Vospominaniya* [Sollogub. Novels. Memories]. 1988. P. 8.
19. Yakushin N. I. *Pisatel's zamechatel'nym darovaniem* [Writer with a remarkable talent] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories* / V. A. Sollogub. M. Soviet Russia. 1988. P. 17.

«И ладен строй души, отверстой для любви»: образ Карелии в стихотворениях Беллы Ахмадулиной

К. И. Яшина

аспирант, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-3412-9262. E-mail: ksenkki13@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению образа Карелии в произведениях Б. Ахмадулиной. Материалом исследования стали стихотворения, написанные в июне 1985 года в Сортавале. Показано, что они могут быть рассмотрены как единый цикл. Актуальность работы обусловлена тем, что на данный момент нет исследования, посвященного особенностям репрезентации региона в стихотворениях Ахмадулиной, а вопрос описания края в русской литературе является недостаточно освещенным. Внимание автора сосредоточено на рассмотрении Карелии как места, вписанного в традицию изображения Русского Севера, но выделяющегося из нее. Доказывается, что одной из ее ключевых характеристик в «сортавальском цикле» становится смешение разных культур – русской, финской, карельской, скандинавской. Отмечается, что на первый план в описании выходят звуковые, цветовые и световые особенности пространства. В статье выделяются два символически важных локуса – остров Валаам и Ладожское озеро, с которыми связано доминирующее во всех стихотворениях чувство – гармония. Автор доказывает, что в произведениях представлено поэтапное постижение окружающей местности и попытки высказать впечатления в поэтическом слове. Тема творчества, которая объединяет все рассматриваемые произведения, приобретает новые черты. Характерный для Ахмадулиной мотив уединения и отрешенности стихотворца дополняется темой единения с природой. Близость Валаама трансформирует образ поэта, живущего в одиночестве, дополняет его чертами монаха-колдуна. Также автор отмечает, что Карелия в произведениях маркируется как северное пространство. Высказывается предположение о близости стихотворений смысловой установке Северного текста русской литературы.

Ключевые слова: Ахмадулина, «сортавальский цикл», Карельский текст, Северный текст, Валаам, Ладожское озеро.

К вопросу изображения Карелии в русской литературе исследователи подходят по-разному. В ряде работ она рассматривается как часть обширной территории – Русского Севера, и произведения о ней включаются в Северный текст русской литературы. Географические границы этого понятия определяются как «русские районы Карелии и Коми республики, и северные районы Новгородчины, Кировской и Пермской областей, и Мурманскую область, Кольский полуостров», «территория к северу от водораздела Волга – Северная Двина до берегов Ледовитого океана и от границ с Финляндией до Уральских гор» [3, с. 22]. В других работах Карелия выделяется как самобытная культурная и литературная зона, где на протяжении длительного времени соприкасались непохожие друг на друга этнические общности. А. Б. Изотов отмечает, что «это пространство [Сортавалу] прошли, запечатлев на нем свой след, многие народы: карелы и шведы, финны и русские» [6, с. 149–150], поэтому там уживаются и русская древность, и карельские, финские топонимы, и мифологические образы Калевалы. Говоря об истории художественного освоения местности, исследователи отмечают, что «первым, кто упоминает о землях вокруг Белого моря, Онежского и Ладожского озер, в русской поэзии стал М. В. Ломоносов» [11, с. 38], а затем к этой теме обращаются Ф. Н. Глинка, В. Г. Бенедиктов, Н. А. Клюев, О. Э. Мандельштам и другие поэты.

Нужно отметить, что в работах, посвященных изображению Карелии в литературе, выделяются повторяющиеся природные, климатические и ландшафтные образы и рассматривается вопрос о существовании отдельного локального текста. Так, по мнению И. А. Разумовой, «в “карельском тексте” закономерно преобладают символы мира природы» [12], ключевые из них – скала, лес, вода, а определяющими понятиями для него становятся «заповедность» и «естественность». Отдельные «природные символические комплексы» [13, с. 74] анализируются в статье Н. А. Трубициной на примере творчества М. М. Пришвина. Автор замечает: «В “карельском тексте” вода является важнейшим первоэлементом, из которого состоит мир,

поэтому ряд водных локусов являются для этой территории эмблематичными» [13, с. 76]. Е. И. Марковой была написана программная статья «Карельский текст как предмет изучения». В данной работе высказывается мысль о том, что определяющим фактором для развития литературы края стало его пограничное состояние, «соседство этносов», которое способствовало «сохранению культуры каждого» [7, с. 389] и диалогу между ними. Смысловой центр Карельского текста, таким образом, базируется на идее сближения человека с природой в оторванном от мира пространстве, где переплетаются разные культурные коды. Важнейшими константными признаками территории в литературе и восприятии людей становятся обилие водных объектов, образ леса и скалы.

Кроме того, Карелия в литературе представлена отдельными локусами, такими как Валаам, Киж, Ладожское озеро. Они имеют богатую историю изображения и, по мнению некоторых исследователей, образуют собственные локальные тексты. Так, Н. Л. Шилова предлагает термин «кижский текст» [14, с. 1] и отмечает также, что «на протяжении XX столетия, начиная с текстов Клюева и особенно настойчиво в 1960–1970-е годы, в период самого обильного появления стихов и прозы о кижском острове, в литературных текстах складывается образ особого места, отдаленного и отделенного от бытового пространства края земли, куда в XX столетии бегут новые романтики в поисках чудесного и сакрального» [15, с. 48]. Таким образом, интерес Б. Ахмадулиной к Карелии логично вписывается в современную для нее литературную ситуацию. Кроме того, эти места посещали близкие ей люди, например, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, а Р. Рождественский жил в Петрозаводске, писал и публиковал там первые книги [10, с. 78].

Б. Ахмадулина побывала в Сортавале в июне 1985 года и написала там ряд стихотворений. Сведения об итоге этой поездки содержатся в воспоминаниях Жанны Андреевой: «В первых числах июня 1985-го Борис Мессерер подвез Лизу в Репино, и они с Беллой отправились вместе (без Бориса) в Сортавалу. Возвращение – в конце июня. Целая кавалькада машин с встречавшими подъехала к Финляндскому вокзалу. Вышли на платформу. <...> Когда основной поток рассеялся, я увидела Беллу и Лизу. <...> Они были в тот момент очень похожи, на лицах – и вдохновение, и детское удивление, и еще что-то, какая-то общая тайна, объединившая их двоих там, в Ладожских шхерах. Белла сразу заговорила: “Я столько написала... но все такое... то, что трудно на слух, что лучше глазами читать”. <...> Компания вместились в маленький номер с видом на Летний сад, и впервые прозвучали чудной красоты слова:

Лапландских летних льдов недалняя граница.

Хлад Ладоги глубок, и плавлен ход лады.

Ладони ландыш дан и в ладанке хранится.

И ладен строй души, отверстой для любви» [5, с. 539–540].

В одном из интервью дочь поэта Елизавета Кулиева, которая ездила в Карелию вместе с Ахмадулиной, назвала эти произведения «сортавальским циклом»: «В Сортавале нам дали домик на двоих. Цвела черемуха, мама огромными охапками таскала ее в дом: “она – туоми, и кукива туоми, коль в цвету”. Мама привезла с собой пишущую машинку, которую ей подарил Василий Аксенов. <...> На этой машинке и выстукан потрясающий сортавальский цикл» [5, с. 560].

Исследования, посвященного особенностям репрезентации Карелии в стихотворениях Ахмадулиной, на данный момент нет. Кроме того, вопрос описания региона в русской литературе также требует внимания и уточнения. Цель нашей статьи – рассмотреть особенности образа Карелии в произведениях «сортавальского цикла». Нужно отметить, что само слово «Карелия» не упоминается в текстах, а пространство, окружающее лирическую героиню, чаще всего именуется ей как «север». Однако мы выбрали именно такую формулировку темы, так как в каждом случае Ахмадулина указала место написания – Сортавалу, и в текстах встречаются конкретные топонимы, относящиеся к территории Карелии – Сортавала, Ладога, Валаам. Кроме того, описываемое пространство наделяется специфическими чертами, выделяющими его из «северного» контекста.

В Сортавале Б. Ахмадулина написала целый ряд стихотворений: «Мне дан июнь холодный и пространный», «Шестой день июня», «Черемуха белонощная», «Здесь никогда пространство не игриво», «Я – лишь горы моей подножье», «Лапландских летних льдов недалняя граница», «Лишь июнь сортавальские воды согрел», «Вошла в лиловом в логово и в лоно» и другие. Произведения формально не образуют цикл, большая часть вошла в сборник «Сад». Но, по нашему мнению, их можно рассмотреть как единство по нескольким причинам. Первая причина – история создания. Приведенные выше воспоминания позволяют предположить,

что и Ахмадулина, и ее близкие видели в поездке заверченный творческий акт. В данном контексте интересно и то, что произведения четко датированы, в текстах встречаются указания на время создания – с начала до конца июня. Таким образом, автором была задана четкая последовательность развития лирического размышления. Кроме того, стихотворения объединяет образ места, где находится героиня. Важную роль в его раскрытии играет временная динамика, которая выражается в постоянном накоплении и углублении впечатлений.

Начальный этап знакомства с пространством связан с культурной атмосферой. Это выражается прежде всего в обращении к литературным образам, связанным со скандинавской и финской культурой, что обусловлено близостью Финляндии и Норвегии. В стихотворении «Все шхеры, фиорды...» упоминается имя писателя Гамсуна и героини романа «Пан» фрекен Эдвады. Окружающая обстановка располагает героиню к тому, чтобы перевоплотиться в персонажей, примерить сюжет на себя. Ассоциативный ряд продолжают образы Ибсена и Сольвейг («Я – лишь горы моей подножье...»). Также в некоторых произведениях встречаются упоминания сюжетов карело-финского эпоса Калевалы.

Однако на первый план выходят световые, цветовые и звуковые особенности места. Так, в стихотворении «Ночь: белый сонм колонн надводных», которое открывает цикл, отражено первое впечатление от нового пространства – его звуковая характеристика. Сюжет основан на воспоминаниях о боа из синих перьев актрисы Алисы Коонен, которое Ахмадулина купила на аукционе. Размышления направлены не столько на само событие, сколько на слово «Коонен». Акцент делается на звуковой ассоциации с простором: отсутствие преград, водная гладь, тишина дают возможность произнести этот «удвоенный гласный». Героиня как бы пробует место на звук:

Аа – таков ответ незримых колоколен.

То – эхо возвратил недалёкий Валаам [1, с. 301].

Также при описании окружающей обстановки Ахмадулина уделяет внимание цветам; ключевые из них – серый, черный, серебристый, блестящий, сверкающий, белый. Они формируют оппозицию «север-юг», образно выраженную в сравнении серебра как главного цветового символа Севера и золота как символа Юга. По нашему мнению, такое противопоставление крайне характерно для творчества поэта: оно отразилось в стихотворениях разных лет о Грузии. Южная тема в них раскрывается в образе спасительного и благодатного, но чужого края. Лирическая героиня выступает в них в роли сироты и подкидыша. В «сортавальском цикле» делается акцент на различии ощущений: главная «северная» эмоция – умиротворение, гармония.

Нужно отметить, что такие цветовые характеристики, как серебро, блеск, сверкание, используются в первую очередь для описания Ладожского озера. Этот образ встречается в большинстве произведений цикла и становится своеобразной эмблемой места. Рядом с ним героиня достигает состояния, которое точнее всего можно определить как состояние душевного лада. В стихотворении «Лапландских летних льдов недалёкая граница» созданию такого ощущения способствует прием аллитерации. Акцентирование звука «л», с одной стороны, создает ощущение движения по воде и ее мягких переливов, а с другой стороны, отсылает к ключевому слову – лад.

Значима в цикле и символика белого цвета, который появляется уже в самом начале. Прежде всего этого образ белой ночи, который определяет Карелию как пространство севера. Кроме того, ночь в художественном мире Ахмадулиной выполняет роль сакрального времени, времени поэтических трудов. По замечанию исследователя, «ночь для Ахмадулиной – это средоточие всех необходимых условий для творчества» [2, с. 331]. Отсутствие темноты путает суточный цикл, поэтому в стихотворениях неоднократно появляется образ будильника, он помогает вернуться в привычное время, отделить ночь от дня. Героиня следует за течением ночи («Мне дан июнь холодный и пространный»), разделяет ее на фазы и сверяет ощущения, выраженные в словах, с реальным временем:

Сверяю свет и слово – так аптекарь

То на весы глядит, то на рецепт [1, с. 301].

Время определяется двумя началами – реальным ходом часов и изменениями в природе. Лирическое переживание направлено на поиск связи между ними.

Символику белого продолжает образ черемухи («Черемуха белоночная»), который в «сортавальском цикле» наделяется «северными» чертами: она статная, холодная, сдержанная, отстраненная. Кроме того, в поисках подходящего наименования для цветущего дерева героиня обращается к финскому языку:

Все нежность, нежность. И не оттого ли
растенье потупляет наготу
пред грубым взором? Ведь она – туоми.
И куйва туоми, коль в цвету [1, с. 304].

Таким образом, черемуха несет на себе отпечаток окружающего пространства, а сближение с ней становится одним из способов познать специфику места. Важно также, что этот образ рассматривается исследователями как постоянный спутник творческого процесса у Ахмадулиной. По мнению М. С. Михайловой, его роль заключается в том, чтобы «нивелировать роль рации, активизировать творческое интуитивное начало» [9, с. 195]. В данном контексте попытка установить духовную связь с деревом может быть истолкована как синоним творческих мук. Близость черемухи необходима для появления нового стихотворения.

Сюжет поиска вдохновения поддерживается также мотивом игры. Между героиней и деревом разыгрывается спектакль, театральность действия подчеркивает упоминание имени актера Сальвини:

Ночного света маленькая убыль.
Внутри огня, помоста на краю,
с какой тоской: – Она меня не любит! –
я голосом Сальвини говорю [1, с. 305].

Интересно, что представление творческого процесса как игры – характерный для Ахмадулиной прием, что неоднократно отмечалось исследователями [9]. Итог такой игры – создание нового текста.

В центральных стихотворениях цикла развивается тема творчества, которая объединяет этапы постижения пространства в единый акт поэтической мысли. В данном контексте необходимо сказать еще об одном образе – образе Валаама. Остров рассматривается Ахмадулиной как обитель христианства, располагающая к смирению, организующая все вокруг себя по принципу душевного лада, например, в стихотворении «Лапландских летних льдов не дальняя граница». С образом монастыря в цикл входит мотив отшельничества, уединения. Е. Ш. Галимова отмечает, что в произведениях о русском севере «житийный мотив ухода в лес в стремлении к пустынножительству отражает реальные процессы монастырского освоения Севера и миграции старообрядцев в пореформенный период, получают развитие в поэзии и прозе XX века, дополняясь новыми, иногда неожиданными смысловыми оттенками» [4, с. 66]. По мысли исследователя, бегство от людей в литературе связано с темой поиска идеала, духовного очищения. Мотив неторопливости и умиротворения пространства, которое оказывает колоссальное влияние на человека, делает возможным постижение истин жизни и их перерождение в творческом акте, становится постоянным в «сортавальском цикле». Героиня стихотворения «Не то, чтоб я забыла что-нибудь» достигает максимальной слитности с окружающей природой: она ощущает себя маленькой частью мира и жизни. Ее внутреннее состояние можно охарактеризовать как состояние гармонии:

Я думаю: вернуться ль в род людей,
Остаться ль здесь, где я не виновата
Иль прощена? [1, с. 306].

Интересно также, что монастырская тема дополняется образом монаха-затворника, связанного с ирреальными силами, как, например, в стихотворении «Лишь июнь сортавальские воды согрел». Он создается при помощи таких устойчивых в литературе художественных деталей, как «приворотный отвар», «болотный огонь», «ведовская каморка», «крылатые мыши», «чернокнижная кладовая». Вероятно, чернокнижник в данном случае коррелирует с образом поэта. На это указывает то, что, как мы уже отмечали, сюжет поиска вдохновения в «сортавальском цикле» развивается в контексте слияния с природой. В данном случае роль своеобразного природного «тотема» играет сирень, наедине с которой герой создает «варево мысли». В этом контексте примечательно также стихотворение «Под горой – дом-горюн, дом-горыныч живет». Центральное место здесь занимает образ дома на отшибе, который составляет единое целое с окружающей природой:

Дом причастен воде и присвоен горой.
Помыкают им в очередь волны и камни [1, с. 307].

Слияние с окружающим миром подчеркивается цветом стен – зеленым. Героиня наедине с природой постигает тайны мироздания:

Скудость темени – свалка пустот и чернот.
Необщительность тайны меня одолеет.
О, узреть бы под утро прозрачный чертог
вместо зыбкого хаоса, как Менделеев [1, с. 308].

Таким образом, важная для всего творчества Ахмадулиной тема поэтического труда в стихотворениях, написанных в Сортавале, претерпела изменения. Образ поэта принял очертания монаха-чернокнижника, постигающего тайны жизни, а на первый план вышли природные, а не культурные характеристики места, что крайне необычно для художественного мира поэта, ориентированного на культуру.

Карелия в рассматриваемых произведениях, безусловно, маркируется как северное пространство. На это указывают такие художественные детали, как белая ночь, туман, холод, а также упоминание топонимов – Валаам, Ладога. Кроме того, наблюдается близость к Северному тексту русской литературы. Его главная «смысловая установка», согласно формулировке Е. Ш. Галимовой, заключается «в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства, таящего в себе в «запечатленном» виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [3, с. 21]. Образы лада, ладанки, ладьи создают ассоциативный ряд, отсылающий к русской древности. Особенное душевное состояние, которое героиня достигает благодаря воздействию места, помогает приблизиться к истине и выразить ее в творчестве. Конечно, причастность Ахмадулиной к Северному тексту – открытый вопрос и нельзя сделать однозначного вывода на основе рассмотрения произведений одного периода. Но, на наш взгляд, анализ «сортавальского цикла» позволяет признать само существование этого вопроса.

В завершение подведем итоги. В стихотворениях Б. Ахмадулиной, написанных в Сортавале в 1985 году, пространство становится объектом художественной рефлексии поэта. Безусловно, оно мыслится автором как северное, о чем свидетельствуют такие традиционные образы, как белая ночь и холод, противопоставление югу. Однако образ Карелии обладает рядом характеристик, выделяющих ее из северного контекста. Так, одной из ключевых особенностей места в «сортавальском цикле» является переплетение русской древности и финской, скандинавской, карельской культур. Это выражается и в использовании мифологических образов Калевалы, и в поиске наименований предметов в финском языке, и в литературных отсылках. Кроме того, на первый план в описании выходят природные образы, что необычно для творчества поэта. Важную роль играет водная символика, что связано с такими эмблематичными карельскими локусами, как Ладожское озеро и остров Валаам. По нашему мнению, это свидетельствует о сближении авторского восприятия с константными образами и основной смысловой установкой Карельского текста.

В стихотворениях Б. Ахмадулиной тема Карелии получает новое звучание. Так, мотив обретения гармонии в сближении с природой реализуется в контексте темы поэтического труда и получает иную трактовку: природа дает героине необходимый душевный настрой, помогает приблизиться к истине. В связи с темой творчества в стихотворениях активно развивается мотив колдовства и загадочности места, появляется образ монаха-чернокнижника. Важной особенностью стихотворений, написанных в Сортавале, является то, что они образуют единый цикл, в котором последовательно отражено авторское постижение окружающего пространства. Образ Карелии раскрывается в них в динамике – от первых слуховых и зрительных ощущений до понимания его сути, слияния с ним, воплощения в поэтическом творчестве.

Список литературы

1. Ахмадулина Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе. Москва : Альфа-книга, 2012. 856 с.
2. Башкайкина Д. Мотивная структура концепта «творчество» в лирике Б. Ахмадулиной // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 4. С. 327–335.
3. Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография. Т. 1. Архангельск : Имидж-пресс, 2017. С. 9–26.
4. Галимова Е. Ш. Локус леса в художественной картине мира северного текста // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография. Т. 1. Архангельск : Имидж-пресс, 2017. С. 173–187.
5. Завада М. Р. Белла. Встречи вослед. М. : Молодая гвардия, 2017. 589 с.
6. Изотов А. Б. Магия Сортавалы: пространственно-временные и культурные образы города // Вестник Евразии. 2008. № 1. С. 149–202.

7. Маркова Е. И. Карельский текст как предмет изучения // Филология прошлого и будущего : по материалам Международной науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения» / Н. П. Анциферов. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С. 385–390.
8. Михайлова М. С. Концепт сада и метафора «цветочного времени» в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 192–197.
9. Михайлова М. С. «Таинственный ребенок»: дети и детское начало в поэзии Беллы Ахмадулиной // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2010. № 4. С. 81–86.
10. Патроева Н. В. Карельские мотивы и фольклорные элементы в лирике Р. Рождественского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 87–91.
11. Патроева Н. В. Образы Финляндии и Карелии в русской романтической лирике: формирование поэтической традиции и синтактика тропеических контекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 37–42.
12. Разумова И. А. «Под вечным шумом Кивача...» (Образ Карелии в литературных и устных текстах) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М. : Языки славянской культуры, 2004. URL: <https://bookitut.ru/Geopanorama-russkoj-kul'tury-Provincziya-i-ee-lokal'nye-teksty.18.html>.
13. Трубицина Н. А. Водная стихия как доминанта «карельского текста» в книге Михаила Пришвина «в краю непуганых птиц» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 3. С. 74–77.
14. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Филология прошлого и будущего : по материалам Международной науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения» / Н. П. Анциферов. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.
15. Шилова Н. Л. Остров Киж и русская литература : монография. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-R) ; 12 см.

"And fine is the structure of the soul, open for love": the image of Karelia in the poems of Bella Ahmadulina

K. I. Yashina

postgraduate student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-3412-9262. E-mail: ksenkki13@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the image of Karelia in the works of B. Ahmadulina. The research material was poems written in June 1985 in Sortavala. It is shown that they can be considered as a single cycle. The relevance of the work is due to the fact that at the moment there is no research devoted to the peculiarities of representation of the region in Ahmadulina's poems, and the issue of describing the region in Russian literature is insufficiently covered. The author focuses on the consideration of Karelia as a place that is inscribed in the tradition of the image of the Russian North, but stands out from it. It is proved that one of its key characteristics in the "Sortavala cycle" is the mixing of different cultures – Russian, Finnish, Karelian, and Scandinavian. It is noted that sound, color and light features of the space come to the fore in the description. The article highlights two symbolically important loci – the island of Balaam and lake Ladoga, which are associated with the dominant feeling in all the poems – harmony. The author proves that the works represent a gradual comprehension of the surrounding area and attempts to express impressions in a poetic word. The theme of creativity, which unites all the considered works, acquires new features. Ahmadulina's characteristic motif of solitude and detachment of the poet is supplemented by the theme of unity with nature. The proximity of Balaam transforms the image of the poet living alone, complements it with the features of a monk-sorcerer. The author also notes that Karelia is marked as the Northern space in the works. The author suggests that the poems are close to the semantic setting of the Northern text of Russian literature.

Keywords: Ahmadulina, "Sortavala cycle", Karelian text, Northern text, Balaam, lake Ladoga.

References

1. Ahmadulina B. A. *Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome* [Complete works in one volume]. M. Alfa-kniga. 2012. 856 p.
2. Bashkajkina D. *Motivnaya struktura koncepta "tvorchestvo" v lirike B. Ahmadulinoj* [Motiv structure of the concept "creativity" in the lyrics of B. Ahmadulina] // *Letnyaya shkola po russkoj literature* – Summer school on Russian literature. 2015. Vol. 11. No. 4. Pp. 327–335.
3. Galimova E. Sh. *Severnyj tekst russkoj literatury: metodologiya issledovaniya* [Northern text of Russian literature: research methodology] // *Severnyj tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa : monografiya* – The Northern text as the logos form of being of the Russian North : monograph. Vol. 1. Arkhangelsk. Imagepress. 2017. Pp. 9–26.

4. Galimova E. Sh. *Lokus lesa v hudozhestvennoj kartine mira severnogo teksta* [Locus of the forest in the artistic picture of the world of the Northern text] // *Severnyj tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa : monografiya* – The Northern text as the logos form of being of the Russian North : monograph. Vol. 1. Arkhangel'sk. Image-press. 2017. Pp. 173–187.
5. Zavada M. R. *Bella. Vstrechi vosled* [Bella. Meetings in after]. M. Molodaya Gvardiya. 2017. 589 p.
6. Izotov A. B. *Magiya Sortavaly: prostranstvenno-vremennye i kul'turnye obrazy goroda* [Sortavala magic: spatial-temporal and cultural images of the city] // *Vestnik Evrazii* – Herald of Eurasia. 2008. No. 1. Pp. 149–202.
7. Markova E. I. *Karel'skij tekst kak predmet izucheniya* [Karelian text as a subject of study] // *Filologiya proshlogo i budushchego : po materialam Mezhdunarodnoj nauch. konf. "Pervye moskovskie Antsiferovskie chteniya"* – Philology of the past and future : based on the materials of the International scientific conference "The first Moscow Antsiferov readings" / N. P. Antsiferov. M. IWL RAS. 2012. Pp. 385–390.
8. Mihajlova M. S. *Koncept sada i metafora "cvetochnogo vremeni" v knige Belly Ahmadulinoj "Sad"* [The concept of the garden and the metaphor of "flower time" in Bella Ahmadulina's book "Garden"] // *Kul'tura i tekst* – Culture and text. 2005. No. 8. Pp. 192–197.
9. Mihajlova M. S. *"Tainstvennyj rebenok": deti i detskoe nachalo v poezii Belly Ahmadulinoj* ["The mysterious child": children and the child's beginning in the poetry of Bella Ahmadulina] // *Vestnik Altajskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoj akademii* – Herald of the Altai State Pedagogical Academy. 2010. No. 4. Pp. 81–86.
10. Patroeva N. V. *Karel'skie motivy i fol'klornye elementy v lirike R. Rozhdestvenskogo* [Karelian motifs and folklore elements in the lyrics of R. Rozhdestvenskiy] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2015. No. 5. Pp. 87–91.
11. Patroeva N. V. *Obrazy Finlyandii i Karelii v russkoj romanticheskoj lirike: formirovanie poeticheskoy tradicii i sintaktika tropeicheskikh kontekstov* [Images of Finland and Karelia in Russian romantic lyrics: the formation of a poetic tradition and syntactics of tropeic contexts] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2019. No. 5 (182). Pp. 37–42.
12. Razumova I. A. *"Pod vechnym shumom Kivacha..." (Obraz Karelii v literaturnyh i ustnyh tekstah)* ["Under the eternal noise of Kivach..." (Image of Karelia in literary and oral texts)] // *Geopanorama russkoj kul'tury: Provinciya i ee lokal'nye teksty* – eopanorama of Russian culture: Province and its local texts. M. Languages of Slavic culture. 2004. Available at: <https://bookit.ru/Geopanorama-russkoj-kul'tury-Provincziya-i-ee-lokalnye-teksty.18.html>.
13. Trubicina N. A. *Vodnaya stihiya kak dominanta "karel'skogo teksta" v knige Mihaila Prishvina "V krayu nepuganyh ptic"* [The Water element as the dominant of the "Karelian text" in the book by Mikhail Prishvin "In the land of unafraid birds"] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of the Petrozavodsk State University. 2013. No. 3. P. 74–77.
14. Shilova N. L. *Kizhskij tekst v russkoj literature* [Kizhi text in Russian literature] // *Filologiya proshlogo i budushchego : po materialam Mezhdunarodnoj nauch. konf. "Pervye moskovskie Antsiferovskie chteniya"* – Philology of the past and future : based on the materials of the International scientific conference "The First Moscow Antsiferov readings" / N. P. Antsiferov. M. IWL RAS. 2012. Pp. 391–395.
15. Shilova N. L. *Ostrov Kizhi i russkaya literatura : monografiya* [Kizhi Island and Russian literature : monograph]. Petrozavodsk. PetrSU. 2018. 1 electron. opt. disk (CD-R); 12 cm.

Роль культурных центров в социокультурной адаптации детей-мигрантов

А. Ю. Корнеева

аспирант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: sobakkaхо@yandex.ru

Аннотация. Миграция является маркером современной жизни во всем мире. Сегодня сложно представить страну, оставшуюся не вовлеченной в этот процесс, происходящий под влиянием глобализации. Он является показателем успешного социального, экономического и политического развития государства, влияет на демографию страны, увеличивает число трудоспособного населения, осваивает нишу низкоквалифицированной работы. Однако интеграция мигрантов в общество до сих пор остается сложной и малоизученной проблемой. Специальное внимание отводится проблеме интеграции мигрантов в российское образовательное пространство. Россия находится на этапе создания национальной политики в отношении детей-мигрантов, определения путей и способов создания условий для пошаговой, поступательной социализации мигрантов в местах их нового проживания. Главенствующее место в вопросе социализации в российское общество дает школа как объективный срез межкультурных, межпоколенных и культурно-нравственных процессов. Однако с обучением в школе у таких детей связаны некоторые трудности. Одна из них – проблема некомпетентности приезжих детей, их недостаточного уровня знаний и владений языком, а также трудности с документальным оформлением ребенка. Вторая проблема в психологических процессах – посттравматические стрессовые расстройства, проблемы, трудности в общении со сверстниками, психологический дискомфорт, потеря социального статуса. В случае «неприятия» школьной средой ребенка-инофона или его неготовности проходить процесс обучения в стенах учебного заведения на помощь приходят центры, оказывающие помощь в подготовке к школе и обучении языку, вовлекающие в творческую активность, уделяется важное внимание вопросам воспитания в духе межнационального согласия и культуры мира. Автор обобщает опыт России, стран Европы, Канады по созданию условий вовлечения детей-мигрантов в процесс социализации. С этой целью проводится анализ направлений работы культурных и образовательных центров, творческих объединений.

Ключевые слова: миграционные процессы, дети-мигранты, социокультурная адаптация, образовательные и культурные центры.

В современном мире миграционные потоки являются индикатором социального благополучия (или неблагополучия) принимающей страны. Россия занимает третье место по числу приема мигрантов после США и ФРГ. Миграция населения на фоне современных процессов глобализации является объективной социокультурной реальностью. Степень открытости, демократичности общества определяет характер миграционных потоков [1; 3]. Проблема активной миграции ставит перед обществом ряд вопросов: демографических, политических, юридических, управленческих. Остро стоит вопрос интеграции мигрантов в российское общество. По данным Левада-центра, в 2009 году 67% россиян считали, что их город или район может обойтись без приезжих [7]. Из-за неприятия их обществом у мигрантов формируется чувство неполноценности и незащищенности. Языковой барьер и культурные различия вынуждают их создавать изолированные сообщества. В связи с этим в последнее десятилетие в ряду острых вопросов широко обсуждается включенность мигрантов в образовательное пространство. Это связано с увеличением миграции семей с детьми. Одной из часто называемых причин, по которой переселенцы берут с собой детей, – стремление дать им достойное образование.

При переезде всей семьи дети сталкиваются с материальными, социальными, адаптивными и образовательными проблемами. Переживания мигранта, связанные с переездом в другую страну, относятся к категории «посттравматического стрессового расстройства» [8].

Типичная реакция на культурный шок – хроническое переутомление и психосоматические заболевания. Дети при переезде в другую страну испытывают трудности в общении, у них проявляются эмоциональные нарушения, отклонения в состоянии соматического здоровья, языковой барьер (в семье не говорят на русском – в результате адаптация усложняется). Отставание от одноклассников в учебе часто влечет за собой агрессию, непонимание, конфликты, развитие комплекса неполноценности. Об успешной адаптации ребенка можно говорить тогда, когда отмечается ряд внутренних и внешних факторов. К первым относятся: установленные позитивные социальные связи, удовлетворенная потребность в самореализации и самоактуализации. Ко вторым – принятие мигрантов со стороны социума и готовность оказывать поддержку и помощь.

Интерес ученых к проблеме социокультурной адаптации мигрантов значительно вырос за последние два десятилетия. Вопросам самосознания и межэтнической толерантности посвящены работы А. В. Асмолова, Д. В. Зиновьева, Г. У. Солдатов; влиянию среды на адаптационные процессы – исследования Б. З. Вульфова, В. Н. Гурова, С. В. Степановой, М. Ю. Мартыновой, В. А. Левина, Т. И. Ключенко, А. И. Артюхина, А. Я. Макарова. Концепции воспитания культуры межнационального общения предлагает в своих работах З. Т. Гасанов, миграционная педагогика Е. В. Бондаревской стала самостоятельным направлением, активно развивающимся при поддержке ее учеников и последователей – И. В. Бабенко, Л. М. Сухоруковой, Р. А. Костина.

Система образования в России создает равные условия для обучения всех граждан, однако есть случаи, когда ребенок-инофонец не посещает учебное заведение. По опросам ЦМИ, только 25-30 % мигрантов-дошкольников посещают детские сады. Причины, которые приводятся в опросах, следующие: нехватка мест в детских садах, необходимость собирать документы, покупать полис, оплачивать садик. В результате ребенок не проходит очень важную ступень социализации, не вовлечен в языковую среду, не осваивает программу подготовки к школе. С этой точки зрения цифры (50-70 % мигрантов, считающих, что детский сад их детям посещать необязательно) выглядят неутешительно.

На данный момент нет точных сведений о том, сколько детей-мигрантов выключены из образовательного процесса. В российских школах пока нет интеграционных и адаптационных программ, не проводятся уроки русского языка как иностранного, в редких школах используются методики преподавания для детей мигрантов. В этом аспекте велика роль культурных центров, которые взяли на себя функцию социокультурной и образовательной адаптации детей-мигрантов. В соответствии с функциональной направленностью можно обозначить учебно-образовательную и культурно-просветительскую цели, учитывая при этом их взаимосвязанность, когда в процессе достижения одной цели происходит реализация других.

Учебно-образовательные цели. Диссонанс между объективным запросом на вхождение ребенка-мигранта в социально-культурную среду принимающей стороны и предложением от системы образования очевиден. В России процессы социализации идут медленно и разрозненно. А между тем образование транслирует культуру принимающей стороны и обеспечивает социальную и профессиональную мобильность. Усилившиеся в 1990–2000-е годы миграционные процессы поставили перед образованием ряд вопросов, решить которые было призвано новое направление – миграционная педагогика, автором которой является Е. В. Бондаревская [5]. Под «миграционной педагогикой» понимается интегрированная область современной педагогики, изучающая процесс адаптации детей мигрантов и их семей в иноязычном культурном пространстве (И. В. Бабенко, О. В. Гукаленко, Л. М. Сухорукова). В основе этого направления лежит разработка спецкурсов, учитывающих этнологическую составляющую процесса, то есть сохранение традиций и обычаев данного народа. Суть в том, что на базе обычной общеобразовательной школы создается центр образования, в котором развиваются различные виды образования (гуманитарно-эстетическое, экономическое, технологическое и т. д.) с опорой на национальные российские приоритеты, культурные основания, интегративность и целостность национально-культурной среды школы.

В России центров по работе с детьми-мигрантами не так много. Они зачастую либо находятся при школах (что логично и удобно для самих учащихся), либо сами являются школой, как, например, первая поликультурная школа Москвы, созданная по авторской программе Офелии Аракелян и возглавляемая ею более 20 лет [3]. А для детей, которые по разным причинам не могут посещать школу, создаются волонтерские центры. Один из первых в России – это интеграционный центр для беженцев и мигрантов «Такие же дети» [12]. В первую очередь он создавался, чтобы помочь детям, посещающим русские школы, в преодолении

языкового барьера, психологических и культурных трудностей. На данный момент в центре обучается более ста детей из Афганистана, Сирии, Камеруна, Нигерии, Конго, Таджикистана, Киргизии. Действует шесть образовательных программ. Программа «Подготовка к школе» помогает детям, которые не посещали детские сады, освоить письмо, чтение, математику, а также основные школьные понятия и правила поведения. Эта программа дает возможность социализироваться, узнавать больше о стране проживания, учить русский язык, углублять знания по отдельным предметам. «Сопровождение» – программа, которая помогает адаптироваться в условиях школы и готовиться к поступлению в колледж или вуз. «Менторство» – это программа, которая помогает с учетом индивидуальных наклонностей ребенка определиться с выбором профессии. Программа «Интеграция через искусство» включает посещение театров, кино, музеев. В центре открыт проект «Прото-школа» с настоящей ежедневной программой, ориентированной на детей, которым доступ к российскому образованию по какой-либо причине закрыт. Принцип работы организации прост. Она существует исключительно на пожертвования и силами волонтеров. В социальных сетях размещаются объявления о необходимости конкретного специалиста, и таким образом находятся преподаватели для детей из Конго, Сирии, Афганистана.

Самая очевидная проблема, с которой связано образование детей-мигрантов, – это изучение языка. Не секрет, что во многих бывших советских республиках русский язык подвергается притеснениям и запретам в образовании, поэтому дети беженцев в большинстве своем не владеют русским языком. Если даже они осваивают его на разговорном уровне, это не решает проблем, связанных с обучением.

В некоторых странах, например, в Греции, языковую интеграцию детей проводят вместе с родителями. В этой стране в 2009 году была открыта программа, в которой женщин-мигрантов обучали языку, а они в свою очередь способствовали развитию языкового навыка у ребенка.

Имеет смысл уделить особое внимание опыту Германии, как стране-лидеру в Европе по численности мигрантов. Языковые курсы – стержень интеграционной политики этой страны. Они одинаково доступны для всех групп беженцев (как из стран третьего мира, так и для европейцев) и организованы федеральным ведомством по вопросам миграции и беженцев Bundesamt für Migration und Flüchtlinge [4]. Кроме того, существуют еще и курсы для различных групп, например, женщин-иностранок, молодежи, родителей и т. д. Курс заканчивается экзаменом, в результате успешной сдачи которого мигрант сокращает восьмилетний срок пребывания в стране, необходимый для получения вида на жительство на год.

Ориентировочная часть курса предполагает изучение истории, правовой системы, культуры, особенностей менталитета жителей принимающей страны.

Однако важно, чтобы мигранты не теряли свою культурную идентичность, не ассимилировались, сохранили свою языковую среду. С этой целью наиболее крупные национальные диаспоры создают свои центры на территории принимающей страны. В 2010 году количество наших соотечественников за рубежом превысило 16,5 миллиона. Поддержка изучения русского языка является одной из трех основных функций глобальной системы «Русский центр». Это международный культурный проект, осуществляемый российским фондом «Русский мир» в партнерстве с ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами [11]. Уникальный модульный комплекс «Русский центр» имеет типовую базовую комплектацию и специальное наполнение, созданное с учетом страны пребывания. Эту организацию можно рассматривать в трех качествах:

- как базу учебно-методической и научно-популярной информации из России;
- как обучающую систему, созданную на основе эффективных методик и программ и позволяющую изучать русский язык;
- как творческую площадку, позволяющую проводить художественные акции, культурные дискуссии и неформально общаясь с представителями разных культур.

На данный момент в системе «Русский мир» трудятся россияне, представители эмиграции, соотечественники за рубежом и иностранные граждане. Центры располагаются по всему миру в 43 странах и в 86 городах.

Еще одна форма организации доступного образования системы «Русский мир» – это «Кабинет Русского мира», позволяющий создать на любой площадке доступную среду для самостоятельного обучения и доступа к программе и всем ее ресурсам. С учетом организации заявителя, ее интересов и потребностей формируется комплект учебно-методических, худо-

жественных, справочных, аудио-видео-презентационных материалов о современной России. Коллекции «Русского кабинета» могут располагаться как в отдельном помещении (аудитория, класс, кабинет), так и на малых площадях, не требующих дополнительного обслуживания и персонала, а доступ к коллекции открыт для всех желающих.

Особое место уделяется языковым программам. В Канаде (Квебек) действуют центры по уходу за детьми от 0 до 12 лет, где мама может оставить ребенка на несколько часов и заниматься своими делами, в том числе посвятить это время изучению языка. Знанию языка уделяют большое внимание и в Германии. Тесты на знание языка проводятся с 4,5-5 лет. Если ребенок такое испытание не проходит, то родителей убеждают в необходимости отдать его на языковые курсы. Эта система действует успешно в процессе подготовки детей к школе, но если ребенок переехал в школьном возрасте, то существуют классы поддержки в самом образовательном учреждении, отучившись в которых дети могут интегрировать знания в свои классы, где они будут учиться в соответствии с возрастом.

Интересен опыт австралийского community-центра «Первый шаг» [2], который работает с семьями мигрантов в разных форматах. Это некоммерческая организация, которая предлагает несколько вариантов помощи в уходе за детьми: «до и после школы», «во время каникул», услуги няни для детей до пяти лет. Специалисты этого центра участвовали в программе «работа с детьми» и создали несколько групп, где ребенку прививаются важные навыки через игру. При таком подходе достигается три цели: ребенок развивается, родители получают информацию о воспитании и общаются с другими родителями, что ускоряет его социализацию. Интересен также опыт центра в формате «роуминга по уходу», когда педагоги могут выезжать в какую-либо организацию и предоставлять игры, игрушки и другие ресурсы, чтобы в игровой форме учить детей.

Подготовка к школе первоначально была целью клуба «Билим» в Москве. Его организатор и директор Максатбек Абдуназар главной целью клуба определял адаптацию и интеграцию детей мигрантов в русскоязычное общество. Дети начиная с 5 лет принимаются на курсы годичной или двухгодичной подготовки к школе. На основе собеседования они распределяются в группы по уровню языковых знаний. Сегодня центр расширил свои услуги по подготовке к ЕГЭ, ОГЭ, ввел занятия по отдельным предметам и языковым курсам.

Большая часть центров по работе с детьми мигрантов на территории России создана благодаря энтузиастам, частным лицам, некоммерческим организациям, которые выполняют культурно-просветительскую функцию. Один из таких детских клубов для детей дошкольного возраста в Москве создан усилиями двух женщин из Кыргызстана Айсулаа Тургунбаевой и Нургуль Эндешовой. Идея этого центра – предоставить детям возможность культурно развиваться и духовно расти, поскольку жизнь трудовых мигрантов зачастую исключает возможность заниматься с детьми творческим развитием из-за нехватки времени и сил. Кроме того, созданием такого детского сада для детей достигалась еще одна цель – возможность оставить ребенка при родителях в России, а не отправлять его к бабушкам, дедушкам в Кыргызстан, как это вынуждены делать многие мигранты. Клуб появился на базе Кыргызского культурного центра, который занимался продвижением национальной культуры. Затем при центре был открыт женский клуб, где прозвучала мысль о необходимости создания специализированного детского сада. Kidsclub был открыт 1 июня 2016 года. Ребят в нем учат рисованию, танцам, английскому языку, занимаются подготовкой к школе [9].

Особое место в системе социокультурной адаптации детей-мигрантов занимает театральная педагогика. В Германии она получила развитие как самостоятельная дисциплина в течение последних десятилетий.

На сегодняшний день существует развернутая система «театрально-педагогических» методик, система обучения театральных педагогов, профессиональные объединения. Границы компетенции варьируются в зависимости от места и целевой аудитории. И мигранты как группа, нуждающаяся в специальной социальной помощи, составляют основной пласт этой аудитории.

Театральные методы впервые начали применяться в педагогике и терапии. Яркие примеры можно встретить в психодраме Морено, где уже встречается педагогическая ролевая игра, и в форумном театре Аугусто Боаля, который сделал театр площадкой социальных дискуссий. Боаль заявил, что зритель должен стать участником процесса. «Разыгранная история всегда обрывается на пике конфликта, чтобы спровоцировать у зрителя спонтанную реакцию» [10]. Сегодня профессиональные театры работают с любителями, в том числе с мигран-

тами, а итогом становятся целые спектакли. В Германии театральные педагоги работают непосредственно на местах – в социальных центрах, школах, где собираются представители той или иной социальной группы, остро нуждающиеся во внимании, например, дети-наркоманы, дети-мигранты из горячих точек. На основании их интересов выбирается материал, создается проект, в котором у каждого появляется возможность самовыражения, дополняющаяся возможностью видеть и слышать других, чтобы понимать: ты не одинок в этой проблеме.

С точки зрения продвижения детей-инофонов в языковой компетенции интересен опыт некоторых театральных проектов. В 2016 году Театр Дос провел серию театральных уроков, в том числе для детей-мигрантов. Актеры работали над пьесой вместе с детьми на уроках литературы. Проходила работа над словом в программных произведениях, что позволяло сделать текст более понятным, приближенным и к возрасту учеников, и к современным реалиям. Детям раздавались роли, минимальный реквизит, разбирались ключевые и устаревшие слова, их значение. Пьеса могла разыгрываться как экспромт, а иногда использовались разные вариации: суд над главными героями, в ходе которого они оправдывались или отстаивали свою точку зрения. Таким образом, дети знакомились с произведением, работали с текстом, говорили на русском языке.

Любопытным театральным экспериментом стал проект «Zwischencroum/цель визита», премьера которого состоялась одновременно на двух сценах. Более 40 подростков из Петербурга и города Оффенбаха в Германии (беженцев и мигрантов из стран Ближнего Востока, Балкан и Средней Азии) стали участниками этого проекта. В немецком городе Оффенбах проживает 60% беженцев и мигрантов – в школах их численность 80%. Режиссер Михаил Потласов говорит о том, что Германия уже никогда не будет прежней и немцы, осознавая это, принимают все максимально возможные меры, чтобы включить мигрантов в свой социум. Премьера состоялась на Новой сцене Александринского театра и Theodor-Heuss-Schule (Франкфурт-на-Майне). Авторы проекта Михаил Потласов (Россия) и Анна Юнышева (Германия) собрали две группы мигрантов: одну в России, другую в Германии. В основе спектакля – личные истории ребят. Некоторые истории шокировали своей откровенностью, многие ребята спасались бегством от войны и оказались в другом мире, другой культуре, чуждой для них.

Рассказать историю таких подростков попыталась Надежда Мухина и участники театрального проекта «Вместе». Проект-эксперимент объединил молодых людей 14 лет и старше с одной целью – найти ответ на вопрос: «Как жить вместе в одном городе людям разных национальностей и культур?» Этот вопрос ребята задавали прохожим на улице, сверстникам в школе, учителям, родителям. Ответы складывались в документальные истории, которые давали импульс для рождения диалога со зрителями. В результате получился спектакль-рассуждение «Холодильник для пломбира» (режиссер Надежда Мухина), в процессе которого ребята приходили к пониманию того, что такое Петербург сегодня; кто его коренные и новые жители и кто сами подростки. Спектакль строился таким образом, что любой желающий мог выйти на сцену и рассказать свою историю о взаимоотношениях петербуржцев и приезжих, провоцируя зрителей ответить на вопрос о том, как дальше жить вместе людям столь разных культур. В результате получился диалог, интересный и в чем-то провокационный. Спектакль стал итогом семи месяцев работы театрального проекта «Вместе», целью которого было создание диалога с подростками о толерантности и ксенофобии через современный театр.

Таким образом, сегодняшние миграционные процессы неизбежно связаны с необходимостью социокультурной адаптации, задачей, которая реализуется через деятельность государственных, общественных и творческих организаций и центров. Они решают целый комплекс задач – учебно-познавательных, языковых, культурно-просветительских. Об этом свидетельствует опыт образовательных и творческих проектов, успешно реализующихся в России и за рубежом.

Список литературы

1. Авдеева Ю. Значение культурной памяти мигрантов для этнической самоидентификации (на материале Красноярского края) : автореф. дис. / Ю. Авдеева. Красноярск, 2019.
2. Австралийский центр «Community first step» : офиц. сайт. URL: <https://www.cfs.asn.au>.
3. Аракелян О. Поликультурное образование и этнопсихология / О. Аракелян, А. Н. Бабилаев. М. : Грааль, 2002. 187 с. : ил.
4. Гостева С. Инновационные подходы к социальной работе с мигрантами: возможности использования европейского опыта / С. Гостева, Д. Золотарев, Е. Свистова // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. № 5-2. С. 51–54.

5. Гукаленко О. Теоретико-методологические основы педагогической поддержки защиты учащихся-мигрантов в поликультурном образовательном пространстве : автореф. дис. / О. Гукаленко. Ростов-на-Дону, 2000.
6. Данилова М. Педагогическая поддержка учащихся-мигрантов в учебно-воспитательном процессе : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Попова. Владимир : Транзит-ИКС, 2009. 187 с.
7. Железнякова Е. Дети мигрантов в современной российской школе: пути языковой адаптации / Е. Железнякова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 774–778.
8. Захарченко Е. Дети-мигранты в условиях современной российской школы / Е. Захарченко // Педагогика. 2002. № 9. С. 47–53.
9. Корнеева Е. Нестандартные дети. Интегративная регуляция образовательного взаимодействия школьников с ЗПР, детей из семей мигрантов, учеников с признаками одаренности / Е. Корнеева. Ярославль : Академия развития, 2007. 144 с.
10. Макаров А. Социокультурная адаптация детей-мигрантов в образовательной среде : дис. / А. Макаров. Москва, 2010.
11. Малярчук Н., Кругова Л. Пути преодоления сложностей адаптации детей-мигрантов к российской школьной действительности / Н. Малярчук, Л. Круглова // Концепт. 2015. Т. 37. С. 131–135. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95649.htm>.
12. Москва. Детский сад для детей мигрантов : офиц. сайт. URL: <https://rus.azattyk.org/a/27921515.html>.
13. Никитина А. Театр угнетенных / А. Никитина // Вести образования : информационный интернет-портал. URL: https://vogazeta.ru/articles/2018/2/27/blog/2165-teatr_ugnetennyh.
14. Новохатько Е. Модель психологической помощи мигрантам / Е. Новохатько // Инновации в образовании. 2008. № 1. С. 116–124.
15. Платонова Н. Основы социальной педагогики / Н. Платонова. СПб., 1997.
16. Русские центры за рубежом. URL: <https://konsulmir.com/russkie-centry-za-rubezhom>.
17. Рыбаковский М. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / М. Рыбаковский. М. : Наука, 2000. 197 с.
18. Такие же дети. URL: <http://kidsarekids-center.com>.
19. Флоренская Ю. Миграция с детьми / Ю. Флоренская // Демоскоп weekly : информационный интернет-портал. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php>.

The role of cultural centers in the socio-cultural adaptation of migrant children

A. Yu. Korneeva

postgraduate student of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: sobakkaxo@yandex.ru

Abstract. Migration is a marker of modern life around the world. Today, it is difficult to imagine a country that is not involved in this process, which is taking place under the influence of globalization. It is an indicator of the successful social, economic and political development of the state, affects the country's demographics, increases the number of working-age population, and develops a niche of low-skilled work. However, the integration of migrants into society is still a complex and poorly understood problem. Special attention is paid to the problem of integration of migrants into the Russian educational space. Russia is at the stage of creating a national policy on migrant children, identifying ways and means of creating conditions for step-by-step, progressive socialization of migrants in their new places of residence. The dominant position in the issue of socialization in Russian society is given by the school as an objective cross-section of cross-cultural, intergenerational and cultural-moral processes. However, some difficulties are associated with school education for such children. One of them is the problem of incompetence of the newcomers children, their lack of knowledge and language skills, as well as difficulties with documenting the child. The second problem in psychological processes is post-traumatic stress disorders, problems, difficulties in communicating with peers, psychological discomfort, loss of social status. In the case of "rejection" of the school environment of a child of foreign students or his unwillingness to undergo the learning process in educational institutions come to the aid centers, assisting in preparation for school and learning the language, engaging in creative activity, is important to educating in the spirit of inter-ethnic harmony and culture of peace. The author summarizes the experience of Russia, Europe, and Canada in creating conditions for involving migrant children in the process of socialization. For this purpose, the analysis of the directions of work of cultural and educational centers and creative associations is carried out.

Keywords: migration processes, migrant children, socio-cultural adaptation, educational and cultural centers.

References

1. Avdeeva Yu. *Znachenie kul'turnoj pamyati migrantov dlya etnicheskoy samoidentifikacii (na materiale Krasnoyarskogo kraya) : avtoref. dis.* [The significance of cultural memory of migrants for ethnic self-identification (based on the material of the Krasnoyarsk territory) : abstr. dis. / Yu. Avdeeva. Krasnoyarsk. 2019.
2. *Avstralijskij centr "Community first step" : ofic. sajt* – Australian center "Community first step" : ofic. website. Available at: <https://www.cfs.asn.au>.
3. Arakelyan O. *Polikul'turnoe obrazovanie i etnopsihologiya* [Multicultural education and ethnopsychology] / O. Arakelyan, A. N. Babilaev. M. Graal. 2002. 187 p.: Il.
4. Gosteva S. *Innovacionnye podhody k social'noj rabote s migrantami: vozmozhnosti ispol'zovaniya evropejskogo opyta* [Innovative approaches to social work with migrants: opportunities to use the European experience] / S. Gosteva, D. Zolotarev, E. Svistova // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* – Herald of the Voronezh State Technical University. 2014. No. 5-2. Pp. 51–54.
5. Gukalenko O. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy pedagogicheskoy podderzhki zashchity uchashchihsya-migrantov v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve : avtoref. dis.* [Theoretical and methodological foundations of pedagogical support for the protection of migrant students in the multicultural educational space : abstr. dis.] / O. Gukalenko. Rostov-on-Don. 2000.
6. Danilova M. *Pedagogicheskaya podderzhka uchashchihsya-migrantov v uchebno-vospitatel'nom processe : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij* [Pedagogical support of migrant students in the educational process : tutorial for students of higher ped. Institutions] / under the editorship of V. A. Popov. Vladimir. Transit-X. 2009. 187 p.
7. Zheleznyakova E. *Deti migrantov v sovremennoj rossijskoj shkole: puti yazykovoj adaptacii* [Migrant children in modern Russian schools: ways of language adaptation] / E. Zheleznyakova // *News of PSPU named after V. G. Belinsky*. 2012. No. 28. Pp. 774–778.
8. Zaharchenko E. *Deti-migranty v usloviyah sovremennoj rossijskoj shkoly* [Migrant children in the conditions of modern Russian schools] / E. Zaharchenko // *Pedagogika* – Pedagogy. 2002. No. 9. Pp. 47–53.
9. Korneeva E. *Nestandartnye deti. Integrativnaya regulyaciya obrazovatel'nogo vzaimodejstviya shkol'nikov s ZPR, detej iz semej migrantov, uchenikov s priznakami odarennosti* [Non-standard children. Integrative regulation of educational interaction of school children with the mental retardation, children from migrant families, students with signs of giftedness] / E. Korneeva. Yaroslavl. Academy of development. 2007. 144 p.
10. Makarov A. *Sociokul'turnaya adaptaciya detej-migrantov v obrazovatel'noj srede : dis.* [Socio-cultural adaptation of migrant children in the educational environment : dis.] / A. Makarov. M. 2010.
11. Malyarchuk N., Krugova L. *Puti preodoleniya slozhnostej adaptacii detej-migrantov k rossijskoj shkol'noj dejstvitel'nosti* [Ways to overcome the difficulties of adapting migrant children to the Russian school reality] / N. Molyarchuk, L. Kruglova // *Koncept* – Concept. 2015. Vol. 37. Pp. 131–135. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/95649.htm>.
12. *Moskva. Detskij sad dlya detej migrantov : ofic. sajt* – Moscow. A kindergarten for migrant children : official website. Available at: <https://rus.azattyk.org/a/27921515.html>.
13. Nikitina A. *Teatr ugnetyennyh* [Theater of the oppressed] / A. Nikitina // *Vesti obrazovaniya : informacionnyj internet-portal* – News of education : Internet information portal. Available at: https://vogazeta.ru/articles/2018/2/27/blog/2165-teatr_ugnetennyh.
14. Novohat'ko E. *Model' psihologicheskoy pomoshchi migrantam* [Model of psychological assistance to migrants] / E. Novohat'ko // *Innovacii v obrazovanii* – Innovations in education. 2008. No. 1. Pp. 116–124.
15. Platonova N. *Osnovy social'noj pedagogiki* [Fundamentals of social pedagogy] / N. Platonova. Saint Petersburg. 1997.
16. *Russkie centry za rubezhom* – Russian centers abroad. Available at: <https://konsulmir.com/russkie-centry-za-rubezhom>.
17. Rybakovskij M. *Migraciya naseleniya: prognozy, faktory, politika : ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ped. ucheb. zavedenij* [Migration of the population: forecasts, factors, policy : tutorial for students of higher ped. Institutions]. M. Nauka. 2000, 197 p.
18. *Takie zhe deti* – The same children. Available at: <http://kidsarekids-center.com>.
19. Florenskaya Yu. *Migraciya s det'mi* [Migration with children] / Yu. Florenskaya // *Demoscope weekly: information Internet portal*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php>.

Об эмансипационном потенциале рок-культуры

С. Г. Дюкин

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь. E-mail: dudas75@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования, которое лежит в основе данной статьи, является участие рок-культуры в эмансипационных процессах второй половины XX века. Целью является определение специфики рока как инструмента эмансипации. В основе методологии статьи лежит историко-антропологический подход. При работе над исследованием использовались методы исторического анализа и глубинного интервью. В результате получены следующие выводы. В ходе своей истории рок-культура была активно вовлечена в процесс эмансипации негров, сексуальных меньшинств, юношества и молодежи. Более частным и специфическим объектом эмансипации для рок-культуры стал отечественный «теневой» бизнес в позднем СССР. Освобождение этой группы сопряжено с выведением из нелегального положения участников рынка пластинок и освобождением от филармонической зависимости рок-исполнителей, вовлеченных в 70–80-е гг. в предпринимательские практики, репрессируемые государством. Основным же методом эмансипации предпринимателей стало влияние на интернализацию рок-аудиторий положительного контекста вокруг нелегального бизнеса. Пример освобождения «теневого» бизнеса в годы перестройки отражает специфику эмансипационного процесса силами рок-культуры. Данная особенность заключается в освобождении человека во всей полноте его личности, в отличие от правовой эмансипации, которая затрагивает лишь один из аспектов статуса человека. Что касается эмансипации прочих категорий населения разных стран, то вмешательство в эмансипационный процесс рок-культуры внесло существенные коррективы в структуру освобождения бесправных слоев общества. Агент рок-культуры создает вокруг себя новую систему социальных координат, и его воображаемое социальное пространство нивелирует всякого рода формальные ограничения иррационального характера, а именно к таковым относятся ущемления в правах для некоторых социальных групп.

Ключевые слова: социальная группа, интернализация, доминирование.

Проблема эмансипации, казалось бы, заняла прочное место в гуманитарном научном дискурсе. Данное понятие стало настолько распространенным, что осело не только в научном или публицистическом, но и в обыденном сознании. Однако при более пристальном внимании выясняется, что подавляющее большинство научных работ, посвященных эмансипации, связаны либо с феминистским движением, либо с юридической практикой наделяния полной дееспособностью несовершеннолетних граждан. В действительности, за термином *эмансипация* стоит процесс освобождения той или иной социальной группы от доминирования другой группы, а, возможно, и от угнетения (политического, экономического, социального, культурного) со стороны последней.

В современной российской науке процесс эмансипации в культурологическом аспекте исследовался О. Ворониной, А. Танхилевским. В зарубежной науке эмансипация стала предметом изучения для Ч. Баччи, Е. Сапиро, И. Янга и многих других ученых. Различные социокультурные аспекты рок-культуры исследовались множеством ученых. Данному объекту посвящено несколько десятков диссертаций, несколько монографий. Актуальный в аспекте данной статьи социокультурный потенциал рок-н-ролла стал предметом рефлексии Т. Роззака, Р. Фриппа, А. Васильевой, Е. Касьяновой, Г. Кнабе, Е. Мякотина, В. Сырова, С. Шаповалова и других исследователей. Установление корреляции между рок-культурой и эмансипационными процессами способно внести дополнительный вклад в научный дискурс, связанный с изучением молодежной музыки.

Как уже было замечено, в имеющихся текстах эмансипация большей частью уравнивается с феминистским движением, в то время как данный теоретический контекст в равной степени применим к освобождению таких групп, как, например, крестьяне, пролетариат, негры, мусульмане в России и СССР, сексуальные меньшинства и т. д. При этом можно говорить о том, что исторический аспект освобождения этих и некоторых других групп описан в научных текстах. Однако продолжает существовать вопрос о социокультурных технологиях эмансипации, обеспечивающих полную интернализацию этого явления, за которой стоит

ментальное закрепление нового статуса в бывшем третируемой категории населения. Именно этим фактом определяется актуальность данного исследования, в процессе которого является один из универсальных инструментов эмансипации в современной культуре, одновременно связанный с множеством институтов, функционирующих в разных подсистемах общества. Необходимость подобного исследования базируется на сохранении рок-культурой потенциального функционала, который гипотетически способен позволить ей вмешаться в эмансипационные процессы в обновленной социокультурной ситуации. Важно понять, каким именно образом явление художественной культуры запускает ход общественных процессов.

В связи с этим выдвигается гипотеза, в соответствии с которой во второй половине XX и в начале XXI века одним из ведущих факторов эмансипации разных слоев общества в мировом масштабе стала рок-музыка и рок-культура. Под последней предлагается понимать совокупность ценностно-нормативных установок, символов, практик, порождаемых в среде, вовлеченной в сферу воздействия рок-музыки. С реализацией художественных и повседневных практик рок-культуры связана эмансипация негров, сексуальных меньшинств, подростков и молодежи, носителей бытовых девиаций (пьяницы, наркоманы, фрики, нимфоманы и т. д.), представителей «теневого бизнеса» в позднем СССР. Данный процесс в отношении названных групп принимал не похожие друг на друга формы, имел место в разные периоды, однако в целом обладал монолитной и схожей природой.

В предлагаемой статье в схематичной форме будет рассмотрен процесс эмансипации негров, сексуальных меньшинств и молодежи. В более подробной форме предполагается показать освобождение теневого бизнеса в позднем СССР, на примере которого надлежит проанализировать специфику рок-культуры как инструмента эмансипации. В основе методологии статьи лежат сравнительно-исторический метод и структурно-функциональный анализ с использованием включенного нарративного интервьюирования очевидцев событий, связанных с реалиями отечественной рок-культуры конца 80-х гг., когда имела место эмансипация нелегального предпринимательства. Сочетание столь различных методов предопределено широким характером проблемы, требующей работы как с историческим, так и с актуальным материалом антропологического характера.

Первой категорией, повысившей свое социальное положение, войдя в сферу влияния рок-культуры, стали негры. В первую очередь, речь идет об афроамериканцах, но, в конечном счете, волна расовой эмансипации 50–80-х гг. накрыла все чернокожее население планеты.

В 1954 г., за год до события, которое принято считать началом истории рок-н-ролла (выход песни Билла Хейли «Rock Around The Clock»), в США начинают приниматься законы, постепенно предоставившие чернокожему населению страны всю полноту гражданских прав. Первый из них позволил детям из негритянских семей учиться в школах для «белых». После этого последовала отмена узаконенной сегрегации в общественном транспорте и в других общественных местах, разрешение для негров поступать в университеты. В наиболее концентрированном виде законодательная сегрегация, сопровождаемая волнениями и гражданскими акциями, продлилась до середины 60-х гг.

Хронологически данный процесс совпал с возникновением и популяризацией рок-н-ролла как особого направления молодежной музыки. Половину «звезд» рок-н-ролла составляли белые исполнители (Элвис Пресли, Джерри Ли Льюис, Эдди Кокрэн, Бадди Холли), другая же половина – исполнители афроамериканского происхождения (Фэтс Домино, Литтл Ричард, Чак Берри, Бо Диддли и другие). По уровню популярности и влиянию на молодежь белые и черные исполнители занимали приблизительно равные позиции. И те, и другие в равной степени представляли новую музыку при ее экспортировании за пределы США.

На рубеже 50–60-х гг. возникает стиль *соул*, а в конце 60-х выделяется еще один стиль *фанк*, которые, будучи изначально явлениями негритянской музыки, тесно контактировали с рок-культурой, и многие исполнители, представлявшие эти стили, имели широкую белую аудиторию, выступали на общих фестивальных площадках (Мэрвин Гэй, Стиви Уандер, Sly and the Family Stone и другие). Еще более интенсивные контакты между «белой» и «черной» музыкальными традициями обозначились в пределах музыки *диско*, для которой характерным стало перманентное сотрудничество между белыми и чернокожими певцами, инструменталистами, композиторами, продюсерами. Именно в рамках музыки *диско* был порожден феномен Майкла Джексона, являвшего собой своеобразную кульминацию эмансипации негров в рок-культуре. В фигуре М. Джексона предпринята попытка нивелирования всех различий. Побеливший кожу негр с полуженскими-полумаскулинными чертами и исполняю-

ший «черную» музыку (соул, фанк, диско), дополненную чертами «белой» музыки (хард-рок, кавер-версии британских песен), М. Джексон стал одним из национальных символов США, фигурой, примирившей два расовых полюса Америки.

Важное значение для западной культуры конца XX века имела эмансипация сексуальных меньшинств. История этого процесса может отсчитываться от трех событий. В 1967 г. вопрос о возможном предоставлении прав сексуальным меньшинствам был поставлен в парламенте Канады, в том же году гомосексуализм был декриминализован в Англии, а двумя годами позже в районе проживания Нью-Йоркской арт-богемы Гринвич-Виллидж произошел Стоунволлский бунт, после которого началось постепенное признание прав геев и лесбиянок в США на законодательном уровне.

Вслед за юридической эмансипацией сексуальных меньшинств начинается интернализация этого процесса в массовом сознании, осуществляемая средствами рок-культуры. Эмансипация геев и лесбиянок связана с двумя стилевыми явлениями рок-музыки. Это глэм-рок и «новые романтики». Становление и последовавший расцвет глэм-рока пришелся на первую половину-середину 70-х гг. Для этого стиля были характерны яркая мелодика и театрализация сценического поведения с использованием грима и макияжа. Именно в рамках глэма впервые в истории рока стало возможно признание музыкантов в их приверженности в гомосексуализме. Об этом заявлял Дэвид Боуи, которого принято считать крупнейшим представителем этого стиля. Подобные его декларации в последующем подвергались сомнению. По мнению биографа музыканта Дж. Тремлетта, заявления певца о собственном гомосексуализме нужно рассматривать исключительно в аспекте девиантного самопозиционирования и эпатажа [12]. Возможность подобной провокации указывает на неукорененность в социуме гей-идентификации в начале 70-х. Во многих тех случаях, когда музыканты не заявляли о своей причастности к сексуальным меньшинствам, мало того, была их гетеросексуальная ориентация, они все равно создавали полуфеминный образ, отказываясь от демонстрации маскулинности, что было характерно, в свою очередь, для других стилей рок-музыки. Вошедшие благодаря глэм-року в повседневную массовую моду обильный макияж, обтягивающая одежда, женские прически не могли не способствовать ассимиляции гей-культуры культурой большинства, а следовательно, ее эмансипации.

Последствия первичной эмансипации сексуальных меньшинств в роке 70-х ощутились на втором этапе этого процесса, который пришелся на первую половину 80-х и проходил в рамках стиля, получившего название «новые романтики». Представители этого направления признавались в своей гей-ориентации уже совершенно открыто, и их было гораздо больше, нежели в глэм-роке. Стив Стрендж, Джим Саммервилль, Энди Белл, Бой Джордж, Энн Леннокс не просто заявляли о своей гомосексуальной идентификации, но и формировали свой имидж на основе причастности к сексуальным меньшинствам.

На протяжении всей своей истории рок-музыка служила для эмансипации подростков и юношества. Этот процесс носил двусторонний характер: с одной стороны, он затрагивал самих музыкантов, а с другой стороны, эмансипировалась подростковая аудитория. С самого начала существования рок-н-ролла в его исполнительские институты стали вовлекаться очень молодые люди. Не больше 20 лет было в момент прихода первоначальной славы Элвису Пресли, Полу Маккартни и Джорджу Харрисону из «Beatles», музыкантам из «Rolling Stones» и многим другим звездам. Появление плеяды юных звезд во многом связано со снижением в роке профессиональной планки, с возможностью исполнять эту музыку, не имея специальной подготовки и музыкального образования. Появление когорты популярных исполнителей юного возраста выводило молодых людей в разряд успешных бизнесменов, так как их известность и востребованность была сопряжена с оборотом крупных денежных сумм.

Другим фактором, способствующим эмансипации молодежи, стал ореол престижа, формирующийся вокруг юных звезд. С одной стороны, возведение юной публикой в разряд идеалов и превращение в референтную группу своих ровесников, а с другой стороны, отчуждение той же публикой от взрослого мира и, в частности, от жанров музыки, мыслимых ей как «взрослые» (классика, народная музыка, джаз, традиционная эстрада), способствовали повышению значимости молодежи в ее собственных глазах и упрочению ее реальных социальных позиций. По мнению Т. Росака, ставшего, по сути, первым исследователем социальных функций рок-н-ролла, принципиально и декларативно молодежные нормы и практики представляли собой использование «неструктурированного детского поведения» в качестве противопоставления порокам буржуазного «взрослого» образа жизни [11, с. 72]. На уровне индивиду-

альной повседневной рефлексии эта мысль может быть представлена следующим образом: «Я, да и все такие же, как я, когда слушали эту музыку, понимали, что в ней есть что-то такое, что делает нас лучше и серьезнее, чем наши родители, или учителя. Мы какими-то более настоящими, что ли, становились, в отличие от них. Рок-н-ролл позволял нам смотреть на всех них сверху вниз» [3]. Таким образом, делится своими воспоминаниями пермский рок-музыкант, приобщавшийся к рок-н-роллу в конце 80-х. Результатом процесса стало безоговорочное и очевидное омоложение и демократизация моды, языка (проникновение в него молодежного сленга), практик в культуре различных возрастных групп.

Одним из частных случаев эмансипации в рамках рок-культуры стало идеологическое освобождение и ментальная легализация теневого бизнеса в рамках советской культуры. Этот процесс происходил в годы перестройки. Основу политического фона этого процесса составили закон «О кооперации», вышедший в мае 1988 г., а также дискуссии о переходе к рыночной экономике, развернувшейся после начала работы Съезда народных депутатов в мае 1989 г.

Рок-н-рольное сообщество вошло в процесс формирования культуры бизнеса с тeneвым рынком пластинок. Практически в каждом крупном городе (большинство региональных центров) существовал свой «черный» рынок, на котором продавались и обменивались «фирменные» диски. С началом перестроечных процессов данное явление получило право на признание в качестве проблемы советского общества, решение которой не обязательно должно быть связано с уголовным законодательством. Симптоматичным можно признать один из материалов в пермской газете «Молодая гвардия», издаваемой обкомом ВЛКСМ. Автор газетного текста оправдывает существование «черного» музыкального рынка популярностью западного рока, а обменщики дисками (не продавцы) сравниваются с коллекционерами и в целом оправдываются [4]. Один из завсегдатаев пермской «пластиночной барахолки» 80-х вспоминает о том, что «где-то в 85-86-м годах внезапно всем стало почему-то ясно, несмотря на отсутствие прямых указов или директив, что всякие запреты на торговлю или обмен дисками больше не действуют. Весь подпольный характер того, что мы делали, вдруг куда-то улетучился. А вскоре, вообще, открыли клуб коллекционеров пластинок при комсомоле. Мы же там собирались, а не на толкучке, хотя занимались-то там тем же самым» [2].

Продолжением дискурса, выстраивавшегося в годы перестройки вокруг связанного с рок-музыкой предпринимательства, стало обсуждение экономическо-организационного статуса рок-исполнителей и коллективов. Дискуссия развернулась на страницах многих периодических изданий, лидером среди которых по частоте публикаций на данную тему стал журнал-бюллетень «Мелодия». В заметках и обзорах В. Лензона [5], Д. Ловковского [6], М. Сигалова [8], Н. Тихоновой [10], посвященных тем или иным рок-группам, в обязательном порядке ставилась проблема статуса коллективов. Исходным тезисом почти во всех случаях служила мысль о пагубном влиянии филармонии на творческий потенциал группы. Авторы призывали к освобождению творчества от филармонической зависимости. Преодоление ситуации связывалось с вовлеченностью команд в новые формы хозяйственной деятельности. На тот момент (1988–1990-е гг.) единственной альтернативой могли служить кооперативы, то есть эксклюзивная приемлемая для советской системы форма бизнеса, ставшая при этом инструментом вхождения советского человека в рыночную экономику.

Отечественная рок-музыка 80-х гг. обеспечивала эмансипацию теневого бизнеса не только в организационном, но и в содержательном аспекте. Постепенное превращение *спекулянта* в *предпринимателя* осуществлялось через создание рок-авторами и исполнителями положительного контекста вокруг фигуры бизнесмена. Данный процесс имел нелинейный характер и был связан с применением различных методов трансляции нового ценностного смысла. Во-первых, происходила безоценочная номинация явления. В песнях В. Кузьмина, групп «Центр», «ДК», «Бригада С», «Тамбурин» прозвучало само слово «фарцовщик» («бизнесмен», «фальшивомонетчик»), что обеспечивало его базовую реабилитацию в тезаурусе слушателей. Через обозначение явления, пусть даже в негативном контексте, снимался ментальный запрет на его обсуждение. Представитель теневого бизнеса, несмотря на отсутствие реальной правовой легитимности, в представлении слушателей превращался в одного из равноправных акторов советской социокультурной системы. Явление прекращало восприниматься как отклонение от нормы, что было важнейшим условием эмансипации [1]. Во-вторых, в песнях указанных исполнителей и групп произошло формирование вокруг образа *рыночного спекулянта* престижного контекста. Концепт фарцовщика сопровождается в текстах периферийными лексемами *риск, удача, упорство, трудолюбие, целенаправленность, современ-*

ность, мода. В-третьих, эмансипация предпринимательства заключалась в исследуемом дискурсе в делигитимации системы, репрессирующей незаконный бизнес. Использование данного метода составляло основу смыслового и функционального ядра советской рок-культуры рубежа 80–90-х гг. Ирония в адрес ценностей советской культуры, переоценка фактов советской истории, сопротивление официальной дидактике способствовало ментальному ниспровержению того субъекта, который реализовывал репрессивную функцию в отношении теневого бизнеса. Использование столь широкого набора средств эмансипации бизнеса обусловлено тем, что «субъект эмансипации всегда претендует на то место, которое до начала эмансипации занимал источник его несвободы» [9, с. 177].

Наконец, наиболее общая сторона эмансипации теневого бизнеса воплотилась в антропологическом аспекте рок-культуры, а именно в том, что касается освобождения личности во всех ее проявлениях. По замечанию В. Марочкина, рок-революция, перманентно развивавшаяся в СССР в 70–80-е гг., переросла в капиталистическую революцию [9, с. 51–55]. Автор, безусловно, связывал конечную легитимацию рыночной экономики с эмансипацией *неофициального* в качестве правового императива, что предусматривается всем комплексом отношений, складывающихся в рок-культуре с ее культом личной свободы и установкой на приоритет персональных качеств человека в противоположность коллективным требованиям.

То, что только что было названо антропологическим аспектом освобождения теневого бизнеса в условиях советской культуры, представляет собой определяющий компонент рок-культуры в отношении всякой эмансипации. Дело в том, что всякий процесс освобождения той или иной социальной группы от негативного влияния со стороны какого-либо субъекта подразумевает некоторую неполноту и односторонность. А. Г. Танхилевский пишет об этом следующим образом: «Для эмансипации отдельного человека необходимо его всестороннее, целостное освобождение, в проекте которого учтены все характеристики его личности. Эмансипация не дает такого освобождения, потому что она не освобождает человека. Человек не эмансипируется, эмансипируется некий абстрактный конструкт, в реальности существующий только разобраным на части» [9, с. 167].

Если отнестись к эмансипации негров, гомосексуалистов, молодежи и прочих групп населения, не описанных в статье, с формальных позиций, то с вышеприведенными словами нельзя не согласиться. Эмансипация каждой из обозначенных социальных категорий заключалась, прежде всего, в наделении их как носителей характеристик, ущемляемых социальным большинством, рядом юридических прав. При этом, например, правовое освобождение человека, являющегося представителем негроидной расы, не исключало продолжения его эксплуатации в качестве, скажем, малоимущего, а прекращение уголовного преследования гомосексуалиста не отменяло его правовой ущемленности в качестве несовершеннолетнего.

Подводя итоги, подходя к намеченной цели, можно заключить следующее. Вмешательство в эмансипационный процесс рок-музыки внесло существенные коррективы в структуру освобождения бесправных слоев общества. Дело в том, что, входя в поле влияния новой формы культуры и одновременно субкультуры (рок-н-ролл может рассматриваться в аспекте каждого из этих понятий), субъект наделяется способностью комплексного противостояния всякому доминирующему воздействию. Субъект оказания такого влияния приобретает характеристики отчуждаемого Другого, выносимого объектом эмансипации за пределы понятия *рок*. Расизм, гомофобия, культ солидности (антипод культа юности и молодости), или советское государство, воспрещающее частную экономическую инициативу, мыслятся в рамках рок-культуры как враги, недостойные быть объектами рефлексии. И, в конечном счете, помимо того, что рок-н-ролл освобождает третируемые группы от определенного доминирования, которое можно было бы назвать однонаправленным, он разрывает и прочие направления негативного для субъекта вертикального воздействия. Это связано с тем, что агент рок-культуры создает вокруг себя иную систему социальных координат и его воображаемое социальное пространство нивелирует всякого рода формальные ограничения иррационального характера, а именно к таковым относятся ущемления в правах для некоторых социальных групп, имеющие дисфункциональную природу (расистские законы, элементы геронтократии, запрет рыночной инициативы в условиях кризиса и несостоятельности командно-плановой системы и т. д.). Т. Росак, описывая данный процесс, говорит: «Классовое сознание как генеративный принцип уступает место сознанию сознания» [1, с. 99]. В рамках рок-культуры эмансипация происходит через присвоение субъектом социальной реальности, ее последующее обостренное экзистенциальное переживание и наделение желаемым содержанием, предполагающим разрушение имеющих иррациональную природу ограничивающих норм.

Список литературы

1. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М. : Эдиториал, 2003. 320 с.
2. Интервью № 1. Мужчина 1959 г. р. Записано на диктофон 11.07.2017.
3. Интервью № 11. Мужчина 1975 г. р. Записано на диктофон 15.08.2018.
4. Каменев Д. Тайны черного диска, или музыкальный толчок // Молодая гвардия. 1985. № 128–129. С. 7.
5. Лензон В. Завянет ли «Лотос» // Советская эстрада и цирк. 1988. № 6. С. 14–15.
6. Ловковский Д. Панорама противоречий. Заметки о фестивале «Рок-панорама-87» // Советская эстрада и цирк. 1988. № 4. С. 4–7.
7. Музыкальная антология. Поколение независимых / под ред. С. Жарикова. М. : Социальное радио, 2006. 432 с.
8. Сигалов М. Живые и мертвые легенды // Советская эстрада и цирк. 1988. № 12. С. 8–11.
9. Танхилевский А. Г. Эмансипация как философская проблема // Альманах «Vita Cogitans». СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. Вып. 2. № 2. С. 164–183.
10. Тихонова Н. Несмотря ни на что // Советская эстрада и цирк. 1988. № 5. С. 12–13.
11. Roszak Th. The making of a counter culture: reflection on the technocratic society and its youthful opposition. New York : Random House, 1969. 379 p.
12. Tremlett G. David Bowie: Living on the Brink. New York : Carroll and Graf, 1997. 400 p.

About the emancipation potential of rock culture

S. G. Dyukin

PhD of Philosophical Sciences, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of culture. Russia, Perm. E-mail: dudas75@mail.ru

Abstract. The subject of the research, which is the basis of this article, is the participation of rock culture in the emancipation processes of the second half of the twentieth century. The goal is to define the specifics of rock as an instrument of emancipation. The methodology of the article is based on the historical and anthropological approach. When working on the research, the methods of historical analysis and in-depth interviews were used. As a result, the following conclusions are obtained. In the course of its history, rock culture has been actively involved in the emancipation of Negroes, sexual minorities, youth. A more private and specific object of emancipation for rock culture was the domestic "shadow" business in the late USSR. The release of this group is associated with the removal from the illegal situation of participants in the record market and the liberation from the Philharmonic dependence of rock artists involved in the 70–80's in business practices, repressed by the state. The main method of emancipation of entrepreneurs was the influence on the internalization of the positive context around illegal business by the rock audience. The example of the liberation of "shadow" business in the years of perestroika reflects the specifics of the emancipation process by the forces of rock culture. This feature consists in the liberation of a person in the entirety of his personality, in contrast to legal emancipation, which affects only one aspect of the status of a person. As for the emancipation of other categories of the population of different countries, the intervention in the emancipation process of rock culture has made significant adjustments to the structure of the liberation of disenfranchised sections of society. The agent of rock culture creates a new system of social coordinates around himself, and his imaginary social space eliminates all kinds of formal restrictions of an irrational nature, namely, infringements of rights for certain social groups.

Keywords: social group, internalization, dominance.

References

1. Voronina O. A. *Feminizm i gendernoe ravenstvo* [Feminism and gender equality]. M. Editorial. 2003. 320 p.
2. *Interv'yu № 1. Muzhchina 1959 g. r. Zapisano na diktofon 11.07.2017* – Interview No. 1. A man born in 1959. Recorded on a voice recorder on 11.07.2017.
3. *Interv'yu № 11. Muzhchina 1975 g. r. Zapisano na diktofon 15.08.2018* – Interview No. 11. A man born in 1975. Recorded on a voice recorder on 15.08.2018.
4. Kamenev D. *Tajny chernogo diska, ili muzykal'nyj tolchok* [Mystery of the black disk, or a musical market] // *Molodaya gvardiya* – The young guard. 1985. No. 128–129. P. 7.
5. Lenzon V. *Zavyanet li "Lotos"* [Will "Lotus" wilt?] // *Sovetskaya estrada i cirk* – Soviet stage and circus. 1988. No. 6. Pp. 14–15.
6. Lovkovskij D. *Panorama protivorechij. Zametki o festivale "Rok-panorama-87"* [Panorama of contradictions. Notes about the festival "Rock panorama-87"] // *Sovetskaya estrada i cirk* – Soviet stage and circus. 1988. No. 4. Pp. 4–7.
7. *Muzykal'naya antologiya. Pokolenie nezavisimyh* – Music anthology. Generation of independents / ed. by S. Zharikov. M. Social radio. 2006. 432 p.

8. Sigalov M. *Zhivye i mertvye legendy* [The living and the dead legends] // *Sovetskaya estrada i cirk* – Soviet stage and circus. 1988. No. 12. Pp. 8–11.
9. Tanhilevskij A. G. *Emansipaciya kak filosofskaya problema* [Emancipation as a philosophical problem] // *Al'manah "Vita Cogitans"* – Almanac "Vita cogitans". SPb. Saint Petersburg philosophical society. 2003. Is. 2. No. 2. Pp. 164–183.
10. Tihonova N. *Nesmotrya ni na chto* [Despite everything] // *Sovetskaya estrada i cirk* – Soviet stage and circus. 1988. No. 5. Pp. 12–13.
11. Roszak Th. The making of a counter culture: reflection on the technocratic society and its youthful opposition. New York. Random House, 1969. 379 p.
12. Tremlett G. David Bowie: Living on the Brink. New York. Carroll and Graf, 1997. 400 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37(470.342)(091)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.052

Семья Трейтер и Вятский край

В. Б. Помелов

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается история известной в Германии и России семьи Трейтер. Автором сообщаются биографические данные о представителях нескольких поколений этой необычной семьи, начиная с Иоганна Вильгельма Зигмунда Трейтера и его жены Генриетты, живших в немецком городе Веймар в XVIII в. Прослеживается судьба их сына Иоганна Готтлоба Вильгельма Трейтера (1781–1855), получившего диплом врача в Йенском университете и принявшего российское подданство, а также новое имя и отчество (Василий Васильевич). В дальнейшем он работал в Санкт-Петербурге. Приводится образец его поэтического творчества (с переводом стихотворения автором статьи). Рассказывается об одном из девяти детей Василия Васильевича – Алексее (1831–1906), юристе, переехавшем на жительство в Вятку, и его дочери Гликерии (1872–1937) и сыне Василии (1875–1929), оставивших свой неизгладимый след в истории нашей страны. Имя Василия Алексеевича Трейтера внесено в список «Знатных людей Вятского края». В 1917 г. он был руководителем Вятской губернии как представитель Временного правительства. О нем сохранилось значительное количество воспоминаний современников как о враче и преподавателе Вятского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Приводятся выдержки из бесед автора статьи с профессорами Э. И. Моносзоном и Н. П. Борисовым, которые были в 1920-е годы студентами В. А. Трейтера. В заключительной части статьи идет речь о потомках В. А. Трейтера, в том числе о здравствующих поныне. В статье приводится предположение о том, что И. Г. В. Трейтер был внебрачным сыном великого поэта Германии И. В. фон Гете.

Ключевые слова: В. Г. Шумихин, Е. Д. Петряев, И. В. Гете, И. Г. В. Трейтер, Веймар, Санкт-Петербург, Москва, В. А. Трейтер, Вятка, Г. А. Трейтер, Е. В. Антипова, Н. В. Трейтер, Е. П. Столбова, Н. П. Борисов, Э. И. Моносзон.

В данной статье автором предпринята попытка проследить историю известной в Германии и России семьи Трейтеров. По некоторым данным, Трейтеры имеют в качестве своего предка выдающегося поэта и общественного деятеля Германии И. В. фон Гете.

Публикация предлагаемого материала позволит выявить ценностные характеристики, которые присущи многим представителям этой замечательной семьи, давшей немало известных людей, самоотверженно трудившихся во благо общества, и тем самым послужит полезным фактологическим средством воспитания подрастающего поколения.

В процессе поиска, отбора и научной обработки фактического материала в период написания предложенной статьи автор использовал аксиологический, региональный и историко-биографический методологические подходы, а также некоторые ведущие методы: описательный, сравнительно-исторический, ретроспективного анализа.

Летом 1963 г. вятский краевед Евгений Дмитриевич Петряев (1913–1987) и библиограф Кировской библиотеки им. А. И. Герцена Виктор Георгиевич Шумихин (1936–1984) разбирали остатки архива и библиотеки известного местного педагога и врача Василия Алексеевича Трейтера, к тому времени уже давно ушедшего из жизни.

Среди развалов старых книг их внимание привлек разбухший от сырости объемистый том немецкого поэта К. Ш. Штурма (1740–1786) под названием «Утренние размышления», изданный на немецком языке в шотландском городе Гулле в 1780 г. Дальнейшие расспросы и поиски позволили Петряеву установить, что книга некогда принадлежала деду В. А. Трейтера и этот дед был не кем иным, как внебрачным сыном великого немецкого поэта И. В. фон Гете. Е. Д. Петряеву удалось

ознакомиться с подорожными из немецкого города Веймара, в котором жил Гете, в Санкт-Петербурге и с другими интересными документами начала XIX в., увидеть уникальные портреты Гете и прочитать еще неведомые миру строчки, написанные рукой создателя «Фауста», – письмо Гете своей веймарской соседке Генриетте Трейтер (ок. 1760 – ок. 1820).

Свои поиски Е. Д. Петряев описал в книгах «Литературные находки» (Киров, 1966) и «Вятские книголюбцы» (Киров, 1986). Автора данной статьи – уроженца города Веймар – заинтересовала дальнейшая судьба документов, а главное судьбы людей – потомков Гете на вятской земле. К сожалению, Петряев и Шумихин давно скончались. К тому же то, что Е. Д. Петряеву удалось установить, он и раскрыл в названных книгах. По объему это очень небольшой материал.

В заметках вятского краеведа В. К. Семибратова «Немцы на Вятке» и «Книга, изданная в Гулле», опубликованных в газете «Кировская правда» (соответственно 19 ноября 1988 г. и 9 августа 1990 г.), указывалось, что В. А. Трейтер является правнуком И. В. фон Гете. Правда, эти заметки не содержали нового материала; журналист ссылался на уже указанные работы Петряева.

Тем не менее в результате проведенной исследовательской работы нам удалось найти некоторых потомков Трейтера и составить генеалогическое древо этого необычного по происхождению рода.

Усадьбы Гете и Иоганна Вильгельма Зигмунда Трейтера, служившего в Веймаре камер-калькулятором и ревизором (то есть чиновником финансового ведомства) Саксен-Веймарского герцогства, находились рядом. После смерти последнего в 1817 г. наследники продали поэту отцовский дом и прилегавшую к нему территорию. Дом этот, по-видимому, сдавался внаем, а в августе 1834 г., уже после смерти фон Гете, был продан. Однако бывший трейтеровский сад продолжал оставаться в собственности наследников И. В. фон Гете.

Сын И. В. З. Трейтера Иоганн Готтлоб Вильгельм Трейтер родился 29 августа 1781 г. После окончания гимназии в Веймаре 22 сентября 1801 г. он принес студенческую клятву и поступил на медицинский факультет Йенского университета, куратором которого, кстати, был фон Гете. (Город Йена расположен в 30 км от Веймара.) В 1805 г. Трейтер окончил университет, и в тот же год он навсегда покинул Германию. Сначала Трейтер жил в г. Дерпте (ныне г. Тарту), где оформил нострификацию диплома врача, то есть добился права на ведение врачебной практики в России.

С 1806 г. он безвыездно жил в Москве. Причин, побудивших его принять такое решение, было, вероятно, две. В страдавшей малоземельем, раздираемой внутренними противоречиями, раздробленной на карликовые герцогства Германии ему было нелегко проявить свои таланты. Другое дело – бескрайняя и неграмотная Россия, где каждый образованный человек был на виду, а выходцев из Германии особенно охотно принимали на службу.

Представляется убедительной и другая причина. Его внук, уже упоминавшийся нами В. А. Трейтер, в 1920-х годах в письме к известному литературоведу, профессору А. И. Лясковскому указывал: «Дед мой был женат в четвертый раз на баронессе фон Цеймерн, лице, происходящем из очень известной в России фамилии, очень аристократической. Хотя мой дед и был известное лицо в Москве, пользовавшееся большим почетом и уважением, однако происхождение его было совершенно темным. Никто не знал и не подозревал до Вашего мне сообщения, что моим прадедом является И. В. З. Трейтер... Один из Цеймернов ездил специально в Германию узнавать происхождение моего деда (так сообщил мне отец) и, вернувшись, был очень сдержан в сообщении полученных им сведений, однако из полудоговоренных слов моего отца, его намеков я знаю от него, что сведения из Германии, полученные одним из Цеймернов, сводились к тому, что дед мой был дитя любви Гете и Генриетты Трейтер (жены И. В. З. Трейтера. – В. П.), чем и объясняется оживленная переписка между Гете и моим дедом, а также и то, что дед мой обладал, по-видимому, поэтическим даром (этим одарен мой старший брат и был одарен младший). В силу традиций и предрассудков тогдашнего времени это (имеется в виду внебрачная связь Гете и Генриетты Трейтер. – В. П.) скрывалось, и это будто бы обстоятельство было причиной того, что дед мой уехал в Россию...» [19, с. 215].

Обрусев, Иоганн Готтлоб Вильгельм Трейтер принял имя и отчество «Василий Васильевич», стал известным врачом. Долгие годы он работал главным врачом московского Воспитательного дома, состоял консультантом Мариинской больницы, где служил отец Ф. М. Достоевского; лечил он и самого писателя в его молодые годы.

По приглашению профессора Московского университета, тайного советника и почетного лейб-врача Его Императорского Величества, доктора Юстуса Лодера Трейтер работал в

школе при церкви Св. Михаила вместе с известными в то время врачами И. А. Розенштраухом, Ф. Ф. Рейсом, Г. Флорие, Б. Ауэрбахом. (Между прочим, фамилия доктора Лодера, практиковавшего в своей медицинской практике с больными прогулки и физические упражнения на свежем воздухе, стала впоследствии нарицательной, и трансформировалась в знакомое каждому русскому человеку слово *лодырь*.)

В. В. Трейтер заслужил внимания со стороны российского Императорского двора. Так, московский генерал-губернатор Д. В. Голицын в письме от 29 марта 1831 г. уведомлял В. В. Трейтера о получении «высочайшего рескрипта» с изъятием ему, Трейтеру, благодарности за самоотверженную работу во время эпидемии холеры и о присвоении ему дворянского звания.

В доме Трейтера на Басманной улице останавливались приезжавшие из Германии ученые, доктора, другие известные люди, в частности Александр фон Гумбольдт в 1829 г. В. В. Трейтер не был чужд и коммерческой деятельности. Так, 13 января 1853 г. была утверждена акционерная Горная компания, в состав 30 акционеров которой вошел и действительный статский советник В. В. Трейтер. В 1855 г. В. В. Трейтер скончался.

В. В. Трейтер обладал немалым поэтическим даром. Такой вывод позволяет сделать знакомство с некоторыми его произведениями, написанными по-немецки. Предлагаем вниманию читателя одно из стихотворений В. В. Трейтера, опубликованное на немецком языке в статье Е. А. Трейтер «Из веймарского окружения Гете». Его перевод на русский язык осуществлен В. Б. Помеловым.

AM NEUEN JAHR 1807

Oft Geschiedner, kehrst Du wieder nach der lang enteilter Zeit.
Sei Willkommen! Steige nieder aus der Nacht der Ewigkeit!
Doch erwarte nicht Gesaenge, keinen freudevollen Ruf,
Der noch Glueck und Freude klaenge, den sonst dein Erscheinen schuf.
Jene Zeiten sind verloren, grauer Ewigkeit verleibt!
Andre Zeiten sind geboren, die mit Unheil sind beweibt.
Siehst Du jenen kraeft`gen Alten, an die Eiche dort gelehnt?
Schmerzen ihm im Busen wallten, dass er furchtbar klaeglich stoehnt.
Kennst Du dieses wuerd`geWesen? Mit ihm fuehlendklaegst Du: Nein!
Als er Juengling noch gewesen, kehrst Du froehlich bei ihm ein!
Monden schufen ihn zum Greisen, Rummerhat sein Haupt gebleicht,
Dass er statt mit frohen Weisen, klagend nun durch Waelde schleicht.
Nicht erkennst Du diesen hohen Schutzgeist vaterlaend`scher Flur!
Seine Kraft ist ihm entflohen seit ein Gott sein Elend schwur.
Und sein Schutzland ist veraendert, unerkennbar ist es jetzt!
Da ein Fremder es geaendert und ihm neue Ordnung setzt.
Koennen wir Dich froh begruessen, da das Vaterland jetzt weint!
Wir den Fremden weichen muessen, die sich gegen uns vereint!
Doch bringst Hoffnung Du uns wieder, O! so zaudre nicht und sprich!
Frohe, nie gehoerte Lieder Gruessen denn statt Klagen Dich!
Ja! So hoert doch meine Worte, die durch mich der Gott jetzt spricht:
Ausgetobet hat die Horde, die frech jede Grenze bricht!
Mein Erscheinen ist ihr Scheiden. Auf! Erwacht zu neuen Freuden.
Bald vertreibt der Reussen Arm Jener frank`schen Tigerschwarm!

(1807)

НА НОВЫЙ 1807 ГОД

После длительной разлуки Новый год приходит к нам!
Прежде не было с ним скуки. – Были рады стар и млад.
Но не слышно больше песен на немецкой стороне.
Времена переменились. Враг царит во всей стране.
Не узнаешь ты ни поля, ни лесов, ни рек родных.
Красоту их враг коварный отнял, силой утвердив
Свой закон, порядок новый и «привольное житье»
для сирот и вдов бездомных в поле и в глуши лесной.

Посмотри! Вон прислонился к ели пожилой тевтон.
Рана губит его тело, из груди – предсмертный стон.
А ведь был и он здоровым и веселым молодцом.
И в сражениях кровавых слыл отчаянным бойцом.
Все Отечество родное умывается слезой.
Уступаем вражьей силе, окружившей нас стеной.
Подари же нам надежду долгожданный Новый год!
Принеси победу Миру над французскою ордой!

(Мог ли предвидеть поэт того, что его этнические потомки дважды в XX веке пройдут «ордой» по всей Европе и принесут бесчисленные страдания миллионам людей во всем мире?!)

Как видно из приведенного стихотворения, В. В. Трейтер не забывал о своей первой родине – Германии – и живо реагировал на политические события, происходившие в Европе.

К 70-летию И. В. Гете в 1829 г. В. В. Трейтером было написано стихотворение «Rundgesang» («Заздравная»), в которой он величает фон Гете «королем поэтов» («der Fuerchteder Dichter»).

Верой и правдой служил своей новой родине «немецкий сын российского народа» В. В. Трейтер. Но и с Германией он не порывал связи. В. В. Трейтер вел переписку с И. В. фон Гете. Влияние отца в частности сказалось в том, что он по его примеру стал масоном.

В 1815 г. Трейтер вступил в права наследства в Веймаре и продал доставшуюся ему часть земельного участка И. В. фон Гете.

Первые три жены В. В. Трейтера рано скончались. Брак с баронессой Еленой Карловной фон Цеймерн, также прожившей недолгую жизнь (9.04.1804–13.12.1845), был неравным. Святейший Синод дал разрешение на него лишь после того, как брат Елены Карловны, обрусевшей немки, привез, как уже указывалось выше, из Веймара сведения «достаточно благородном» происхождении В. В. Трейтера. Император Николай I утвердил этот брак 14 октября 1827 г.

У В. В. Трейтера было девять детей, в том числе от последнего брака – шесть: Елизавета, Алексей (19.11.1831–14.10.1906, похоронен в г. Вятке), Василий (1830–1903), Михаил, Владимир (1840–1907), Максим (1842–?). Однако в целях некоторого сокращения размеров нашего повествования мы поведем речь лишь об одном из них, – Алексее и его детях.

Алексей Васильевич Трейтер закончил училище правоведения, жил со своей женой Варварой Петровной и детьми в ряде городов России. В 1896 г. они переехали в Вятку и осели здесь навсегда. Он был членом Вятского окружного суда. В семье было четверо детей: Петр, Гликерия, Василий, Сергей.

Петр (1862–1927) закончил исторический факультет Московского университета, работал преподавателем, был организатором краеведческого музея в г. Калуге. Его дети и внук уже умерли.

Сергей (1878–1920) имел сыновей Максима и Юрия. Их дети и внуки и сейчас живут на Урале. Об этой ветви потомков Гете можно узнать много интересного в интернете. Далее мы более подробно расскажем о Гликерии Алексеевне и Василии Алексеевиче.

Г. А. Трейтер родилась 28 декабря 1872 г. в Москве. Обучалась пению в московском музыкально-драматическом училище, кстати, одновременно с Леонидом Витальевичем Собиновым. Вятский краевед Р. А. Преснецов отмечал ее как обладательницу лирического сопрано [17, с. 82–83].

В 1902 г. она выступала с концертами в Вятке. Ее репертуар составляли арии из опер, романсы и народные песни: украинские, белорусские, татарские, башкирские. Гликерия окончила Павловский институт с золотой медалью. Ее диплом «свободного художника», выданный московским филармоническим обществом, приравнивался к диплому консерватории.

В 1904–1905 гг., движимая патриотическими чувствами, она приняла участие в Русско-японской войне. Она поступила сестрой милосердия на госпитальное судно «Орел» 2-й эскадры Рождественского полка. В Цусимском сражении судно попало в плен. В семье ее племянника Максима Сергеевича и его супруги Клавдии Ивановны Трейтер хранилась привезенная из плена Гликерией японская картина на шелке.

7 августа 1907 г. Г. А. Трейтер подала прошение о зачислении вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, с припиской «если на медицинском вакансии не окажется».

Однако училась она лишь два года. Верх взяла любовь к музыке. Она организовала женский хор, с которым выступала с концертами. В Казани Гликерия преподавала музыку в частной

гимназии Лидии Петровны Степановой-Шумковой, которая приходилась родственницей жене Сергея Алексеевича Трейтера, брата Гликерии. Позднее Гликерия Алексеевна хлопотала в Вятке об открытии музыкального училища им. Л. В. Собинова; у этой идеи были состоятельные сторонники, но осуществить ее не удалось из-за наступившей Первой мировой войны.

Накануне войны Гликерия жила в Берне, где познакомилась с большевиками и всерьез увлеклась их социальными идеями. В 1917 г. она даже была членом Петроградского Совета. В 1918 г. она была направлена в только что учрежденный Вятский губернский отдел здравоохранения с целью организации работы этого учреждения. Но уже через год ее перевели в Москву секретарем месткома губернского отдела здравоохранения.

В сентябре 1919 г. она вступает в партию большевиков и один год работает секретарем в губернских профсоюзных органах. В 1921–1922 гг. она работает в Профинтерне. В последующие годы занимает ответственные должности: председатель профсоюза работников просвещения (г. Новороссийск), инструктор Юго-Восточного бюро ЦК ВКП(б) (г. Ростов-на-Дону), зав. женотделом обкома компартии Грузии (г. Сухуми).

В 1929–1931 гг. Г. А. Трейтер работала в Лондоне, в аппарате народного комиссариата внешней торговли. Она свободно владела английским, немецким, французским и итальянским языками, а также татарским и башкирским. В последние годы жизни она работала в аппарате ЦК ВКП(б) редактором в исполкоме Коминтерна.

Г. А. Трейтер не выходила замуж, была бездетна, похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Она покончила с собой 19 октября 1937 г. Но что побудило ее совершить самоубийство? Можно предположить, что причиной были массовые репрессии, развернувшиеся в стране. Было ли ее самоубийство совершено в знак протеста? Стало ли оно следствием сгущавшихся над ней самой туч? Не исключено, что причиной могло стать разочарование в большевистских идеалах. Истина, по-видимому, где-то рядом.

И, наконец, расскажем о Василии Алексеевиче Трейтере, который был еще одним сыном А. В. Трейтера. Василий Алексеевич и есть тот самый, известный вятский врач, доцент Вятского педагогического института, архив которого разбирали Е. Д. Петряев и В. Г. Шумихин.

В. А. Трейтер родился в Москве 19 (31) мая 1875 г. [15, с. 444]. (По данным Н. Ю. Масоликовой, В. А. Трейтер родился в Нижнем Новгороде) [4, с. 239]. В 1885 г. семья переехала в Вятку. Последние классы гимназии Василий посещал в Вятке. Он окончил медицинский факультет Московского университета.

Несколько лет В. А. Трейтер работал врачом в железнодорожных мастерских на станции Мураши, расположенной в 100 км от губернского города Вятки. Сама станция Мураши в то время только что возникла в связи с прокладкой на север железной дороги.

Там и застали молодого врача события первой русской революции. Летом 1905 г. Всероссийский железнодорожный союз провозгласил требование, чтобы выработка всех правительственных законоположений, касающихся условий труда на железнодорожном транспорте, находилась в руках самих рабочих и служащих. Начальник Пермской железной дороги, куда относилась и Вятка, разрешил собраться в Перми на съезд по одному представителю от каждой службы для обсуждения назревших социальных вопросов. От мурашинских железнодорожников на съезд ездили Трейтер и Константин Сергеевич Владимиров.

Вернувшись из Перми, Трейтер устроил в помещении железнодорожного училища в Мурашах собрание, на котором познакомил собравшихся с резолюциями съезда. Был избран забастовочный комитет из пяти человек, куда вошел и В. А. Трейтер. Местные железнодорожники во главе с Трейтером начали готовиться к забастовке. В 3 часа ночи 8 декабря по Пермской железной дороге была объявлена забастовка. 19 декабря она была в пределах Вятской губернии прекращена.

В дальнейшем изменение политической обстановки в России привело к тому, что участники этой забастовки, всего 36 человек, в том числе и Трейтер, были привлечены к суду. Виновными почти все они себя не признали. В. А. Трейтер некоторое время находился в тюремном заключении [2]. Правозащитная деятельность В. А. Трейтера в дореволюционные годы становилась предметом изучения историков [3].

Будучи убежденным народником в лучшем смысле этого слова, В. А. Трейтер ненавидел царизм и дворянско-бюрократический строй. Когда грянула Февральская революция 1917 г., он, считавший себя «народным социалистом», был искренне убежден, что теперь народ получит все права, и больше уже не нужно никаких других революций. Великой Октябрьской социалистической революции он не принял, но был вынужден подчиниться новым порядкам.

Летом-осенью 1917 г. он являлся помощником губернского комиссара, а в конце ноября – 1-ой половине декабря губернским комиссаром Вятского Верховного Совета» [18, с. 341–342]. Иными словами, некоторое время *правнук фон Гете В. А. Трейтер был руководителем Вятской губернии* в качестве представителя Временного правительства, руководимого А. Ф. Керенским. (Кстати, отец Керенского Федор Михайлович в 1877–1879 гг. был директором первой Вятской мужской гимназии).

Руководство Вятской губернии от имени временного правительства не прошло для Трейтера бесследно. Он снова, теперь уже Советской властью, был привлечен к суду. 2 марта 1918 г., когда ему пришлось предстать перед судом Вятского революционного трибунала в качестве обвиняемого за активную деятельность в Верховном Совете и за работу по подготовке выборов в Учредительное Собрание, разогнанное большевиками в январе 1918 г., Трейтер «открыто признал» свои «ошибки» и дал слово «честно работать на советскую власть».

Огромный авторитет врача В. А. Трейтера среди населения города Вятки и популярность среди рабочих спасли его от сурового приговора, хотя опять ему пришлось провести некоторое время в заключении.

Обсуждение. Страстный правдоискатель, защитник слабых и угнетенных, замечательный ученый и врач – таким остался в памяти своих вятских современников В. А. Трейтер.

Будущий академик-педагог Эле Исаевич Моносзон (1908–1987), в 1920-е гг. студент общественно-экономического отделения Вятского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, с большой теплотой и признательностью в разговоре с автором данной статьи вспоминал В. А. Трейтера, который безотказно и бескорыстно оказывал медицинскую помощь любому, кто к нему обращался, в том числе и матери юного тогда Моносзона.

Интересны воспоминания Моносзона о В. А. Трейтере в связи с приездом в Вятку Вл. Маяковского. Об этом знаменательном событии Эле Исаевич рассказал нам буквально следующее: «На следующий день (после выступления поэта в пединституте. – В. П.) на своей лекции доцент Трейтер стал критиковать поэзию Маяковского и его внешность. “У него подбородок вытянутый, что говорит о его упрямстве и некоторой шизофреничности”, – заявил в частности Трейтер. Несмотря на то что все мы любили Василия Алексеевича, а некоторые, например я, были просто обязаны ему как прекрасному врачу, в аудитории поднялся шум, возмущение. Я попросил слово и подробно рассказал о революционном пафосе поэзии Маяковского. Сказал, что он подлинный пролетарский поэт, а его подбородок характеризует его сильную волю и титаническую энергию. Большинство однокурсников поддержало меня. Наш преподаватель только и сказал: “Ну, смотрите, смотрите...” Эта встреча с любимым поэтом привлекла еще больше внимания студентов к его боевому творчеству» [11, с. 34].

Студент Вятского пединститута 1920-х гг., в дальнейшем профессор, специалист в области авиационной техники Николай Петрович Борисов (1908–1992) в письмах к автору этой статьи характеризовал В. А. Трейтера как человека очень высокой культуры, что, несомненно, накладывало яркий отпечаток на состояние дел в руководимой им лаборатории в Вятском пединституте. Его ассистент Петр Петрович Распопов во всем стремился подражать ему. Такого исключительно, по-немецки педантичного порядка и дисциплины не было ни в одном учебном подразделении института. Сам Василий Алексеевич, вспоминал Н. П. Борисов, был замечательным лектором. На его лекции собирались все свободные от занятий студенты и преподаватели. Его прекрасные ораторские качества неизменно отмечают в своих воспоминаниях студенты тех лет. Воспоминания Моносзона и Борисова о Трейтере были включены в книгу автора этой статьи «Педагоги и психологи Вятского края», вышедшую в Кирове в 1993 г. 10-тысячным тиражом.

В Вятском пединституте В. А. Трейтер работал с 1 февраля 1922 г. До этого, в 1918–1922 гг. он был руководителем педологического кабинета детского коллектора Вятского губернского отдела народного образования [16, с. 173].

Как известно, педология в то время превозносилась на официальном уровне; некоторые известные в то время ученые в печати публично отрекались от звания педагога или психолога, и гордо именовали себя педологами, например, П. П. Блонский. Но уже очень скоро сталинско-жdanовское постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» заставит их очень пожалеть о такой неосмотрительности [10].

Коллегами В. А. Трейтера по кабинету были О. Н. Лашкевич, З. А. Луппова и Е. В. Антипова [1892–1974]. Последняя была дочерью царского генерала, женой известного в свое время писателя Виктора Ирецкого (1882–1936), покинувшего в 1922 г. большевистскую Россию на так называемом «философском пароходе». Е. В. Антипова еще до революции получила высшее

образование в Швейцарии. Пять лет Елена Владимировна работала в крупнейшем в мире психолого-педагогическом центре исследования проблем детства – в Институте Жан-Жака Руссо в Женеве. Ее учителями и коллегами были известные психологи: будущий Нобелевский лауреат Анри Бергсон, Пьер Жане, Эдуард Клапаред, а также Теодор Симон и Альфред Бине, авторы известной шкалы измерения уровня интеллекта («шкала Бине-Симона»). Воодушевленная идеями большевиков, зимой 1917 г. она вернулась в Россию.

В годы гражданской войны в Вятку перебралось немало преподавателей высокого уровня, среди них, например, профессора А. А. Фортунатов, Н. М. Каринский, П. К. Мейер и др. Считалось, и не без оснований, что в провинции легче пережить материальные трудности и голод. Кроме того, надо было где-то и работать. Достаточно сказать, что в 1917–1918 гг. во всей России работали только четыре вуза, в том числе Вятский институт народного образования, кстати, тогда еще не имевший статуса вуза. Е. В. Антипова была в числе тех, кто приехал в Вятку, в 1922 г., и в течение двух лет была сотрудницей В. А. Трейтера. В 1924 г. ей удалось эмигрировать. Она навсегда покинула Родину. Сначала вернулась в Женеву, а в 1928 г. получила привлекательное предложение из... Бразилии и всю оставшуюся жизнь работала в этой стране. Е. В. Антипова приобрела там огромный авторитет и стала, по существу, основоположницей психологической науки в Латинской Америке [4, с. 242]. Но до конца жизни она вспоминала добрым словом В. А. Трейтера, хранила оттиск его публикации «Опыт педологической работы» (Харьков, 1925) [4, с. 237], до 1935 г. переписывалась с З. А. Лупповой.

Обследование «дефективных» детей было актуальной задачей педологов в послереволюционные годы. Дело в том, что к числу «дефективных» относили всех беспризорников, а их было хоть отбавляй, в том числе и «на Вятке». Если уж ученые мужи ехали сюда в поисках лучшей доли, то оставшимся без попечения родителей детям, как говорится, сам Бог велел. Жители города с содроганием ожидали прибытия очередного поезда, особенно «товарняка». Впрочем, на перроне нежданных гостей поджидали и усиленные отряды милиции. Поэтому вскоре беспризорники изменили тактику и стали спрыгивать с поезда на подходах к городу.

По данным В. А. Трейтера, в 1920 г. в Вятке насчитывалось 3729 бездомных детей. в 1920 г. – уже 6776 [4, с. 240]. Надо полагать, Василий Алексеевич учитывал лишь тех, кто проходил через его кабинет. Об истинных масштабах этой трагедии можно было только догадываться.

В 1919 г. в Вятке были открыты педологические курсы, и Трейтер читал на них курс «Дефективные дети» (26 часов) в рамках «Программы курсов для подготовки руководителей по дошкольному воспитанию, воспитателей и воспитательниц в детские дома социального обеспечения» [4, с. 240].

В 1922 г. педологический кабинет детского коллектора был передан педагогическому институту. Вместе с кабинетом перешел на работу в институт и В. А. Трейтер. У Вятского пединститута уже была к тому времени своего рода практика принятия на работу обрусевших европейцев. Это и первый директор еще Вятского учительского института Александр Модестович фон Вилькен [6], и известный в Европе и США профессор Павел Константинович Мейер [9], и учитель французского языка детей Л. Н. Толстого Иван Кириллович Ламберт [11, с. 30–31]. Впрочем, эта традиция имела и более давнюю историю [5; 12; 13].

К моменту передачи кабинет имел очень скромное оборудование, состоявшее из библиотеки в количестве 119 книг, тахистоскопа, хроноскопа, ростомера, весов, набора инструментов для исследования по методике Альфреда Бине, несколько таблиц и небольшого количества мебели.

Одним из условий передачи было обязательство института обеспечить потребность детских домов губернского отдела народного образования в амбулаторном и стационарном обследовании детей. Стремясь к выполнению этих условий, институт организовал при кабинете врачебно-педагогическую амбулаторию, начавшую свою работу 29 июля 1922 г.

Вместе с оборудованием кабинета перешел и штат коллектора, состоявший из заведующего – врача В. А. Трейтера и психотехника О. И. Лашкевич. К 1927–1928 учебному году кабинет имел две просторные комнаты, где размещалась амбулатория, хранилось оборудование, проводились занятия со студентами. Основной задачей кабинета стало обеспечение ведения курса педологии.

В короткий срок Трейтер и возглавлявшийся им небольшой коллектив, в который входили К. Г. Кобельков, С. В. Бабайлова, Л. С. Крылова и П. П. Распопов, проделал большую работу. Был открыт хорошо оснащенный педологический кабинет, врачебно-педологическая ам-

булатория, разработаны учебные курсы «Введение в педологию», «Возрастная педология» «Работа с детьми, уклоняющимися от нормы» и ряд других.

Активно работал педологический кружок, на заседаниях которого заслушивались и обсуждались доклады педагогов школ Вятки и студентов. Проводилась большая работа по анатомо-физиологическому и психолого-педологическому обследованию детей.

Научные работы В. А. Трейтера в те годы публиковались в Ленинграде, Харькове, Свердловске, Вятке и других городах страны. Среди них были, например, следующие работы: Педагогическая педология: в 3 т. Вятка, 1927–1928; К вопросу о количестве школьной работы учащихся вятских школ // Труды 3-го съезда педиатров. Ленинград, 1926. Т.1. С. 41–49; Опыт педологической работы // Врачебное дело. Харьков, 1925; О причинах высокой заболеваемости телеграфистов станции Вятка-1 // Уральский медицинский журнал. Свердловск, 1923; Результаты исследования детей рабочего района г. Вятки // Вятско-Ветлужский край. Вятка, 1925 и др.

Казалось бы, институт должен был гордиться тем, что среди его преподавателей есть такая неординарная, талантливая личность, как В. А. Трейтер. Любой вуз гордился бы тем, что в его составе трудится такой выдающийся просветитель [13].

Но, как известно, в Вятке свои порядки... В 1926 г. отличавшиеся особой истовостью вятские большевики-преподаватели вынудили уехать из Вятки первого ректора института Николая Андреевича Дернова [11] и основателя кафедры педагогики Александра Константиновича Волнина, учителя Антона Семеновича Макаренко по Полтавскому учительскому институту [5].

Травля В. А. Трейтера, начатая еще царскими властями, продолжалась и в советские времена, постепенно переходя из сферы политической в сферу якобы научную. Рупором преследования стала губернская газета «Вятская правда», поместившая на своих страницах разгромные статьи чиновников от образования В. Саара «Какие учебные руководства нам не нужны» (№ 48 от 25 февраля 1928 г.) и Я. Берга «Подготовка красных педагогов и «марксизм» доцента Трейтера» (№ 231 от 10 октября 1929 г.).

Первая из этих статей была «рецензией» на учебное пособие В. А. Трейтера «Педагогическая педология», во второй были подвергнуты грубым нападкам взгляды В. А. Трейтера, «далекие от марксистских», что, по большому счету, так и было. Но какой иной ярлык мог быть страшнее для ученого в те годы!?

Прочитав статью Я. Берга перед началом лекции, точнее, прочитав в ней свой приговор, Василий Алексеевич нашел в себе силы начать занятие, но прямо в аудитории потерял сознание и в ночь на 11 октября 1929 г. скончался.

Тогдашний ректор института Михаил Александрович Фаворов признал в некрологе, что «Василий Алексеевич всю жизнь стремился только к правде» [20]. Правда, редактор газеты, а может быть, и сам автор статьи, не преминул поставить последнее слово в кавычки. (В середине 1990-х гг. внучка Фаворова, доцент МГУ, приглашалась читать лекции на естгеофаке Кировского пединститута. От нее я узнал, что жива ее мать, – дочь бывшего ректора нашего вуза Фаворова Людмила Михайловна, с которой у нас позднее была встреча в Москве.)

Смерть В. А. Трейтера вызвала определенный резонанс среди интеллигенции и рабочих Вятки. Всем было известно, какой травле он подвергался в пединституте со стороны начальства и некоторых коллег.

Неуклюжей попыткой самооправдаться в глазах местной общественности выглядит статья в «Вятской правде», подписанная профессором математики Вятского пединститута П. Д. Белоновским. В ней в частности отмечается: «Болезненное состояние Василия Алексеевича, о котором он сам лучше всех знал и о котором не раз ставил в известность своих сослуживцев и предупреждал их, в частности своего ассистента Серафиму Васильевну Бабайлову, о неизбежности такого исхода своей болезни, когда, как он сам выражался, его “машина может остановиться на полном ходу”, явилась той основной причиной, которая и обусловила этот трагический случай. Несмотря на расхождения и несогласие большинства членов институтского коллектива с принципиальными положениями, выставляемыми В. А. в его лекциях, общее собрание констатирует, что В. А. всегда встречал в стенах института самое внимательное и товарищеское отношение как со стороны сослуживцев, так и со стороны студенчества» [1].

Личность В. А. Трейтера по-прежнему вызывает исследовательский интерес [7; 8].

В. А. Трейтер был женат на Марии Федоровне Новицкой (1876–1924), родителями которой были Федор Каэтанович Новицкий и Елизавета Тимофеевна Велихова, которой, по свиде-

тельству внучки В. А. Трейтера Е. П. Столбовой, приходится родней знаменитый российский физик, академик Евгений Павлович Велихов.

Василий Алексеевич и Мария Федоровна Трейтеры воспитали семь детей. Один из них – сын Алексей Васильевич (1901–?), врач-психиатр. Его супруга Ирина Михайловна, домохозяйка. Их дочь Екатерина (1932–?) была учителем музыки. Именно Екатерина Алексеевна стала летописцем рода Трейтеров. Ее архив включал подлинные вещи фон Гете, например, его портрет работы немецкого художника Н. Л. Каца. (Другой портрет Гете того же художника, современника поэта, хранится в доме-музее Гете в Веймаре.)

Екатерина Алексеевна и ее супруг Валентин Константинович Яковлев, военный в отставке, проживали в г. Санкт-Петербурге. После их ухода из жизни квартира и все то, что имеет отношение к фон Гете, отошло к людям, которые не хотели бы публичности в этом вопросе. Это, конечно, их право.

Дочь Василия Алексеевича Трейтера Нина (1905–1996) родилась в Мурашах. В 1924 г. по окончании Вятского коммерческого училища она поступила на антропологическое отделение Ленинградского университета. В 1930 г. вышла замуж за Павла Алексеевича Столбова (1906–1985), учившегося в том же университете, но на факультете советского права. Беременность и рождение дочери не позволили ей сдать два выпускных экзамена, а после вернуться в Ленинград уже не удалось, главным образом по материальным причинам. В итоге, она закончила естественно-географический факультет Вятского пединститута, работала в г. Кирове директором школы фабрично-заводского ученичества.

Ее муж посвятил себя военной службе и служил в воинской части под Вологдой, затем в Новгороде. Здесь у супругов родилась вторая дочь. Военные годы Нина Васильевна провела в Кирове, муж служил в авиачасти. В 1947–1948 гг. она была завучем Пижанской средней школы, затем сотрудником Кировского областного института усовершенствования учителей и преподавателем методики географии Кировского пединститута.

У Столбовых было двое детей. Старшая дочь Наталья, по мужу Козлачкова (род. в 1930 г.) окончила филологический факультет Ленинградского университета, работала в Кирове учителем в школах рабочей молодежи № 7 и № 2. Имеет двоих детей – дочь Екатерину Павловну (род. в 1965 г.) и сына Дмитрия Павловича (род. в 1962 г.), работавшего инструктором по туризму центра детского и юношеского творчества Ленинского района г. Кирова. У него тоже двое детей – сыновья Павел и Иван. Иван известен в г. Кирове как промышленный альпинист.

Младшая дочь П. А. Столбова и Н. В. Трейтер Елена Павловна Столбова (1932–?) также, как и ее сестра, окончила Ленинградский государственный университет по специальности «физика». Кандидат технических наук, всю жизнь проработала в Кировском политехническом институте. Детей у нее не было. В меру сил, до самой кончины Е. П. Столбова вела общественную работу. В течение ряда лет вместе со своими школьными подругами она проводила «тепляшинские встречи», посвященные памяти Аполлинарии Николаевны Тепляшиной, награжденной в свое время двумя орденами Ленина. Среди учеников этой выдающейся вятской учительницы писатель А. А. Лиханов, рассказывавший в своих произведениях о любимой наставнице [14, с. 102].

Общаясь с Ниной Васильевной и Еленой Павловной, невозможно было не обратить внимание на их поразительное внешнее сходство с великим предком. Они располагали многочисленными статьями из немецких периодических изданий, которые, главным образом, через Екатерину Алексеевну, информировали своих читателей о судьбе потомков фон Гете в России. О них писали и местные, вятские издания.

Заключение и выводы. В заключение мы хотели бы отметить тот важный факт, что, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся нами попытки установить истину, автор статьи тем не менее не располагает убедительными свидетельствами, указывающими на генеалогическую связь героев нашего материала с великим поэтом. Не упоминается фамилия *Трейтер* и в ряде авторитетных монографий, посвященных жизни и деятельности И. В. фон Гете [21; 22; 23; 25; 26], в том числе и в специальных изданиях, рассказывающих о взаимоотношениях фон Гете с женщинами в разные периоды жизни великого поэта и общественного деятеля [24]. В то же время автор статьи считает, что, независимо от того, являются ли члены семейства Трейтер потомками фон Гете или нет, сама по себе эта семья внесла свой неповторимый вклад в историю российского государства и заслуживает того, чтобы о ней знали их соотечественники и земляки-кировчане.

Наше краткое исследование рода Трейтеров показывает, что в истории развития образования и культуры на Русском Севере, и в частности в Вятском крае, принимали участие и

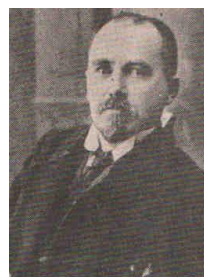
уроженцы Германии, для которых Россия стала второй родиной. Представляется, что такого рода исследования могут быть использованы в целях духовного роста и культурного обогащения наших граждан, для укрепления дружбы между народами России и Германии.

Г. А. Трейтер

Г. А. Трейтер

В. А. Трейтер

Верховный совет по управлению Вятской губернией вместе с защитниками (адвокатами), выступавшими в Вятском революционном трибунале. 2 марта 1918 г. Сидят слева направо: первый – Н. А. Чарушин, второй – В. В. Аммосов, третий – А. С. Иванов; стоят слева направо: первый – С. А. Калинин, второй – В. А. Трейтер, третий – П. С. Басов, четвертый – И. П. Домнин, шестой – Л. В. Юмашев. (Фото взято из книги: 1917 год в истории Вятского края : 100-летию Великой российской революции посвящается : ист.-док. сб. : в 2 кн. / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, науч.-исслед. Центр регионоведения. Киров : Герценка ; ВЕСИ, 2018. Кн. 2. 288 с.).

Список литературы

1. Белоновский П. Д. Смерть доцента В. А. Трейтера // Вятская правда, 19 окт. 1928. № 234.
2. Зуй Е. 90 лет назад // Кировская правда, 20 янв. 1996. № 11.
3. Колотов А. В. В. А. Трейтер – вятский политик 1917 г. // Немцы в России: взгляд из провинции : сб. материалов всерос. науч. конф. / ред. кол. : В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров, 2012. С. 51–59.
4. Масоликова Н. Ю. «Бразильянка из Санкт-Петербурга»: психолог Елена Антипова (1892–1974) и ее вятские годы // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета) : сборник материалов VII Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Киров, 20–21 ноября 2013 г. : в 2 т. Т. 1. / ред. кол.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 236–244.
5. Помелов В. Б. А. К. Волнин: в тени великого ученика // Историко-педагогический журнал. 2018. № 2. С. 114–124. DOI: 10/17853/2304-1242-2018-2.
6. Помелов В. Б. А. М. фон-Вилькен – первый директор Вятского учительского института // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета) : сб. материалов VII всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием / ред. кол.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров, 20–21 ноября 2013 г. : в 2 т. Т. 1. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 11–21.
7. Помелов В. Б. В. А. Трейтер – врач, педагог, педолог, общественный деятель Вятки // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2015 год : информ.-стат. сб. / Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. ; Н.И. Зорин (пред.) [и др.]. Киров, 2014. С. 292–297.
8. Помелов В. Б. Вятский врач В. А. Трейтер // Медицинское образование сегодня. 2018. № 1. С. 64–83. URL: <http://medobrtoday.ru/index.php/medobrtoday/issue/view/2>.
9. Помелов В. Б. Вятский профессор П. К. Мейер // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018) : сб. статей XVIII Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. 2–28 апреля 2018 г. Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2018. С. 702–709.
10. Помелов В. Б. Недолгий век отечественной педологии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 89–96. URL: <http://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/ВятГУ%202018/ВятГУ%201.2018/Pomelov-v.-b.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).

11. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров : Информцентр, 1993. 84 с.
12. Помелов В. Б. Просветительско-педагогическая деятельность В. В. Радлова // Педагогика. 2013. № 6. С. 112–118. URL: <http://www.pedagogika-gao.ru> (дата обращения: 20.11.2018).
13. Помелов В. Б. Просветительство как педагогический феномен/ Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 26–31. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10003.
14. Помелов В. Б. Семья Трейтеров в Вятке // Немцы в России : сб. материалов II всероссийской науч. конф. с междунар. участием. Киров, 28 апреля 2012 г. / ред. кол.: В. Т. Юнгблуд [и др.]. Киров, 2012. С. 92–102.
15. Помелов В. Б. Трейтер Василий Алексеевич // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Вятка, 1996. Т. 6. Знатные люди. С. 444–445.
16. Преподаватели ВятГГУ / сост. В. Б. Помелов. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2004. С. 173.
17. Преснецов Р. А. Музыка и музыканты Вятки. Горьки, 1982. 160 с.
18. Тимкин Ю. Н. 1917 год: от революции по телеграфу к революции на штыках // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. Киров, 1995. Т. 4. История. С. 341–342.
19. Трейтер Е. А. Из веймарского окружения Гете // Россия и Запад: Из истории литературных отношения. Л., 1973. С. 208–219.
20. Фаворов М. А. Некролог // Вятская правда, 18 окт. 1929. № 233.
21. Boerner P. Johann Wolfgang von Goethe. Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2010. 160 p.
22. Goethe fuer unsere Zeit. Ein Lesebuch (mit Biografie). Aufbau-Verlag Berlin und Weimar. 1975. 418 p.
23. Seehafer K. Johann Wolfgang Goethe «Mein Leben ein einzig Abenteuer». Biografie. Verlag Aufbau Taschenbuch, 2009. 512 p.
24. Seele A. Frauen um Goethe. Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2010. 192 p.
25. Seemann A. Weimar: Eine Kulturgeschichte. Verlag C. H. Beck. Munchen, 2012. 464 p.
26. Weimarer Persoenlichkeiten / Voelkel Ulrich (Hg.). Weimarer Taschenbuch Verlag. Weimar, 2009. 296 p.

Treiter family and Vyatka region

V. B. Pomelov

Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. The article reveals the history of the famous in Germany and Russia Treiter family. The author provides biographical information about representatives of several generations of this unusual family, starting with Johann Wilhelm Sigmund Treiter and his wife Henrietta, who lived in the German city of Weimar in the XVIII century. The fate of their son Johann Gottlob Wilhelm Treiter (1781–1855), who received a medical degree from the University of Jena and accepted Russian citizenship, as well as a new name and patronymic (Vasily Vasilyevich). Later, he worked in Saint Petersburg. A sample of his poetic work is given (with a translation of the poem by the author of the article). It tells about one of Vasily Vasilyevich's nine children – Alexey (1831–1906), a lawyer who moved to Vyatka, his daughter Glikeria (1872–1937) and son Vasily (1875–1929), who left their indelible mark on the history of our country. The name of Vasily Alexeevich Treiter is included in the list of "Notable people of the Vyatka region". In 1917, he was the head of the Vyatka province as a representative of the Provisional government. A significant number of contemporaries' memories of him as a doctor and teacher of the Vyatka State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin have been preserved. The article contains excerpts from the author's conversations with professors E. I. Monoszon and N. P. Borisov, who were students of V. A. Treiter in the 1920s. In the final part of the article deals with the descendants of V. A. Treiter, including about living today. The article gives the assumption that I. G. V. Treiter was the illegitimate son of the great German poet J. W. von Goethe.

Keywords: V. G. Shumikhin, E. D. Petryaev, I. V. Goethe, I. G. V. Treiter, Weimar, Saint Petersburg, Moscow, V. A. Treiter, Vyatka, G. A. Treiter, E. V. Antipova, N. V. Treiter, E. P. Stolbova, N. P. Borisov, E. I. Monoszon.

References

1. Belonovskij P. D. *Smert' docenta V. A. Trejtera* [Death of associate professor V. A. Treiter] // *Vyatskaya pravda* – Vyatka Truth. October 19, 1928. No. 234.
2. *Zuj E. 90 let nazad* [90 years ago] // *Kirovskaya pravda* – Kirov Truth. 20 Jan. 1996. No. 11.
3. Kolotov A. V. *V. A. Trejter – vyatskij politik 1917 g.* [V. A. Treiter is Vyatka politician of 1917] // *Nemcy v Rossii: vzglyad iz provincii : sb. materialov vseros. nauch. konf.* – Germans in Russia: a view from the province : collection of materials of all-Rus. scientific conf. / ed. board: V. T. Yungblud [et al.]. Kirov. 2012. Pp. 51–59.
4. Masolikova N. Yu. *"Brazil'yanka iz Sankt-Peterburga": psiholog Elena Antipova (1892–1974) i ee vyatskie gody* ["The Brazilian woman from Saint Petersburg": psychologist Elena Antipova (1892–1974) and her Vyatka years] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem (k 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitar-*

nogo universiteta) : sbornik materialov VII Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem – Vyatka land in the past and present (to the 100th anniversary of the Vyatka state University for the Humanities) : collection of materials of the VII all-Russian scientific and practical conference with internat. participation. Kirov, November 20–21, 2013 : in 2 vols. Vol. 1. / ed. board: V. T. Yungblud [et al.]. Kirov. VyatSHU. 2014. Pp. 236–244.

5. Pomelov V. B. A. K. Volnin: v teni velikogo uchenika [A. K. Volnin: in the shadow of the great disciple] // *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* – Historical and pedagogical journal. 2018. No. 2. Pp. 114–124. DOI: 10/17853/2304-1242-2018-2.

6. Pomelov V. B. A. M. fon-Vil'ken – pervyj direktor Vyatskogo uchitel'skogo instituta [A. M. von Wilken is the first director of the Vyatka Teachers' Institute] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem (k 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta) : sb. materialov VII vserossijskoj nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* – Vyatka land in the past and present (to the 100th anniversary of the Vyatka state University for the Humanities) : collection of materials of the VII all-Russian scientific-practical conf. with intern. participation. / ed. board: V. T. Yungblud [et al.]. Kirov. November 20–21, 2013 : in 2 vols. Vol. 1. Kirov. VyatSHU. 2014. Pp. 11–21.

7. Pomelov V. B. V. A. Trejter – vrach, pedagog, pedolog, obshchestvennyj deyatel' Vyatki [V. A. Treiter – doctor, teacher, pedologist, public figure of Vyatka] // *Pamyatnaya knizhka Kirovskoj oblasti i Kalendar' na 2015 god : inform.-stat. sb.* – Memorial book of the Kirov region and Calendar for 2015: inform.-stat. sat. / Territory organ of Feder. State Service of Statistics for the Kirov region; N. I. Zorin (pred.) [et al.]. Kirov. 2014. Pp. 292–297.

8. Pomelov V. B. Vyatskij vrach V. A. Trejter [Vyatka doctor V. A. Treiter] // *Medicinskoe obrazovanie segodnya* – Medical education today. 2018. No. 1. Pp. 64–83. Available at: <http://medobrtoday.ru/index.php/medobrtoday/issue/view/2>.

9. Pomelov V. B. Vyatskij professor P. K. Mejer [Vyatka Professor P. K. Meyer] // *Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2018) : sb. statej XVIII Vseros. ezhegod. nauch.-prakt. konf. 2–28 aprelya 2018 g.* – Society. Science. Innovations (NPC-2018) : collection of articles of XVIII all-Russian scientific-practical conf. April 2–28, 2018. Kirov. VyatSU. 2018. Pp. 702–709.

10. Pomelov V. B. Nedolгий vek otechestvennoj pedagogii [Short-lived century of Russian Pedagogy] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2018. No. 1. Pp. 89–96. Available at: <http://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/Vyatgu%202018/Vyatgu%201.2018/Pomelov-V.-b.pdf> (date accessed: 20.11.2018).

11. Pomelov V. B. *Pedagogi i psihologi Vyatskogo kraja* [Pedagogues and psychologists of the Vyatka region]. Kirov. Informcentr. 1993. 84 p.

12. Pomelov V. B. *Prosvetitel'sko-pedagogicheskaya deyatel'nost' V. V. Radlova* [Educational and pedagogical activity of V. V. Radlov] // *Pedagogika* – Pedagogy. 2013. No. 6. Pp. 112–118. Available at: <http://www.pedagogika-rao.ru> (date accessed: 20.11.2018).

13. Pomelov V. B. *Prosvetitel'stvo kak pedagogicheskij fenomen* [Enlightenment as a pedagogical phenomenon] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical Herald. 2018. No. 2. Pp. 26–31. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10003.

14. Pomelov V. B. *Sem'ya Trejterov v Vyatke* [The Traiter family in Vyatka] // *Nemcy v Rossii : sb. materialov II vserossijskoj nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. Kirov, 28 aprelya 2012 g.* – The Germans in Russia : collection of materials of the II all-Russian scientific conference with internat. participation. Kirov, April 28, 2012 / ed. board: V. T. Yungblud [et al.]. Kirov. 2012. Pp. 92–102.

15. Pomelov V. B. *Trejter Vasilij Alekseevich* [Treiter Vasily Alekseevich] // *Enciklopediya Zemli Vyatskoj : v 10 t.* – Encyclopedia of the land of Vyatka : in 10 vols. / chief ed. V. A. Sitnikov. Kirov. Vyatka. 1996. Vol. 6. Notable people. Pp. 444–445.

16. *Prepodavateli VyatGGU* – Teachers of VyatSHU / comp. V. B. Pomelov. Kirov. VyatSHU. 2004. P. 173.

17. *Presnecov R. A. Muzyka i muzykanty Vyatki* [Music and musicians of Vyatka]. Gorky. 1982. 160 p.

18. *Timkin Yu. N. 1917 god: ot revolyucii po telegrafu k revolyucii na shtykah* [1917: from the revolution by telegraph to the revolution on bayonets] // *Enciklopediya Zemli Vyatskoj : v 10 t.* – Encyclopedia of the land of Vyatka : in 10 vols. Vol. 4. History. Kirov. 1995. Pp. 341–342.

19. *Trejter E. A. Iz vejmarskogo okruzheniya Gete* [From the Weimar environment of Goethe] // *Rossiya i Zapad: Iz istorii literaturnyh otnosheniya* – Russia and the West: From the history of literary relations. L. 1973. Pp. 208–219.

20. *Favorov M. A. Nekrolog* [Obituary] // *Vyatskaya pravda* – Vyatka Truth. October 18. 1929. No. 233.

21. *Boerner P. Johann Wolfgang von Goethe. Rowohlt Taschenbuch Verlag*, 2010. 160 p.

22. *Goethe fuer unsere Zeit. Ein Lesebuch (mit Biografie). Aufbau-Verlag Berlin und Weimar*. 1975. 418 p.

23. *Seehafer K. Johann Wolfgang Goethe "Mein Leben ein einzig Abenteuer". Biografie. Verlag Aufbau-taschenbuch*, 2009. 512 p.

24. *Seele A. Frauen um Goethe. Rowohlt Taschenbuch Verlag*, 2010. 192 p.

25. *Seemann A. Weimar: Eine Kulturgeschichte. Verlag C. H. Beck. Munchen*, 2012. 464 p.

26. *Weimarer Persoenlichkeiten / Voelkel Ulrich (Hg.). Weimarer Taschenbuch Verlag. Weimar*, 2009. 296 p.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 4 (16) (2019)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 27.03.2020 г.
Дата выхода в свет 17.07.2020 г.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6302.

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36